

ПИОНЕР

10

Б. Савинов. Народные театры России
А. Митропол. Человек-Горыныч и Прыжок

ПИОНЕР

ОКТАБРЬ 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1969 г.

КУРС НАЧИНАЮЩИХ

СОЛНЦЕ ПАЛИЛО НЕМИЛОСЕРДНО. Все вокруг — наш пес Ортодокс, кошка Гулька и даже куры во главе с рыжим бесхвостым петухом — спрятались в тень. Лишь воробьи как ни в чем не бывало деловито прыгали по замшелой крыше сарая.

Я сидел в комнате у окна и в который раз перечитывал «Дон Кихота». В ту самую минуту, когда знаменитый идальго, оглядев окрестность, обнаружил на горизонте злобное скопище ветряных мельниц, я отложил книгу и взглянул в окно.

Прямо к нашему дому шел почтальон.

— Здорово, Саша, — сказал почтальон. — Вам сегодня две газеты и, радуйся, приятель, — «Пионер». Прекрасное ощущение — держать в руках новенький, свеженький номер журнала! «Пионер» я начинаю листать с конца. Вот Шах — здорово! Вот «Сорок сорок» — отлично! Спорт, смешная повесть — хорошо! И вдруг на сорок восьмой странице читаю: «Волшебный конкурс начинающих волшебников начался...» «Накая чушь, — подумалось мне. — Ковер, волшебная лампа, шапка-невидимка... Да, но кто все это мне даст?!

И вдруг слышу голос:

— Я!

В комнате, кроме меня, никого не было, это я знал твердо...

...И тут я понял, что со мной говорит старец, нарисованный на журнальной странице.

— Что ты хочешь, говори, — возвестил старик.

— Я... я х-хочу ш-шапку-н-не-видимку, — заикаясь, прошептал я. И тут в одно мгновение на столе передо мной появилась настоящая шапка-невидимка, сверкающая драгоценными камнями.

— Нет, такая мне не годится, — осмелев, произнес я. — В такой не покажешься ребятам, засмеют. Мне бы пилотку...

— Твоя воля — закон, — поклонившись мне, сказал старец. И вместо шапки я увидел голубую пилотку, очень похожую на мою.

Кто бы мог подумать, что и такие шапки-невидимки бывают... Может быть, это сон? Я больно ущипнул себя, как делают герои всех сказок. Нет, это не сон, если больно!

Что ж, тогда действовать!

Я побежал к клубу.

«Сегодня, 8 июля 1969 года, в 15.00 будет дан сигнал к началу «Зарницы». Отрядам прибыть к сборному пункту точно, без опозданий», — прочитал я объявление, приклеенное к двери.

«Значит, сегодня, — подумал я и испугался. — А у меня-то еще ничегошеньки не готово».

Кто-то подошел сзади и лихо хлопнул меня по плечу. Я оглянулся. Рядом стоял Сашка Сонин. За плечом у него висел автомат, к поясу была пристегнута фляжка с водой.

— Здорово, Муха, — обрадовался я. — А ты заправский воин!

Только тут я увидел у колодца всех наших ребят. Многие поглядывали на часы.

И тут вдали прозвучал сигнал.

— Я, товарищ командир, только-только объявление прочитал, — объяснил я Сашке, — я сейчас. — Бегом в строй, — улыбнулся наш командир. И тут же скомандовал: — Отряд, смирно! Ша-агом арш! Запевай!

С песней наш отряд двинулся к лесу.

Через десять минут мы были уже на исходных позициях. Разбили лагерь. Развели костер. Наши повара таскали дрова, чистили картошку. Бойцы готовились к бою. Разведчики ушли в разведку.

Я тоже разведчик, но мне приказали остаться.

— Тебе поручается особое задание, — сказал мне Сашка. — Понимаешь, если мы раньше синих выудим у «Звездочки» их знамя, тогда можно ликвидировать, мы взяли верх, наша победа, а если синие нас обойдут, тогда, понимаешь?

— Понимаю, — ответил я и скрылся в чаще.

Сначала я бежал, потом шел осторожно, таюсь, потом полз. Вот за кустами рябины поляна. Я лег в траву и притаился.

Вы читаете рассказ, присланный на конкурс начинающих волшебников Сашей Ткачевым из села Гнездиловка, Белгородской области. Вместе с Сашей в нашем конкурсе участвовали восемьсот девяносто пять ребят. Сейчас все рассказы прочитаны. В одиннадцатом-двенадцатом номерах «Пионера» лучшие работы будут напечатаны. Продолжение рассказа Саши Ткачева читайте на последней обложке этого номера.

ВНИМАНИЕ!

«ОТВЕТЬ ЗА ГАЛСТУК!» — этот рассказ прислал из Минска писатель В. ТАРАС. В захваченном врагом городе живет мальчик... Но больше ни слова, потому что дело ключика, читатель, в самом интересном месте умолкнуть...

ПРОДОЛЖАЕМ ПЕЧАТАТЬ ПОВЕСТЬ Марии Прилежаевой «ЖИЗНЬ ЛЕНИНА».

У нас в гостях «ФРЁЗИ».

Это журнал для ребят ГДР.

В НАШЕМ ЛЕНИНСКОМ КАБИНЕТЕ сегодня разговор о том, что думал Владимир Ильич о социалистической революции. Двери в НАШ КАБИНЕТ всегда открыты.

«НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ» на этот раз сообщает про заоблачные ветряные электростанции на аэро-статах. Страшный морской зверь косатка, кажется, наконец-то под-

дался приручению! И последнее: как мы будем передвигаться на Венере или на Марсе? Давайте обсудим!

В этом номере заканчивается повесть Б. Сарнова «ЮРА КРАСИКОВ ТВОРИТ ЧУДЕСА», однако в конце есть намек на продолжение «чудес»!

В номере тебя ждут, читатель, картины народного художника А. Дейнеки.

Радиостанция «Здравствуй». О чем она вещает сегодня? О совете отряда и о его работе.

Начинаем в этом номере печатать новую повесть-сказку А. Шарова «ЧЕЛОВЕК-ГОРОШИНА И ПРОСТАК».

ВНИМАНИЕ! После летних каникул вернулись и принялись за дело «Трое Неизвестных» — всем известные Икс, Игрек, Зет.

И, наконец, наш корреспондент, побывавший недавно на одной из киностудий, рассказывает о фильме, которого еще нет, но скоро будет.

В номере много еще разного и интересного, но смотри, читатель, сам!

ОТВЕТ ЗА ГАЛСТУК!

Валентин ТАРАС

РАССКАЗ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Л яховская улица, три, квартира один...

В этом доме других квартир нет, но крыльца у него два: с улицы и со двора, заходить надо со двора, но сперва я должен постучаться с улицы, посмотреть, стоит ли на подоконнике правого от дверей окна вазон, бегония в синем фаянсовом горшке. Если стоит, значит, заходить можно, если нет — все равно надо постучаться, потоптаться на крыльце, как бы ожидая, что откроют, и спокойно идти дальше. И непременно стучаться во все следующие дома. Непременно, а то что это за нищий, который постучался только в один дом?

Бегония стояла на подоконнике. Я постучал кулаком в обитую коричневой клеенкой дверь, прислушался. В доме было тихо. Ни единого шороха. Но я знал, что за мной наблюдают. Наблюдают и ждут, пойду я к калитке или нет. Тем, кто в доме, известно, что под видом нищего должен прийти мальчишка, но мало ли действительно нищих, бездомных ребят бродит теперь по городу...

Я сошел с крыльца, вернулся к калитке, вошел во двор. Двор зарос лопухами, у сарая, закопавшись в песок, дремали куры, пустая собачья конура стояла в глубине двора. От конуры до крыльца тянулся подвешенный высоко над землей толстый провод, на проводе висело ржавое железное кольцо, за которое цепляют собачью цепь.

Но где же собака? Дядя Костя сказал, что собака будет бросаться на меня, но стоит на нее замахнуться, как она спрячется в конуре, — собака только кажется свирепой. Может, ее заперли в сарае? И потому дверь сарая подперта бревнышком?

Не нравилось мне что-то в этом дворе. Как-то слишком тихо здесь было. Тихо и тревожно. И почему-то пахло бензином. Как будто недавно во дворе побывала машина.

Но ведь бегония стоит на подоконнике. Сигнал опасности, если бегонии нет.

«Если бегония стоит, заходи смело, — сказал дядя Костя. — В доме тебя встретит женщина в очках. Присмотрись внимательно: правое стеклышко очков должно быть с трещинкой. Ты попросишь хлеба, женщина скажет: «Хлеба нет, мальчик, только картошка». Ты ответишь: «Если вареная, давайте». Тогда она передаст тебе сверток. Что в этом свертке, тебе знать не обязательно. Спрячешь его в торбочку — и ко мне. Если женщина окажется без очков или ты увидишь, что на них нет никакой трещинки, не пугайся, держись, как ни в чем не бывало. Попроси хлеба, но на пароль не отвечай, даже если она правильно произнесет условную фразу «Хле-

ба нет, мальчик, только картошка». Скажи, картошка, мол, тоже хлеб. Станет расспрашивать, кто ты и почему побираешься, говори правду: «Живу с бабушкой и маленькой сестренкой, бабушка немощная, а жить надо».

И еще дядя Костя сказал, что, если, несмотря на бегонию, что-нибудь покажется мне подозрительным, я ни в коем случае не должен убегать сломя голову. А уж если войду во двор, то и в дом должен войти обязательно.

Запах бензина — это было подозрительно. И то, что собаки не оказалось, тоже подозрительно. Хотя, если подумать, разве не могла она убежать куда-либо по своим собачьим делам? Нет, не могла. Теперь никто не спускает собак с цепи, бродячую собаку полиция немедленно пристрелят. Может, ее действительно заперли в сарае? Тогда почему ее не слышно? И почему, почему пахнет бензином?

Деревянное крыльцо с провалившейся нижней ступенькой... Соломенная метелка, прислоненная к двери... Сердце стучит медленно и грозно — бухает...

Я потянул дверь на себя, вошел в сени. В сенях было полутемно, и я стал шарить рукой по двери, ведущей из сеней в дом, никак не мог нащупать щеколду. Нащупал и замер на миг, осторожно нажал. Щеколда лязгнула неожиданно громко, все оборвалось у меня внутри, во рту пересохло, ладони противно вспотели. Толкнул дверь, она проскрипела тоненько, жалобно, и я вошел в маленькую прихожую. Свет падал в нее из дверного проема комнаты, занавешенного ситцевым — зеленым в белый горошек — пологом. Громко тикали часы, судя по звуку — ходики. Тиканье ходиков подчеркивало мертвую, нежилую тишину. Но вдруг в комнате скрипнула половица, словно кто-то осторожно переступил с ноги на ногу. Я инстинктивно попятился, и в то же мгновение полог отпахнулся.

— Стоять!

...Их было двое. В серых одинаковых кепках, в серых костюмах, в голубеньких рубашках с серыми галстуками, в желтых ботинках. Я сразу увидел, что это немцы, несмотря на штатские костюмы. Они втолкнули меня в комнату, велели снять и отдать им котомку. Один из них вытряхнул ее содержимое на пол: несколько вареных картофелин, две луковицы, корки хлеба, грязно-сизые, похожие на высохшие коровьи лепешки, жесткие, как подошва, блины из крахмала пополам с картофельными очистками...

— Ты умный и осторожный мальчик, — сказал тот, который вытряхнул котомку. — Ты понимаешь, что попрошайка должен иметь отвод для глаз.

Он говорил без акцента, но строил фра-

зу неправильно, не по-русски: «Отвод для глаз»... И еще у него получалось не «мальчик», а «мальшик», но это «ш» было почти незаметным, словно он чуть-чуть шепелявил...

— Но мы знаем, что ты не есть попрошайка! Будь благоразумный и скажи, кто тебя послал на этот адрес.

— Я хлебушка прошу, — сказал я, еле ворочая языком, казалось, он у меня распух от страха. — Бабушка больная, папа и мама погибли... Отпустите меня, пожалуйста...

— О, какой вежливый мальшик!

Он рассмеялся и что-то сказал своему напарнику по-немецки. Тот тоже рассмеялся, подошел ко мне вплотную.

— Пожалуйста, пожалуйста! Мы тебя отпустим к бабушке. Но... — Он вдруг жестко взял меня за подбородок, резко задрал мою голову вверх. — Но ты нам скажешь, кто тебя послал!

— Иначе отправим к папе и маме, — спокойно, даже как-то весело сказал первый.

— Зачем ты так долго не хотел зайти в дом? Ты чего-то боялся?

Жесткая рука больно сжимала мой подбородок, прямо в зрачки мне уставились немигающие голубые глаза.

— Ну!

— Я собаки боялся, — сказал я тихо.

— Но здесь нет никакой собаки! Или ты знал, что она есть? Откуда ты знал? — Глаза сузились, стали острыми и хищными, точно у кошки. — Говори!

— Там... будка... Я думал... собака...

Я заплакал. Слезы потекли по щекам на сжимавшую мой подбородок руку. Немец брезгливо отдернул ее.

Он повернулся к своему напарнику, и они быстро о чем-то заговорили по-немецки. Я мог разглядеть комнату.

Стены ее были оклеены зелеными обоями с золотистыми виньетками, посередине стоял круглый стол, накрытый зеленой плюшевой скатертью с кистями, на окне напротив, на подоконнике, стояла бегония в синем фаянсовом горшке.

Комната была проходная, справа и слева находились двери в другие комнаты. Рядом с левой дверью, ближе к порогу — старый буфет — темно-вишневый, почти черный, над буфетом висели голубенькие ходики. За стеклом буфетной дверцы — фотографии: мужчина в вышитой белорусской рубашке, два стриженных «под ноль» мальчика в одинаковых матросках, женщина в очках... Строгое лицо, волосы расчесаны на прямой пробор, глухая блузка с маленьким бантиком на горле...

И вдруг я увидел очки! Простенькие очки в металлической оправе. На буфете стояла декоративная соломенная тарелка, и очки лежали на ней, стеклышками впе-

ред. И трещинка, как паутинка, виднелась на правом стеклышке...

— Это твои знакомые? — Тот немец, который спрашивал у меня о собаке, перехватил мой взгляд, толкнул меня к буфету. — Твоя учительница? Нина!.. Нина!.. Как это? Ну! Отчество! Быстро!

— Не знаю... Я хлебушка прошу...

Мне не нужно было притворяться: слезы текли сами по себе, обильные, горячие, рот растянулся до ушей. Еще немного, и я бы заревел на весь дом. Но немец коротко ударил меня по щеке.

— Молчать!

Я сглотнул, утерся рукавом. Немец сказал что-то своему напарнику, толкнул меня к выходу.

— Марш на крыльцо!

Он приказал мне оставаться на крыльце, а сам направился к сараю, пинком отшвырнул бревнышко, подпиравшее дверь, распахнул ее. И я увидел стоявший в сарае мотоцикл с коляской. А рядом, на куске грязной фанеры, лежал труп собаки — обыкновенной дворняги, рыжей, с белыми подпалинами...

...Как только он повернул на Интернациональную, я понял, что он везет меня в СД. Все знали, что СД хуже гестапо... Хотя СД, или, говоря по-русски, служба безопасности, являлось филиалом гестапо — тайной фашистской полиции. Но это я узнал много лет спустя, а тогда люди усматривали какую-то разницу между ними. И все говорили, что СД хуже гестапо. Страшнее. А он вез меня в СД...

Четырехэтажное кирпичное здание. Открытые настежь железные ворота. Часовой у ворот поднял шлагбаум, и мотоцикл въехал во двор, подкатил к тамбуру второго подъезда.

— Вылезай!..

До войны в этом здании была школа. Не наша двадцать седьмая, а сорок восьмая. Наша за три квартала отсюда, от нее после бомбежки осталась одна стена...

— Прямо и навстречу!..

Второй этаж. Широкая лестничная площадка. У двери кадка с фикусом. Длинное узкое трюмо на стене рядом с дверью. Замурзанный, лохматый мальчишка в буфажном свитере, в моескиновых штанах мышинного цвета, в драных парусиновых тапочках глянул на меня из зеркала испуганными глазницами...

В этом коридоре размещались когда-то старшие классы — кое-где на дверях остались черные застекленные таблички: 8-й «А», 10-й «А», 9-й «Г»...

— Сюда!

На этой двери не было таблички с обозначением класса, только номер на эмалированном ромбике — 17...

Комната показалась огромной, наверно, потому, что в ней не было парт. Но желтый канцелярский стол стоял на том же месте, где обычно стоит стол учителя. Чуть поодаль, ближе к широкому окну, еще один стол, поменьше. На нем пишущая машинка, аккуратная стопка бумаги.

— Садись! Руки на колени и не двигайся! Смотреть на доску!

Доска была недавно вытерта влажной тряпкой, которая лежала внизу, в желобке. И кусочек мела лежал там же, маленький, круглый кусочек мела. А на доске, посерединке, был нарисован череп. Человеческий череп...

Стукнула дверь, — гестаповец вышел. Но я не решился повернуть голову в сторону, смотрел на череп, белый на черной доске, умело нарисованный мелом. Смотрел и смотрел, пока он не стал подмигивать мне, подмигивать и кивать. Вдруг наверху послышалась какая-то возня, в потолок забухало что-то коротко и глухо, как если бы там, на третьем этаже, роняли на пол гири. Я невольно посмотрел на потолок, но тут же снова уставился на доску — дверь отворили.

С гестаповцем, который меня привез сюда, вошли еще двое, в форме. Двое и девушка. И как только я увидел ее, сердце упало в пустоту, онемели ноги. И кожа на лице онемела и губы. Казалось, что они мгновенно вспухли у меня, как от удара...

Она мельком глянула на меня и прошла к столу, на котором стояла пишущая машинка. Немцы, все трое, уселись за учительский стол.

— Фройлен Нелла, вы готовы?

— Да, господин Треггер. Пожалуйста.

Она поправила под собой плюшевую подушечку, положила пальцы на клавиши машинки. Лист бумаги был заправлен в каретку. Какой-то стандартный бланк.

— Ну, скажи нам, как тебя зовут.

— Володя, — еле слышно сказал я.

— Володя? Очень хорошо. Фамилия? Только говори громче, мы не слышим.

— Пантелеймов.

— Пантелеймов? Прекрасно. Запишите фройлен: Пантелеймов Володя. — Машинка выбила короткую, сухую дробь.

— Сколько тебе лет?

— Тринадцать...

Совсем коротко простучала машинка. Два удара: тах-тах... Должно быть, слово «тринадцать» машинистка написала цифрой.

— Так. Володя Пантелеймов. Тринадцать лет. Ты, конечно, пионер?

— Нет...

— Только не надо врать, — с дружелюбной укоризной сказал Треггер, тот немец в штатском, который меня привез и который теперь вел допрос. — Мы не любим врушек.

— Ты, конечно, пионер?

Он улыбался мне почти ласково, но глаза оставались немигающими, напряженными. Два других немца тоже смотрели на меня миролюбиво, как на ученика на экзамене, который до сих пор отвечал правильно и вдруг запнулся. Особенно благодушно был настроен полный, розовый, как после бани, офицер, сидевший справа. Он даже посапывал от благодушия, чуть ли не хрюкал. Китель у него был расстегнут, пухлые руки сложены на животе, подбородок лоснился. Губы у него были маленькие, сердечком, и чуть отставлены, как рыльце у поросенка.

— Пофесим фнис голёва,— сказал он добродушно.— Крофф будит каплить иснос. И ти умреш. Дас ист ниht гут.

— Я не пионер,— сказал я тихо.

Второй офицер, сидевший слева, что-то сказал по-немецки. Треггер кивнул, про-

ткнул меня своим немигающим взглядом. Улыбнулся одним ртом, раздвинул губы, словно оскалился.

— Ты упрямый мальчик, очень храбрый. Но мы знаем, что ты должен был приходить в этот дом. Хозяйка нам все рассказала. Если ты будешь упрямый, мы приведем ее сюда подтвердить. Но тогда тебя повесят. Ты совсем подростковый мальчик, мы не хотим тебя вешать. Но есть закон, порядок. Орднунг! Тебя будут вешать, подумай!... И твою сестричку тоже и бабушку. Очень жаль... Человек, который послал тебя, не есть хороший, он послал тебя умирать, на... как это?.. верную гибель, чтобы спастись самому. Скажи нам, кто этот человек и где он живет. Мы сразу отпустим тебя домой, и никто ничего не будет знать. Ну?!..

Машинистка держала руки над клави-

шами, выжидающе смотрела на меня. Не узнавала. Но как она могла меня не узнать?

...— Пантелеймов, — сказала она сухо, — ты можешь завтра не приходить на линейку. Тебя принимать не будут.

Она была в синей сатиновой юбке, в белой блузке, а на груди у нее пылал шелковый пионерский галстук. Два узких алых крыла.

Точно такой же галстук несколько дней назад купили и мне. Галстук и белую рубашку, черные вельветовые брюки и оранжевые сандалии. Брюки, рубашка и галстук, тщательно отутюженные, висели дома на спинке стула, под стулом стояли сандалии с вложенными в них новыми носками, — зачем мне теперь все это?..

— Тебя принимать не будут, — сухо сказала она. — Ты недостойн быть пионером.

Это был страшный удар. Губы у меня запрыгали, рыдание подступило к горлу, но я пересилил себя, не заплакал.

— Ну и не надо!.. — сказал я хрипло, опустив голову и глядя на кончики носков синих парусиновых туфель вожатой. — Подумаешь!..

— Я от тебя ничего другого и не ожидала!

Она круто повернулась и быстро пошла по коридору, так быстро, что галстук, как порывом ветра, бросило ей на плечо, — язык яркого алого пламени на ослепительно белом маркизете...

— Ответь за галстук!

— Не трожь рабоче-крестьянской крови, она и так пролита!

...Я знал этот пароль с первого класса! Ответь за галстук — за частицу пролетарского знамени, за красный цвет революции... И ты отвечаешь. «Не трожь рабоче-крестьянской крови, она и так пролита...»

— Что означает узел галстука?

— Союз рабочих и крестьян!

...— Ну и не надо, — прошептал я самому себе. — Ну и не надо...

И я побрел по коридору, спотыкаясь

— Я не пионер, — сказал я тихо.

о свой истерзанный, распоровшийся по швам, заляпанный чернилами и перепачканный мелом портфель.

Месяц назад я шел по этому самому коридору с папиросой в зубах — шел на пари, «на слабо», и наткнулся прямо на нее, на старшую пионервожатую нашей школы. Наткнулся и остановился как вкопанный, а она изумленно смотрела на меня своими неулыбчивыми серыми глазами...

— Что это такое?...

Я неловко вынул дымящуюся папиросу изо рта, глупо улыбнулся, глупо и растерянно.

— Папироса...

Вокруг нас уже стояла толпа ребят, толкались, теснили друг дружку, задние заглядывали через плечо передних, точно зеваки на улице, на месте дорожного происшествия. Папиросу я скомкал, превра-

тил в крохотный твердый катышек, держал его в щепотке обожженными, черными от табачной сажи пальцами. Вожатая велела всем разойтись, взяла меня за руку и повела на пятый этаж, в пионерскую комнату. Она не читала мне мораль, не стыдила и не объясняла, что курить вредно.

— Ни учительнице, ни завучу я ничего докладывать не буду,— сказала она.— Ты сам явишься в учительскую или сделаешь это в классе, как тебе больше нравится,— расскажешь о своей глупой браваде! Понятно? Очень хорошо. Можешь идти.

Но я не решился признаться в своей выходке в тот же день, а потом откладывал со дня на день, затем и вовсе забыл — подумаешь!.. Хотя покуривать бросил, не потому, что боялся попасться еще раз, а потому, что противное это дело — мутит, голова болит и вообще...

Но она не забыла!

Теперь нашей школы нет. А старшая пионервожатая школы Нелла Григорьевна Станишевская держит руки над клавишами пишущей машинки и выжидающе смотрит на меня...

Она смотрела на меня, и глаза ее были пустыми, они ничего не выражали, кроме равнодушного ожидания. Пустые серые глаза, бледное лицо, слабо накрашенные губы. Маникюр отсвечивал розовым лаком на длинных худых пальцах — она держала их над клавишами машинки, как над раскрытым роялем...

— Как зовут водопроводчика Игнатенко? — негромко без нажима, как бы невзначай спросил вдруг Треггер. — По имени-отчеству?

Я чуть было не ляпнул: «Константин Петрович!» Что-то пискнуло у меня в горле, и Треггер весь подался вперед, но я уже сообразил, что едва не попался, утер рукавом нос.

— Какого водопроводчика?..

Треггер откинулся на спинку стула, сузил глаза. Он о чем-то коротко посоветовался с офицерами по-немецки, те кивнули, соглашаясь с ним.

— Фройлен Нелла, — повернулся он в сторону машинистки, — запишите, пожалуйста... Владимир Пантелеймов, несовершеннолетний, задержанный на явочной квартире большевистского подполья, подвергнут допросу десятого июня 1942 года. Дать правдивые показания отказался.

Дробно застучала машинка, словно стальные шарики защелкали по листу жести, посыпались, как горох...

— Злое... один момент!... злостное заpiresательство на основании законов германской власти и военного времени карается смертной казнью через повешение. Все!

Сухо щелкал последний шарик. Точка... Треггер встал.

— Написали? Danke!

Он вышел из-за стола, шагнул к столу машинистки, сам вынул из каретки бланк и, на ходу пробегаая его глазами, вышел из класса. Офицеры тоже встали. Полный, розовый, подошел ко мне, потрепал меня пухлой рукой по плечу, почмокал отставленными поросычьим рыльцем губами.

— Ты имейт фрема думать. Думать унд смотреть на доска. — Он ткнул через плечо пальцем. — Это смеется тфой смерть. Ферштейн? Думай, думай!..

В дверях он оглянулся, показал пальцем на доску, словно условие задачи предлагал списывать, и вышел, оставив дверь открытой.

Машинистка, или фройлен Нелла, как они ее называли, замешкалась у машинки — на несколько мгновений. Крутанула зачем-то колесико каретки, постучала пальцем по клавише, подула в какую-то щель на крышке машинки. И встала. Встала и посмотрела прямо на меня. Глаза ее по-прежнему были пустыми, невидящими, отрешенными. Пустые серые глаза. Она сложила ладони лодочкой, потеряла ладонь о ладонь, медленно, осторожно и вдруг еле заметно покачала головой. Еле заметно и — отрицательно. Нет... Нет... И еще раз — нет... И, словно спохватившись, быстро пошла к двери.

На третьем этаже снова что-то забухало в пол, тяжело, как будто гири роняли, и ноги топали там, наверху, множество ног, и слышно было, как там таскают что-то, словно мебель ворочают. Череп на доске скалил зубы, но смотреть на него было не страшно. Страшно и жутко было слышать этот непонятный стук над головой, эту возню наверху, страшно было смотреть на открытую настежь дверь.

— Иди сюда! — Треггер появился в дверях внезапно, в класс не вошел, а махнул мне рукой. Я не сразу опомнился, не сразу встал со стула.

— Иди за мной, — сказал Треггер, и я побрел за ним куда-то в конец коридора, и пол плыл подо мной, и гудящие в ногах мурашки пронзительной щекоткой охватывали икры.

Он привел меня в большую комнату, в которой было полно немцев в форме и в штатском, тесную от столов с пишущими машинками. Все машинки трещали наперебой, и дым от сигарет плавал над столами, и стоял гам, а у стены справа сидели на стульях какие-то люди, но сразу было видно, что это не арестованные. Лица у них у всех были какие-то одинаковые, серые. Однообразные серые лица, не злые, не добрые — никакие. И только в глазах у них было что-то ускользающее, и все эти

глаза щупали меня, обегали с головы до ног, присматривались, протыкали насквозь, запоминали.

Оставив меня, Треггер шагнул в боковую дверь. А я стоял и смотрел на этих людей, еще не понимая и не догадываясь, что это осведомители СД, тайные агенты, доносчики.

Треггер показался из боковой двери вместе с ней, с фройлен Неллой, зыркнул на меня, сказал ей что-то и снова скрылся. Дверь осталась полуоткрытой, и оттуда, из боковой комнаты, тоже доносился стук машинки, звонили телефоны, и кто-то громко называл фамилии, диктовал, должно быть, в трубку или машинистке: «Ифаненко, Соколёфф, Чернопёрка, Сафчик — шиссен!»

«Шиссен» — это значит «расстрелять». Это я понял. Понял, что там, за дверью, какой-то немец перечислял фамилии приговоренных к расстрелу. Я не сразу сообщил, что она, фройлен Нелла, обращается ко мне, легонько подталкивает меня к выходу. «Чернопёрка, Сафчик, — звучало у меня в ушах, — Чернопёрка, Сафчик — шиссен!»

Фамилию Савчик я знал... Тося Савчик... Ее арестовали месяц назад на рынке, во время облавы.

— Ты можешь идти домой. Вот пропуск. Отдашь его часовому, там, внизу.

Она протягивала мне пропуск, белую бумажку с каким-то номером и черной полоской наискось, и подталкивала к выходу.

— Ты можешь идти домой. Домой, понимаешь? Только домой.

Она сказала это уже за дверью, в коридоре, вложила мне в руку пропуск, быстро коснулась моего плеча, словно пылинку стряхнула.

— Иди. Домой. К бабушке.

Как бы не так — домой! Прежде всего я должен мчаться к дяде Косте, на Поселковую. Немедленно нужно предупредить, что на Ляховской засада. Что там все арестованы, что женщина в очках — в СД. Что в СД знают о дяде Косте. «Как зовут водопроводчика Игнатенко?» — спросил Треггер, и я чуть не ляпнул: «Константин Петрович!»

На Поселковую по Интернациональной вниз, а там напрямик, через развалины, к мосту. За мостом — направо, на Лодочную, Набережную, Береговую... Далеко, но откуда только взялись у меня силы! Я почти бежал, в висках стучало, жарко пылало лицо.

От Лодочной уже недалеко до дяди Кости, два квартала. Свернуть на Набережную, которая переходит в Береговую, дей-

Я понимал уже, что к дяде Косте идти нельзя.

ти до перекрестка с Поселковой. На перекрестке — направо, второй дом от угла...

Но тут я увидел колодец. Дощатый забор отступал от улицы, образуя закоулочек, и колодец стоял в этом закоулочке, как избушка. Луужицы пролитой воды выпукло синели на солнце, на плоском сером камне рядом с бревенчатым колодезным срубом стояло цинковое ведро, толстая железная цепь тянулась от него к темному, отполированному тысячами ладоней вороту.

И, как только я увидел этот колодец, мне нестерпимо захотелось пить.

Я пил жадными глотками, проливая воду себе на грудь и на ноги. Холодно стало в животе, заломило зубы, ледяные струйки стекали по подбородку. И вдруг меня как будто толкнуло что-то изнутри — от ведра слабо пахло бензином!..

Я поставил ведро на камень, оглянулся по сторонам. Никого не было на улице. И шагов не было слышно. И машин. Но сердце у меня билось медленно и грозно. Как-то слишком тихо было вокруг. Тихо и тревожно. Как в том дворе на Ляховской. И этот слабый запах бензина...

Какой-то немец, должно быть, заправлял свою машину здесь водой и случайно запачкал колодезное ведро бензином.

«Ты можешь идти домой. Домой, понимаешь? Только домой»... Мне показалось, что эту фразу сдержанный, негромкий, спокойный женский голос произнес у меня над ухом.

Я вышел из закоулочка, огляделся и медленно побрел дальше. Я понимал уже, что к дяде Косте идти нельзя. Если и там, на Поселковой, гестаповская засада, то на этот раз я уже не выкручусь. Кто поверит, что и на Поселковую я пришел просить хлебушка? А что, если там нет никакой засады? И дядя Костя ничего не знает о том, что случилось на Ляховской и ждет меня? Все равно — идти на Поселковую нельзя!.. Я могу привести «их» за собой.

Теперь мне все время казалось, что кто-то неотступно идет следом за мной. Я боялся оглянуться, всей спиной, плечами, всем телом чувствуя, как меня вот-вот схватят цепкие, жесткие руки. Но изредка, через силу, я оглядывался, и видел, что позади никого нет. Видел, но стоило мне пройти десяток шагов, как я снова весь сжимался внутренне в комок, и снова казалось, что за мной кто-то идет. Я даже слышал шаги и дыхание, неровное, прерывистое.

«Ты можешь идти домой. Домой, понимаешь? Только домой».

...Она была в синей сатиновой юбке, в белой блузке, и на груди у нее пламенел красный галстук. Два узких алых крыла... Точно такой же галстук купили и мне. Галстук и белую рубашку, черные вельвето-

вые брюки и оранжевые сандалии. И я сам гладил этот галстук тяжелым чугунным утюгом, и красные угли жарко светились в круглых отверстиях, как иллюминаторы на крейсере, и бил барабан, сперва далеко, а потом все ближе и ближе, как будто приближался отряд. Частая сухая дробь рассыпалась совсем рядом... И я отпрянул с кромки тротуара к забору — по улице мчались мотоциклы с колясками. Полевая жандармерия в рогатых касках, на груди — на свисающих с шеи цепочках — металлические орлы со свастикой в когтях. Мышиного цвета мундиры, на коленях у тех, кто сидит в колясках, «шмайсеры» — черные, кривые автоматы...

Я стоял и машинально считал проносящиеся мимо мотоциклы. От бензиновой гарри першило в горле, едкий синий дым длинным узким облаком плавал над мостовой. Десять... Двенадцать... Пятнадцать... Где-то облава.

— Как вороны понеслись куда-то, живоде-ры, — громко сказал какой-то невысокий, невзрачный дядечка в помятом сером костюме. — Облава. Как на зверей.

Он сказал это как бы самому себе, быстро глянул на кучку людей, которые собрались у забора, пережидая, пока проедут мотоциклы, глянул, постоял выжидающе и пошел, не оглядываясь. А меня как будто полоснуло чем-то холодным и острым. Что-то очень знакомое почувдилось мне в этом дядечке. Знакомое и опасное. Но я уже не мог представить себе его лица. Не помнил его. Точно так же, как не помнил уже ни одного лица из тех, которые видел там, в СД. Ни одного из тех лиц, на которых, как мутные плевки, как свинцовые кружочки — глаза. Одни выслеживающие глаза.

Я догадался: этот-то мятый дядечка и шел за мной. И теперь он притаился где-то впереди. И будет идти за мной до самого моего дома. А живодерами он обозвал немцев потому, чтобы я его не боялся, если увижу еще раз. Ему ведь придется идти за мной через пустырь. И там я его непременно увижу.

«Иди домой. Только домой. К бабушке», — прозвучало где-то во мне.

Я и шел домой — через заросший крапивой и курослепом пустырь дальней городской окраины. За пустырем начинались домики окраинной улицы, на которой я жил после того, как наш дом в центре разбомбили.

Я шел и осторожно оглядывался и видел, что какой-то человек маячит позади. Но теперь мне не было страшно. Я понимал, что это хорошо, то, что он идет за мной: я приведу его к своему дому, а не к дяде Косте...

Я не понимал еще, что в этот день я ответил за галстук.

«СВЯЗЬ-3»

А. КРИЧЕВСКИЙ

УХОДИТ НА ЗАДАНИЕ

К пирсу подкатил автомобиль. Из кабины выпрыгнул человек и побежал к дежурному.

— На большое кольцо кто пойдет? Не опоздали?

Дежурный давно привык к торопливым людям, ответил, не отрываясь от дела:

— «Связь-3». Ждет вас.

— Эй, есть кто на «Тройке»?

Дверь рубки открылась, появился мальчишка в форменной фуражке.

— Вахтенный Георгий Попов слушает.

— Капитан где?

— Сейчас будет. А пока на судне старший — вахтенный. Если по делу, то докладывайте.

— Ну, раз старший, принимай груз. — И с машины стали перетаскивать пакеты.

К концу погрузки появился капитан Иван Сергеевич Егоров.

— Товарищ капитан, докладывает вахтенный Попов: груз принят и размещен в кормовой каюте. На судне никаких происшествий не произошло. «Связь-3» к выполнению задания готова.

— Отлично, вахтенный. Теперь, Юра, проверь весь ли экипаж на месте, все ли люки задраены, — и снимаемся.

Из Салехардского порта до Оби у штурвала будет стоять Иван Сергеевич. Здесь много судов, пристаней. А дальше «Связь-3» поведет рулевой первой навигации Юра Попов.

«Связь-3» — катер особый, почтовый. Начиная с весны, когда Обь разливается на сотни километров, к поселкам по берегу не пробраться на машине. И на самолете не доберешься: нигде ему приземлиться. Тогда обязанности почтальонов выполняют речники.

Впереди — большое кольцо, больше тысячи километров пути. Внизу, в каюте, обычно лежат посылки, газеты, а в рубке, в отдельном шкафу, — письма. Их надо разобрать, чтобы в каждом поселке или стойбище быстро сдать почту и идти дальше. Юра любит разбирать письма, запоминать адреса, представлять людей, которые будут их читать. Один конверт заинтересовал его особенно: сверху слева напечатано: «Журнал «Пионер». И адрес: Село Шурышкары. Гусевой Лене».

Юра вспомнил свою школу на краю полуострова Ямала, пионерскую комнату и стопку «Пионеров» на столе. Но такие

Знакомьтесь, Юра Попов, рулевой первой навигации.

письма к ним не приходили. А жаль. Ведь читали журнал все ребята. И вопросов было много, и рассказать было о чем. Еще в прошлом году Юра был учеником восьмого класса. Он начал представлять себе, о чем могли написать из «Пионера» Лене, какая она... Но капитан позвал его к штурвалу.

— По этой протоке идем прямо. Держись левого берега. У правого затоплено мелкоесье — застрять можно. Обь нынче гуляет — там волна большая. Здесь и потише и покороче путь.

Сколько раз пришлось слышать Юре в училище, как суда вот в таких глухих протоках садились на мель, а потом сидели неделями, ожидая, когда какое-нибудь судно пройдет мимо и поможет выбраться из ловушки! А здесь срочный груз — почта. Люди ждут вестей. И эта Лена Гусева может подумать, что ей из журнала не ответили.

К Шурышкарам подходили на рассвете. Курсант Салехардского технического училища, проходящий практику на почтовом катере «Связь-3», стоял на палубе и встречал представителя местного отделения связи. Передал побыстрее письма, посылки и отдельно протянул конверт для Гусевой Лены.

— Здесь, наверное, важное. Пусть напишет ответ. Мы на обратном пути заберем.

Получив сообщение нашего корреспондента, мы вспомнили письмо Лены Гусевой. Лена писала нам, что ей очень хочется, чтобы все ребята в ее поселке стали читателями «Пионера». Лена рассказывала ребятам о журнале, давала прочитать самое интересное. И вот результат — многие в Шурышкарах стали подписчиками «Пионера». Редакция поблагодарила Лену.

Это письмо и доставила Лене речная почта.

О Василе Мысике и его стихах

Б. СЛУЦКИЙ

В стихах всегда чувствуется жизненный опыт поэта: города, в которых он побывал, пережитые им радости, перенесенные страдания, даже книги, которые прочитал поэт. Подумайте над стихотворением «Тропинка». С какою убежденностью доказывает поэт, что увиденная им в степи узенькая дорожка проложена не захватчиками, прискакавшими сюда грабить мирные села, а пахарями, возвращавшимися домой после полевых трудов! Так мог написать человек, который сам вырос в деревне, знает крестьянский труд, его тяжесть и его радость. Так мог написать человек, который сам отражал набег захватчиков на родную землю. Так мог написать человек широко образованный, знающий историю человечества.

Таков Василь Мысик, со стихами которого вы встретитесь в этом номере журнала: в юности — сын крестьянина, в зрелые годы — солдат Великой Отечественной войны и всю жизнь поэт, ученый, сказочник, переводчик.

Сейчас Мысику более шестидесяти лет. Он живет в Харькове — огромном городе, где рядом с большими заводами стоят корпуса университета и институтов. Здесь же, в Харькове, он учился. У Мысика необычная для поэта научная специальность: он окончил физико-математический факультет.

Присмотритесь, как точно и ясно пишет поэт. Наверное, на его слог сказались науки, которыми он занимался в молодости, — не допускающие расплывчатости физика и математика.

В Харькове же Мысик получил специальность востоковеда. Он путешествовал по Средней Азии и переводил великих поэтов Востока — Хаяма, Рудаки.

Глиняные города и зеленые сады, высохшие русла рек и бескрайняя пустыня — все это вошло в стихи Мысика, настолько неотличимые от восточной поэзии, что иной раз не веришь, что их написал украинец.

Здесь, мне кажется, время кончить предисловие и перейти к самим стихам.

Василь МЫСИК

Тропинка

Кто первый потревожил этот луг,
неверным следом мир нарушил этот?
Казак, что, туго натянувши лук,
ждал зверя здесь? Рыбак, что ставил
невод?

Ордынцы ли, что падали здесь ниц
в траву и, переждавши, нападали
на села вольные, что горести не ждали,
и уводили взятых в поле жниц...

Нет, не слепой разбой,
свой ежедневный взяток
с пчел берущий,
стал бы возиться с малою тропой,
через луга бредущей.

Не равнодушный ко всему пришлец,
к неведомому сердцем прикипевший.
А просто шел домой отец
семейства,

пробирался пеший
с лопатой или косою,
закинутою через плечо.
Он вечером, холодною росой
здесь проходил домой. А кто ж еще?

Он до седьмого доработал поту
и, кончив поздно вечером работу,
как солнце к глади движется морской,
шел, двигался к себе домой.

Не выбирал дороги,
ведь сами находили ноги,
куда ступить, чтобы не так болело
измученное тело,
чтоб силы сохранились для труда,
с которым жили и живем всегда.

Вот здесь, казалось, он бы прямо мог,
но почему-то взял левее сразу.
Не все равно!
Для чутких ног
понятен выгиб, неприметный глазу.

А вслед ему пошли другие — все —
по утренней и по ночной росе,
приберегая силушку на утро,
былинки лишней не ломая зря.

Как хорошо, моя земля,
как ты распорядилась мудро!
Следы, что носишь до сих пор,
оставил на тебе не вор,
а сеятель, что руки трудит,
и лишний раз в траву ступать не будет,
и бережет зеленый твой убор!

Осень

От всех амбаров на одном кольце
звеня ключами, кладовщицей
строгой
со светлым равнодушьем на лице
она тебя встречает у порога.

С мякиною зерна ей не вези
и не надейся сбить ее со счета:
все, что привез, положит на весы
и платит только то, что заработал.

Снег

Неслышимый-снежок —
любезный обожатель,
усердный украшатель
деревьев, крыш, дорог...

На плечи белый пух
он сыплет во весь дух,
на голову стожок
поставит.
Лежит себе, где лег,
и тает
в блаженной неге забытья.
О, если б так же лечь ты мог,
снег старости,
снег бытия!

Фонарик

(На восточный мотив)

Рассказывают, что ночной порой
однажды шел по городу слепой,

посвечивая на дорогу к дому
фонариком.

— Скажи, зачем слепому
фонарик в темноте? — спросили у него.
— Фонарик я зажег для зрячих, для того,
чтоб целым свой кувшин до дома донести
и чтоб меня не сшибли на пути.

Юность

Ты, юность, на ходу легка,
но тропки те, где ты
прошла,
не зарастут, хоть засевай,
запомнятся, хоть запаши.

Ты так спешила выйти в мир,
что оглянуться не успела,
и не закрыта до сих пор
калитка, где ты проходила.

Перевод Б. СЛУЦКОГО.
Рисунки П. БАГИНА.

Б. САРНОВ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Окончание

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

«Это редакция или что?!»

Корреспондент в замшевой куртке и Юра вошли в кабинет главного редактора газеты.

Сначала они попали в небольшой «предбанник», где за столом с несколькими разноцветными телефонами сидела красивая, важная секретарша.

— Редколлегия? — спросил корреспондент.

Секретарша кивнула.

— Меня вызывали?

— Два раза, — холодно ответила секретарша.

— Старик, ты пока посиди тут, — озабоченно сказал корреспондент Юре и быстро исчез в недрах редакторского кабинета.

За длинным столом, покрытым зеленым сукном, деловито восседали члены редколлегии. Во главе стола сидел маленький человек в очках. В зубах у него торчала сигара. Лицо его время от времени нервно подергивалось. Это и был главный редактор.

— Ей-богу, Сергей Сергеевич, у меня такое чувство, что ты нас всех разыгрываешь! — говорил один из членов редколлегии, не замечая входящего корреспондента.

— А-а, Игорь Васильевич! Наконец-то! — сказал корреспонденту главный. — Ну что это, прямо детский сад! Обсуждается ваш материал, а вы куда-то исчезли! Людмила Владимировна уже телефон оборвала...

Да, Михаил Андреевич, мы слушаем тебя, прости, пожалуйста...

— Да я, собственно, кончил, — сказал тот, кого называли Михаилом Андреевичем. — Сегодня мы дадим этот бред про чудо-ребенка, завтра опять про летающие тарелочки, а там и до говорящих крокодилов докатимся!

— Вы еще и про Академию наук не забываете, — поддержал его другой член редколлегии. — Если факты не подтвердятся, ой-ей-ей!.. Вообще лучше с учеными не связываться...

— А что вы скажете, Олег Николаич? Тоже против? — спросил главный.

— Я категорически против, Сергей Сергеевич! Что он там совершил, этот чудо-ребенок, я все забываю? То ли воду в вино превратил, то ли вино — в воду? Да? Я правильно излагаю? Ну, товарищи! Это же какая-то религиозная чушь! Это же прямо из библии! Это будет лить воду на мельницу религиозных предрассудков! Об этом вы подумали, Игорь Васильич? — патетически обратился он к корреспонденту.

— Да не в библии даже дело, — отмахнулся Михаил Андреевич. — Просто чушь какая-то, вот и все!

— Других мнений нет? — спросил главный. — Ну что ж! Послушаем автора. Прошу вас, Игорь Васильич!

— Весь этот разговор и я предвидел, — спокойно сказал корреспондент. — И потому решил перед началом редколлегии съездить за мальчиком. Юра ждет в «предбаннике». Давайте позовем его, и тогда вы сможете сами во всем убедиться...

Главный нажал кнопку звонка. На пороге появилась секретарша.

— Пригласите мальчика, — распорядился главный.

Секретарша ввела Юру.

Он ничуть не был напуган. Держался вежливо, спокойно. С любопытством осматривался.

— Ну, старик! — бодро обратился к Юре корреспондент. — Давай для начала покажем им что-нибудь совсем простенькое! Пусть боржом исчезнет, а вместо него появится, ну, скажем, армянский коньяк «Три звездочки».

— Как это? — спросил Юра.

— Ну, я не знаю! Как ты это делаешь? Раз-два-три! Хоп — и готово!

— Я никак не делаю, — сказал Юра, изобразив на лице крайнюю степень тупости и непонимания.

— Ну, брось, брось, старик! А кто устроил переполох в кафе на Арбате?

— В каком кафе? Не знаю я никакого кафе! — забубнил Юра привычным тоном человека, которому уже не в первый раз приходится опровергать взводимую на него напраслину.

— А мебель? — наступал корреспон-

дент. — Кто за три секунды переменял всю мебель в доме на Кировской?

— Какую мебель? Вы что? — удивился Юра и при этом так поглядел на корреспондента, что тот уже и сам начал опасаться, не пригрезилось ли ему все, что он описал в своем очерке.

— И мебель и библиотека, — бормотал он. — А кот? Этот гнусный кот, который всю руку мне исцарапал?! Вот царапина! — Окончательно растерявшийся корреспондент в доказательство стал тыкать свою руку прямо под нос то одному, то другому члену редколлегии.

— Вас кот исцарапал, а я при чем? — сказал Юра. — Это и не мой кот вовсе, я этого кота сам первый раз в жизни увидел...

— Ну вот, пожалуйста! — злорадно произнес Михаил Андреевич. — Мальчик даже не понимает, о чем речь! Я сразу почувствовал, что тут какая-то липа!

— Послушайте, Игорь Васильевич, — сказал главный. — Может, вы мальчиков перепутали? Может, это не тот мальчик?

На корреспондента просто жалко было глядеть. А сердце у Юры Красикова было не каменное. Кроме того, Юре и самому хотелось утереть нос всем этим людям, не верящим в его сверхъестественные способности.

— Ну, старик, ну я прошу тебя! Ну сделай это для меня! А? — лебезил перед Юрой корреспондент.

И Юра не выдержал.

— Ладно, — сказал он. — Так и быть, попробую...

На столе, покрытом зеленым сукном, вместо бутылок боржома появились бутылки «Столичной», «Российской», пузатая бутылка коньяка «Камю». Члены редколлегии недоверчиво рассматривали все это великолепие, некоторые, наиболее решительные, наливали напитки в стаканы, недоверчиво нюхали, пробовали на язык.

— Это что? — говорил Юра, упоенный успехом. — Это пустяки! Хотите, я вам тут всю мебель переменяю?

— Нет, мебель, пожалуй, не стоит, — задумчиво сказал главный.

Вошла секретарша, неся главному на подпись какие-то бумаги.

Он подписал одну, другую, третью. На четвертой бумаге взгляд его на мгновение задержался.

— А это что?

— Это о том, что завтра воскресник по уборке двора.

— А-а, — сказал главный. — Верно. Помню! — И собрался подписать бумагу.

— Подождите! — остановил его корреспондент. — Зачем воскресник? Юра в три секунды вам все уберет!

Совершенно замороченный главный механически сказал секретарше:

Все, в том числе и секретарша, подошли к окну и с интересом стали глядеть вниз.

— Подождите, зачем воскресник? Юра...

Внезапно он умолк и вдруг заорал:

— Довольно! К черту этот бред! Хватит морочить нам голову!

— Почему бред? — сказал Юра.

Он подошел к окну и поглядел вниз.

Из окна был виден внутренний двор типографии. Там валялись сваленные в

беспорядке рулоны с бумагой, какие-то железные ржавые бочки, груды строительного мусора, оставшегося с незапамятных времен: изломанные доски, битый кирпич.

Все, в том числе и секретарша, тоже подошли к окну и с интересом стали глядеть вниз.

— Совсем все убрать или просто сложить поаккуратнее? — деловито спросил Юра.

— Рулоны сложить. А остальное куда хотите! — сказала секретарша.

РУЛОНЫ С БУМАГОЙ МГНОВЕННО ВЫСТРОИЛИСЬ В АККУРАТНУЮ ПИРАМИДУ У СТЕНЫ. ДОСКИ, ГОДНЫЕ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА, ОБРАЗОВАЛИ КРАСИВЫЙ ШТАБЕЛЬ, В СЕКУНДУ ДВОР СТАЛ ЧИСТЫМ, ПРИБРАННЫМ, ДАЖЕ, ПОЖАЛУЙ, ЧЕРЕСЧУР ПУСТОВАТЫМ. ТОЛЬКО ПОСРЕДИ ДВОРА, СОБРАННЫЕ В КУЧУ, ЛЕЖАЛИ БОЧКИ, ОБЛОМКИ ДОСОК, ГРУДЫ БИТОГО КИРПИЧА И ПРОЧИЙ МУСОР.

Юра был в некотором затруднении. Он не мог решить, как ему лучше поступить с этим никому не нужным хламом.

Взгляд его скользил по соседним дворам. Один из этих дворов ему особенно понравился.

«Таинственный дар московского школьника»

Это был очень милый, уютный и чистый дворик недавно построенного жилого дома. Зеленый газон с небольшой симпатичной клумбой посередине. Спортплощадка: волейбольная сетка, турник, стол для пинг-понга... Площадка для малышей: песочек, качели...

Во дворе было пустынно. Только несколько малышей вяло копались в песочке. Да еще два взрослых человека — мужчина и женщина — мирно о чем-то беседовали.

Фигура мужчины внешне была ничем не примечательна: плащ, кепка. Фигура женщины была гораздо более живописна. Это была бодрая женщина лет шестидеся-

ти пяти в нелепой, причудливой шляпке и в габардиновом макинтоше непомерной длины и ширины.

Старуха была председателем совета пенсионеров при ЖЭКе. В настоящий момент она с воодушевлением рассказывала управдому, как вчера хвалили их в райисполкоме на заседании комиссии по благоустройству.

— Единодушно, единодушно все сказали: вам, вам первое место... А председатель комиссии говорит: «Мы вас знаем, Анна Макаровна, не первый год...»

— Главное, ведь фондов никаких! Ни на благоустройство, ни на озеленение. Все своими руками,— пожаловался управдом.

— Да, да, да... Я так и сказала: учтите, что все это, так сказать, своими руками. Фонды маленькие... Все своими... Своими руками... Да... И волейбол и этот... как его... пинг-понг... И, так сказать, цветы...

В этот момент буквально на глазах у собеседников случилось нечто невероятное.

Мальши с радостными криками стали лазить по ржавым бочкам, рыться в строительном мусоре.

ВОЛЕЙБОЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА, СТОЛ ДЛЯ ПИНГ-ПОНГА, ТУРНИК, ГАЗОН И КЛУМБА С ЦВЕТАМИ ИСЧЕЗЛИ. НА ИХ МЕСТЕ ПОЯВИЛИСЬ РЖАВЫЕ БОЧКИ, ГРЯЗНЫЕ ОБЛОМКИ ДОСОК, БИТЫЙ КИРПИЧ И ПРОЧИЙ НИКОМУ НЕ НУЖНЫЙ ХЛАМ, СРЕДИ ЭТОГО БЕЗОБРАЗИЯ ОДИНОКО И ЖАЛКО ТОРЧАЛИ МАЛЕНЬКИЕ ДЕТСКИЕ КАЧЕЛИ.

Мальши, игравшие в песочке, были счастливы. С радостными криками они стали лазить по ржавым бочкам, упоенно рыться в горах строительного мусора.

Анна Макаровна была так поглощена своими успехами в райисполкоме, что ничего не заметила. Глядя прямо на чудовищно преобразившийся двор и ничего не видя, она как ни в чем не бывало продолжала свой рассказ:

— И цветы... И этот... футбол... А в до-

ме 35 хоть бы один цветочек посадили... Мария Петровна говорит: «У нас нет фондов». А председатель комиссии ей сказал: «У Анны Макаровны тоже нет фондов!.. А вы поглядите на ее двор! А у вас свалка! Не двор, а свалка!» Так прямо и сказал... Свалка... Да...

— Анна Макаровна, голубушка! Гляньте! — сильным голосом произнес управдом.

Тут уже и Анна Макаровна заметила, что во вверенном ей хозяйстве не все ладно.

— Что это? Бо-же мой! — ахнула она. — Степан Никитич! Да как же вы?! Как же вы это допустили!

— Хотите верьте, хотите нет! Ни в одном глазу! Вот помереть мне на этом месте! С самого утра... Ни капельки! — невпопад бормотал управдом, испуганно озираясь по сторонам и все еще втайне надеясь, что происшедшие ужасные перемены ему только мерещатся.

В кабинете главного редактора Юра Красиков и члены редколлегии стояли у окна и смотрели вниз, на совершенно преобразившийся двор.

Двор стал чистым, прибранным, уютным. Посередине разместился зеленый газон с небольшой симпатичной клумбой. В стороне, у стены, — спортплощадка: волейбольная сетка, турник, стол для пинг-понга.

— Ой! — потрясенно воскликнула секретарша. — Это прямо чудо XX века! Нам бы и в шесть воскресников так не управиться!

Юра скромно молчал.

— Ну что ж, товарищи, — сказал главный, словно очнувшись после глубокого сна. — Надо решать! Гипноз или не гипноз, а наш долг, я считаю, — привлечь к этому явлению внимание общественности.

По-видимому, все за то, чтобы материал ставить в номер. Вместе с тем прав, трижды прав Михаил Андреевич, рекомендуя слегка убрать налет, как он метко выразился, излишней сенсационности! Поверьте, Игорь Васильевич, старому газетному волку. Ваш очерк от этого только выиграет... Как он у вас сейчас называется?

— «Величайшая загадка природы». Под рубрикой «Чудеса нашего века».

— Ну вот видите? Куда это годится? Наш век — это век покорения космоса! А тут боржом... коньяк... Несерьезно, несерьезно. Скромнее, скромнее надо быть... Одним словом, вот так, Игорь Васильевич! Хотите, чтобы очерк был напечатан, давайте другое название!

— Может быть, «Неизвестное явление природы»? — уступил корреспондент.

— Тоже, пожалуй, слишком широковещательно. Не упрямитесь, Игорь Васильевич! Ну к чему вам эта дешевая рекла-

ма? Поверьте мне, материал сам за себя скажет.

— «Загадка 44-й школы»? — уже совсем неуверенно предложил Игорь.

— Игорь Васильевич! — оскорбленно сказал главный.

— А что, если так? — сказал Игорь, неожиданно вдохновившись. — «Таинственный дар московского школьника». И рубрика «В мире загадочного».

— А что? — задумчиво сказал главный. — По-моему, совсем неплохо! Даже свежо... А? Возражений нет? Значит, так и решили...

Он взял толстый красный карандаш и крупно написал поверх гранки: «В мире загадочного». А потом, чуть ниже, еще более размашисто: «Таинственный дар московского школьника».

Газета лежала на рабочем столе академика Красикова, сильно потеснив пробирки, колбочки, реторты. Она была загнута и сложена так, что заголовок, набранный крупным типографским шрифтом — «Таинственный дар московского школьника», — сразу бросался в глаза.

— Начало можете не читать, — говорил Виктору Петровичу Коля. — Это все муть, беллетристика. Вот откуда...

— Ну что? — Прочитав указанное место, Виктор Петрович пренебрежительно отбросил газету. — Ох, Коля, Коля! Вы неисправимый романтик! В нашем возрасте пора бы уже знать, что душа интеллигента постоянно жаждет сверхъестественного! Пятьдесят лет назад вертели столы и вызывали духов, потом появились блюдечки, тарелочки и прочая летающая посуда... Теперь этого уже мало... Необходимо что-нибудь новенькое... Остренькое...

— Я вижу, шеф, вы сегодня в хорошем настроении! Ладно уж, просто не хотелось вас пугать... Давайте я вам прочту самое главное. Только постарайтесь, пожалуйста, не падать в обморок.

Он взял со стола газету и медленно прочел вслух:

— «Всего несколько дней назад ученик 6-го класса «В» 44-й московской школы Юра Красиков еще ничем не отличался от своих сверстников». Ну как? Это, по-вашему, тоже случайное совпадение?

Когда смысл прочитанного дошел до сознания Виктора Петровича, он впал в некое подобие гипнотического транса. Потеряв дар речи, он минуты две молча смотрел на Колю. Коля — на него. Наконец, очнувшись от столбняка, Виктор Петрович издал громогласный вопль:

— Ляля!

На пороге кабинета появилась испуганная Елена Николаевна. Она была в плаще, с сумочкой. Очевидно, собралась куда-то уходить.

— Что? Что случилось?

— В какой школе учится наш Юра? — спросил Виктор Петрович ужасным голосом. — Номер! Номер школы! Быстро!

— Это называется отец! — патетически воскликнула Елена Николаевна. — Теперь вы поняли? — обратилась она к Коле. — Он даже не знает номера школы, в которой учится его сын.

— Ляля, перестань! Ты даже представить себе не можешь, насколько это серьезно!

Елена Николаевна давно уже не видела своего мужа в таком состоянии.

— В сорок четвертой... Юра учится в сорок четвертой школе, — растерянно сказала она.

— Боже мой! Боже мой! Какой ужас! Но как? Как это могло произойти? Я ведь только вчера смотрел! Препарат все время был на месте... Нет! Это невозможно! Господи, хоть бы это оказалось совпадением! — бессвязно выкрикивал Виктор Петрович, трясущимися руками доставая из дальнего ящика ключ, отпирая бюро, беря в руки хрупкую колбочку с драгоценным препаратом.

Взяв капельку влаги на стеклышко, он прикоснулся к ней стеклянной палочкой, потом долго рассматривал капельку под микроскопом. Наконец, все еще не веря себе, он схватил колбочку и залпом выпил ее содержимое. Обвел жену и Колю безумными глазами и упавшим голосом тихо произнес:

— Я так и знал...

— Что? Что ты знал? — в ужасе спросила Елена Николаевна.

— Аш два О... Аква дистиллята... Вода... Теперь я все понимаю... Финка... И револьвер... Ты была права... Ну конечно... И эта записка учителя... Все сходится... А теперь уже поздно... Он проглотил минимум неделю назад... Доигрались...

Все это Виктор Петрович выкрикивал, бегая по комнате и отчаянно жестикулируя.

— Что он проглотил? Виктор! Не обманывай меня! С Юрой что-то случилось? Что-нибудь ужасное? Да? Ну говори. Не смей молчать! — окончательно потеряв голову, крикнула Елена Николаевна.

— Успокойся, — неожиданно зло оборвал ее Виктор Петрович. — С твоим Юрочкой решительно ничего не случилось! Случилось с человечеством!

Узнав, что дело идет не о Юре, а всегонавсего о человечестве, Елена Николаевна мгновенно успокоилась.

— Фу, какая ерунда, — облегченно перебрела она дух, — пожалуйста, прекрати сейчас же эту мелодекламацию: «С человечеством! С человечеством!» Ничего с твоим человечеством не станет! Разве можно из-за какой-то чепухи так потерять лицо! Вы-

пил мальчик микстуру, другую сделайте... Господи, я-то, дура, думала, действительно случилось что-нибудь...

Потеряв к разговору всякий интерес, Елена Николаевна ушла.

Коля попытался как-то успокоить обезумевшего академика.

— Шеф, будьте мужчиной! В конце концов ничего ужасного еще не произошло...

— Как? Тринадцатилетний болван слопал препарат, дающий ему сверхъестественную власть над миром... Да еще эта статья! И этого вам мало? И это, по-вашему, ничего ужасного?!

— Статью никто не примет всерьез. Вы же сами сейчас были уверены, что это какая-то липа, вроде летающих тарелочек. А что касается препарата... Я думаю, действие его можно как-то нейтрализовать. На всякий яд найдется противоядие...

Мысль о противоядии подействовала на академика отрезвляюще.

— Можно, конечно, — сказал он после короткого раздумья. — Но для этого нужно время. А вы можете себе представить, что он за это время натворит? Если уже не натворил?

— Кажется, звонят? — спросил Коля.

— Да, Ляля, по-моему, куда-то ушла. Пойдемте откроем.

Они вышли в переднюю, Виктор Петрович отпер входную дверь.

На пороге стояли щекастый заведующий и девушка-продавщица из молочной. В руках у щекастого была газета.

— Это квартира Красиковых?

— Да, — растерянно ответил Виктор Петрович.

— А вы, значит, и будете сам товарищ Красилов?

— Да, я...

— Это про вашего мальчика фельетон?

— Очевидно, — пробормотал Виктор Петрович, догадываясь, что большого удовольствия от этого визита он иметь не будет.

— Что же это получается, товарищ Красилов? — заговорил щекастый. — Хорошо, что в газете все разоблачили. А так бы ведь все на нас сваливали, на торговых работников!.. Разве бы кто поверил? Прямотаки как в одной загадке: был, был — и нету!..

— Два кило твердокопченной колбасы, — перечисляла девушка-продавщица, — шесть кило сливочного масла, несоленого, высший сорт... Сыр голландский, высший сорт, три кило... Майонез, двадцать семь банок...

— Общая сумма недостачи 21 рубль 84 копейки, — сказал щекастый.

— Ради бога... Прошу вас, — засуетился Виктор Петрович. — Сколько, вы говорите, я вам должен? Пожалуйста, вот...

Он достал бумажник, вынул деньги, расплатился. Кланяясь и благодаря, выпроводил нежданных гостей.

— Ваша наивность, шеф, меня просто умиляет, — сказал Коля, едва за торговыми работниками закрылась дверь. — Ну сами подумайте, на что Юрке могли понадобиться двадцать семь банок майонеза?

— Ах, оставьте! Черт с ними, с банками! Если этим все кончится, я буду считать, что еще сравнительно дешево отделался. Хорошо, что Ляли нет дома!

Вновь раздался решительный звонок. Виктор Петрович открыл дверь.

На пороге стояли Анна Макаровна (председатель совета пенсионеров ЖЭКа) и управдом.

— Не по-советски! Не по-советски поступаете! Думаете, если вы академик, так вам можно все? — потрясая газетой, с ходу разразилась гневной речью Анна Макаровна. — Не-ет! Я этого дела так не оставлю! Я и до райисполкома дойду! Меня там не первый год знают!

— Главное, фондов никаких, ни на благоустройство, ни на озеленение. Все своими руками, — объяснил управдом.

— Среди бела дня! И клумбу! И волейбол! — бушевала Анна Макаровна. — И этот, как его... пинг-понг... Прямо как хищники какие-то!

— Что вы говорите? И клумбу? — огорчился растерянный академик. — Я выясню... Непременно. Я все улажу, поверьте... Обязательно! Все будет вам немедленно возвращено. Решительно все!.. Пусть только он вернется домой, этот мерзавец... Нет-нет, это я не вам, ради бога извините... Вы, естественно, ни при чем. Вы стали невольной жертвой научного эксперимента... Ну, конечно, все будет в порядке, уверяю вас... Всего вам доброго, будьте здоровы!

Анна Макаровна и управдом ушли. Управдом, плохо понимая, что к чему, на прощание еще раз объяснил:

— Извините, конечно, если что не так... Фондов никаких, все своими руками...

Выпроводив и этих неожиданных гостей, Виктор Петрович и Коля молча переглянулись. Они хотели было обменяться впечатлениями, но не успели.

Раздался новый звонок.

Вздвогнув, как от электрического удара, Виктор Петрович трясущимися руками снова отпер дверь. На пороге стоял молодой, интеллигентный, вполне respectable мужчина. В руках его была сложенная пополам газета.

— Добрый день, здравствуйте! — сказал он, приподымая шляпу и кланяясь. — Я директор Московского зоопарка...

— Чем могу служить? — спросил Виктор Петрович упавшим голосом, затравленным глядя на газету.

— Если не ошибаюсь, это квартира академика Шишмарева?

— О нет! Вы ошиблись! — У Виктора Петровича сразу как будто камень с души

свалился. — Академик Шишмарев живет выше этажом. Ну, что вы, что вы! Напротив, мне было очень приятно!

Выпроводив ошарашенного директора зоопарка, Виктор Петрович долго кланялся ему вслед, как будто тот оказал ему какую-то важную и редкую услугу.

— Ф-ф, на этот раз, кажется, пронесло! — сказал Виктор Петрович Коле, когда и за этим гостем закрылась дверь.

И только он вымолвил эти слова, как снова, на этот раз с особенной силой, зазвенел звонок.

«Наконец-то мальчик стал серьезным!...»

Рано утром, до начала уроков, в Юрин класс заглянул десятиклассник Сережа Лопатин. В руках у него была сложенная газета.

— Это ты Красилов? — спросил он, внимательно поглядев на Юру.

— Ну, я! — не слишком приветливо ответил тот.

— Давай-ка выйдем отсюда на минутку. У меня к тебе серьезное дело...

Крепко держа Юру за руку, Сергей Лопатин вошел в вестибюль Дворца пионеров.

Сзади еле поспевали неизменные Юрины сподвижники — Сашуня и Лена.

Они поднялись по лестнице, вошли в дверь, на которой красовалась надпись: «КЛУБ ЮНЫХ МЕЧТАТЕЛЕЙ».

Входя, Лопатин споткнулся о толстый кабель телекамеры.

— О-о! Серега! Серега, гляди! По телевизору тебя будут показывать! — крикнул ему какой-то его приятель.

— Страна должна знать своих героев! — сострил второй.

Лопатин ничего не ответил на эти приветствия. Не отпуская Юру, он протиснулся вперед, к столу президиума.

Зал набит битком.

Над столом президиума висели два плаката. Слева: «БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ — ВОТ МУДРОСТЬ ЖИЗНИ. А. М. ГОРЬКИЙ». Справа: «ВДОХНОВЕНИЕ НУЖНО В ГЕОМЕТРИИ, КАК И В ПОЭЗИИ. А. С. ПУШКИН».

Аудиторию составляли преимущественно ученики девятых и десятых классов. Юра, Лена, Сашуня выглядели здесь, сре-

ди совсем взрослых юношей и девушек, белыми воронами.

— Внимание! — постучал карандашом по графину председатель, худенький парнишка в очках. — Очередное заседание «Клуба юных мечтателей» позвольте считать открытым. Слово для доклада «О коренном изменении климатических условий планеты» предоставляется члену нашего клуба Сергею Лопатину!

Лопатин с тетрадкой в руках пошел к длинной, во всю ширину зала доске, укрепленной за столом президиума.

— Суть моего проекта, — скромно начал он, — в основе очень проста. Речь идет о том, чтобы растопить льды Антарктиды и Гренландии. Если проект удастся осуществить, исчезнут последние остатки ледниковых масс, и на Землю вернется доледниковый климат, так называемый климат миоцена...

В кабинете академика Красикова Виктор Петрович и Коля спешно разрабатывали идею «противоядия».

Внезапно в кабинет ворвалась Елена Николаевна. Она сияла.

— Виктор! Коля! Скорее! Нашего Юрку по телевизору показывают!

Виктор Петрович и Коля многозначительно переглянулись, немедленно прекратили свои занятия и вместе с Еленой Николаевной пошли в другую комнату, где стоял телевизор.

— Я так счастлива! — говорила Елена Николаевна мужу. — Я так боялась, что у него нет характера, что он внутри совершенно пустой. И вот наконец-то! Главное, сам, совершенно сам! Никто ведь его туда не толкал! Вот, вот! Смотри, с каким интересом слушает он!

На телевизионном экране мерцало изображение аудитории «Клуба юных мечтателей». Среди серьезных лиц старшеклассников на мгновение мелькнула легкомысленная физиономия Юры. Затем на экране появилась длинная доска, исписанная цифрами, и докладчик Сережа Лопатин.

— Таковы в общих чертах те исключительно благотворные последствия, которые принесет человечеству осуществление моего проекта, — говорил Сережа. — А теперь я перехожу ко второй части доклада. Как осуществить это коренное преобразование климатических условий планеты?

— Вот именно! — иронически выкрикнул какой-то старшеклассник на экране телевизора.

— Мой проект, — скромно продолжал докладчик, — предусматривает два таких способа. Первый, более изящный, состоит в том, чтобы увеличить содержание углекислоты в земной атмосфере. Это привело бы к постепенному изменению теплового баланса...

— Муть какая-то, — сказал Виктор Петрович. — Дилетантская чушь! Пойдемте, Коля, работать.

— Сиди! — приказала Елена Николаевна. — Может быть, еще раз Юрку покажут... У тебя все чушь... А детям это интересно, это их приобщает...

Виктор Петрович, пожав плечами, остался сидеть у телевизора.

— К сожалению, — говорил докладчик на экране, исписывая доску цифрами, — на это нужно очень много времени...

— Сколько? — нетерпеливо спросил один из слушателей.

— Примерно около двух тысячелетий...

Весь экран заслонили смеющиеся лица старшеклассников. Раздавались возгласы:

— Всего-то?

— Пустяки, подождем, мы молодые!

— Можно, конечно, и подождать, — улыбнулся докладчик, — но, во-первых, все-таки долго, а во-вторых, неизвестно, смогут ли люди дышать в атмосфере с таким высоким содержанием углекислоты... В связи с этим я разработал второй способ. Он не так прост, как первый, зато гораздо более эффективен... Второй способ, — Лопатин стер с доски все старые расчеты, — состоит в том, чтобы изменить земную орбиту, несколько приблизив Землю к Солнцу.

Ошалело смотрел на экран Виктор Петрович Красиков.

— В настоящий момент расстояние от Земли до Солнца составляет, как известно, около ста сорока девяти миллионов километров...

Бойко стучал мелок. Цифры с удручающим количеством нолей появились на доске под рукой докладчика.

— Я произвел все необходимые расчеты и установил, что для осуществления моего проекта потребовалось бы приблизить Землю к Солнцу всего лишь на двадцать семь миллионов километров...

Телекамера снова скользнула по лицам юношей и девушек, слушающих доклад Лопатина. Снова в поле зрения семьи академика Красикова попало лицо их сына.

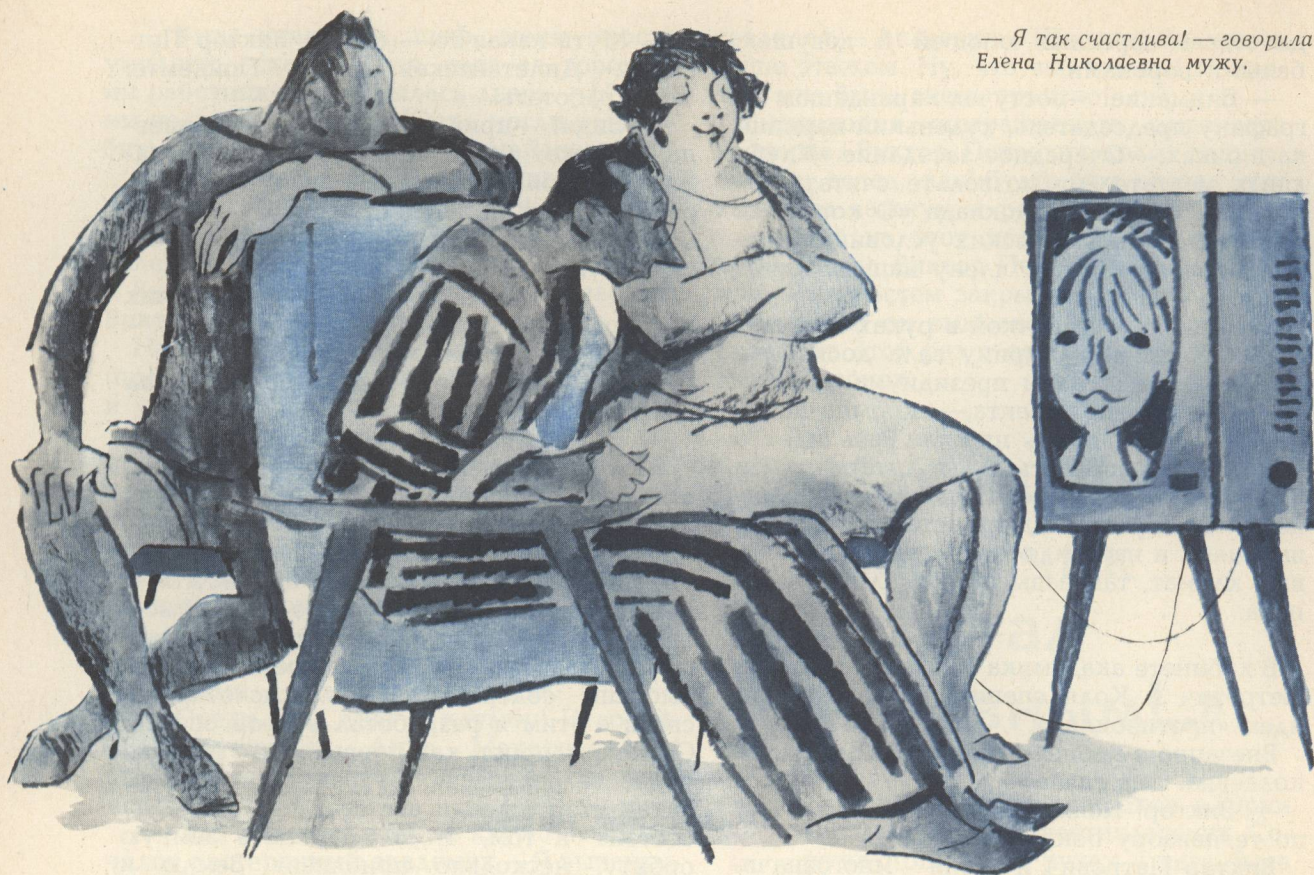
— Опять Юрка! Виктор, смотри! С каким интересом он слушает. Записывает! Записывает! — ликовала Елена Николаевна. — Господи, наконец-то у мальчика появилось настоящее серьезное увлечение!

— Катастрофа, — вполголоса сказал Виктор Петрович Коле.

— Да, дело дрянь, — так же конспиративно ответил ему Коля.

— Новое расстояние от Земли до Солнца, — продолжал докладчик на экране телевизора, — составит сто двадцать два миллиона километров. Это, по моим расчетам, даст среднее увеличение годовой температуры на одиннадцать-двенадцать градусов. В результате уже через несколько меся-

— Я так счастлива! — говорила
Елена Николаевна мужу.

цев после осуществления проекта льды Антарктиды и Гренландии полностью растают...

Виктор Петрович и Коля сидели как на иголках. Наконец они не выдержали. Воровато поднявшись, они на цыпочках ушли в кабинет.

— Ну, что скажете, оптимист? — сказал Виктор Петрович, когда они с Колей остались одни.

— Да, малый с фантазией...

А во Дворце пионеров продолжалось заседание «Клуба юных мечтателей».

— Так! У кого еще вопросы? — спросил председатель.

— У меня вопрос, — сказал здоровенный увалень, поднявшийся в самом дальнем ряду. — Пусть Лопатин все-таки объяснит, как он себе это конкретно представляет? С помощью каких технических приспособлений он собирается приблизить Землю к Солнцу?

В зале раздался шум, смех, зазвучали веселые, насмешливые реплики.

— Тихо, товарищи! — постучал карандашом по графину председатель. — Напоминаю, что по уставу нашего клуба единственным условием для обсуждения того или иного проекта является наличие в нем какой-нибудь смелой, пусть даже самой фантастической идеи. Техническая осуществимость проекта — условие не обязатель-

ное... Идея Лопатина очень интересна, но, как вы сами понимаете, технически она принципиально неосуществима...

— Почему неосуществима? — сказал Лопатин.

— Ты хочешь сказать, что, может быть, когда-нибудь в далеком будущем человечество сумеет осуществить подобный проект? — обратился к нему председатель.

— Почему в будущем? Можно попробовать прямо сейчас!

Председатель принял ответ Лопатина за остроумие.

— Ну что ж, — сказал он. — Мы готовы попробовать. Что же, по-твоему, надо сделать, чтобы изменить земную орбиту?

— Надо попросить вон того мальчика, — сказал Лопатин, указывая на Юру.

Выпихиваемый Сашуней и Леной, Юра встал и подошел к столу президиума.

Шум в зале усилился. Раздался выкрик:

— Как попал сюда этот малец?

— Ладно! У нас демократия! Пусть говорит!

— Тихо, товарищи! Ти-хо, — успокаивал разбушевавшуюся аудиторию председатель. — Посмеялись, пошутили — и хватит!

— Что касается меня, то я и не думал шутить, — сказал Лопатин. — Как ты считаешь, Красиков, — обратился он к Юре, — сможешь ли ты приблизить Землю к Солнцу на двадцать семь миллионов километров?

— Запросто! — пожал плечами Юра. — Сколько вам надо километров? Двадцать семь миллионов?

Он поглядел на доску, исписанную цифрами, словно прикидывая что-то в уме. Затем, став в позу человека, повелевающего стихиями, запрокинул голову к потолку и беззвучно, одними губами, произнес какую-то длинную фразу.

Было жарко, душно. Странное багровое солнце в тусклом влажном мареве плыло над Москвой.

Юра Красиков со своими верными оруженосцами Сашуней и Леной продирались сквозь густую толпу, запрудившую улицу Горького.

Со всех сторон их обступали голоса людей, встревоженных небывалой погодой и неслыханными известиями:

— Прямо с вечера голову, как обручем, сжало. Ну, я сразу понял: давление!

— Год активного Солнца!.. Скорей бы уже кончился!

— Теперь уж все скоро кончится!.. Недолго ждать...

— Да бросьте вы панику сеять, ей-богу! Ученые что-нибудь придумают!

— Как же! Придумают! Дождись...

Все горе от них и пошло, от твоих ученых!

— Точно... Это гады физики на пари раскрутили шарик наоборот...

Выбравшись из толпы в сравнительно пустой переулок, друзья попытались обсудить создавшееся положение.

— Ой, Юрик! Я боюсь! — захныкала Лена. — Смотри, солнце какое страшное! Может, лучше не надо? А? Вдруг хуже будет?

— Почему это хуже?

— Ну, вдруг мы все начнем вымирать?

— Глупости! — авторитетно заявил Сашуня. — До ледникового периода уже был такой климат, и никто не вымирал.

— А мамонты?

— При чем тут мамонты? То мамонты, а то люди!.. Первое время, конечно, будут трудности, а потом привыкнем...

Мимо прошел паренек с транзистором. Громко звучал голос диктора:

«...а также сильные тропические ливни на севере Европы. Необычайные климатические явления связаны с тем, что Земля внезапно изменила свою орбиту, приблизившись к Солнцу примерно на двадцать семь миллионов километров...»

Сашуня показал Юре большой палец. Ребята, не сговариваясь, устремились за голосом.

«Симпозиум астрофизиков, геофизиков, биологов, геологов, геохимиков, биохимиков...» — перечислял диктор.

Ребята, как загипнотизированные, шли за транзистором.

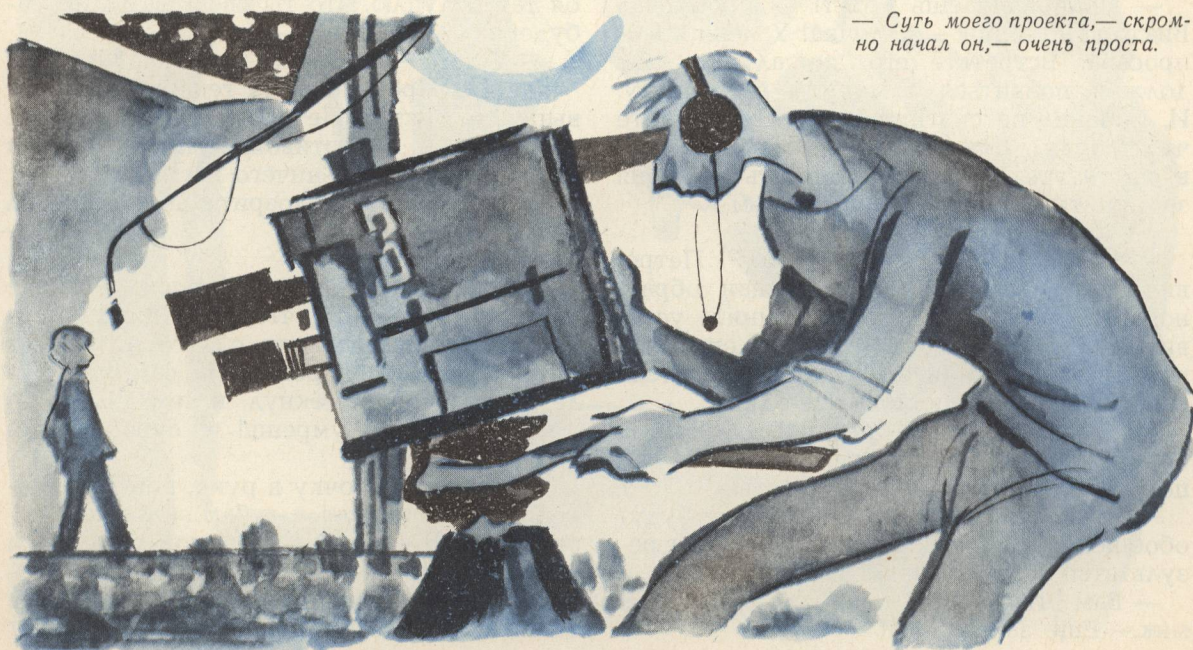
«...обсудил создавшееся положение и пришел к следующим выводам. В течение ближайших месяцев льды Гренландии и Антарктиды полностью растают...»

— Ура-а-а!!! — заорал Юра.

— Все-таки молодец Лопатин! Точно все предусмотрел в своем проекте! — одобительно сказал Сашуня.

— Тихо, вы! — погрозил кулаком владелец транзистора.

«...в результате уровень мирового океана повысится в среднем на семьдесят — восемьдесят метров! — продолжал диктор. — Многие страны Европы, Америки, Азии и Африки окажутся затопленными. В зоне умеренного климата возникнут пустыни. Пока трудно сказать, сумеет ли человечество в имеющиеся короткие сроки

— Суть моего проекта, — скромно начал он, — очень проста.

приспособиться к новым геофизическим и климатическим условиям. Кроме того, могут возникнуть и другие, еще более серьезные явления, предсказать которые пока не представляется возможным...»

Потрясенные услышанным, ребята представили владельцу транзистора идти своим путем.

— Нет, какая сволочь этот Лопатин со своим проектом! Кретин! — сказал возмущенный Сашуня. — В десятом классе учится, а какую простую вещь не смог предвидеть! Ведь это все равно, что всемирный потоп!

— А ты где был? — презрительно отпарировал Юра.

Лена заплакала.

— Да не реви ты! — сказал ей Юра. — Подумаешь, горе какое! Все ведь в наших руках! Захочу и верну Землю на старую орбиту, и привет...

— Стой, не торопись! — сказал Сашуня. — Жалко все-таки от такого дела отказываться. Может, Лопатин просто немного просчитался? Может, не на двадцать семь миллионов надо, а миллионов на десять? А? И будет в самый раз?

Юра остановился в нерешительности. С одной стороны, ему очень хотелось как можно скорее предотвратить неизбежную космическую катастрофу. Дело все-таки было не шуточное. Но, с другой стороны, то, что говорил Сашуня, звучало вовсе не так уж глупо.

Виктор Петрович Красиков взволнованно бегал по своему институтскому кабинету.

— Аллочка! — позвал он. — Вы моему отпрыску пропуск заказали?

— Конечно, заказала! Ну, что вы все время нервничаете? — отозвалась Аллочка.

— Понервничаеть тут! — пробурчал Виктор Петрович. — Аллочка! У меня к вам просьба. Встретьте его, пожалуйста. Он должен появиться с минуты на минуту. И, главное, не спугните его! Придумайте что-нибудь... Вот что! Скажите, что у нас в институте будут показывать сегодня знаменитый американский фильм.

В кабинет вошел Коля.

— Ну вот! — сказал Виктор Петрович. — Сегодня джин будет загнан обратно в бутылку, и — молчок! Помните условие! Никому ни слова! Хорошо еще, что мы с вами сравнительно быстро успели синтезировать вещество «Це-один»...

Виктор Петрович открыл сейф, достал и поднес к глазам маленькую колбочку, наполненную прозрачной жидкостью.

— Ну, а потом? Когда все данные будут обобщены? Я надеюсь, мы опубликуем результаты? — вкрадчиво спросил Коля.

— Вам что, мало? — спросил зло академик. — Еще захотелось?

— Но ведь Юра — ребенок! — пробовал возражать упрямый Коля. — Он не может отвечать за свои поступки!

— А вы уверены, что, окажись на его месте вы или я, мы вели бы себя намного умнее? — запальчиво возразил академик.

Ученые были готовы снова начать свою бесконечную дискуссию, наивно полагая, что вопрос о том, стоит ли вторично выпускать джина из бутылки, решать предстоит им. Между тем окончательно решать этот вопрос будет не кто иной, как Юра Красиков. А вот, кстати, он уже здесь, легок на помине.

— Здравсте, — сказал Юра, появляясь на пороге в сопровождении Аллочки. — У вас, правда, будет кино?

— Будет вам и белка, будет и свисток, — загадочно пообещал академик, включая радиоприемник.

«Четырнадцать метров! — загремел дикторский голос. — Эвакуация населения из всех приморских районов Южной Европы продолжается! Общая сумма потерь, принесенных внезапной космической катастрофой, исчисляется десятками миллиардов рублей. Не исключено, что в самые ближайшие дни окажутся затопленными величайшие памятники мирового зодчества...»

Выключив радио, академик Красиков грозно спросил:

— Твоя работа?

Понимая, что утаивать истину не имеет смысла, размазывая по лицу слезы и сопля, Юра сокрушенно признался:

— Моя...

— Ну, вот что! — зловеще продолжал академик. — Я тебя ни разу в жизни пальцем не тронул, но теперь чаша моего терпения переполнилась... Сию же минуту верни Землю на старую орбиту, или я тебя так отлуплю, что ты свою фамилию забудешь!

— У-же... — заикаясь, ответил Юра.

— Так! Прекрасно! А теперь на-ка вот вышей! — Виктор Петрович протянул Юре колбочку с «противоядием». — И скажи спасибо, что мама ничего не знает!

— Что это? — подозрительно спросил Юра.

— Лекарство.

— Горькое? — наивно спросил Юра, из всех сил делая вид, что не понимает, зачем его заставляют ни с того ни с сего пить какое-то лекарство. На самом-то деле он сразу же смекнул, в чем дело.

— Ничего, не умрешь! — сурово ответил отец.

Юра взял колбочку в руки, понюхал, нерешительно поднес к губам. Он уже совсем был готов выпить ее содержимое и навсегда покончить со своим неслыханным могуществом. Но Юра Красиков не был бы Юрой Красиковым, если бы в этот

миг его не осенила еще одна — последняя в этой повести — блестящая идея.

«НЕБОЛЬШАЯ РОКИРОВОЧКА! ПО-НЯЛ?» — зазвучал в Юриных ушах голос его демона-искусителя Сашуни. И вот, прежде чем выпить «противоядие», Юра мысленно приказал: «ПУСТЬ В ЭТОЙ СКАЛЯНКЕ ВМЕСТО ЛЕКАРСТВА ОКАЖЕТСЯ ОБЫКНОВЕННАЯ ВОДА!»

И, приняв эту меру предосторожности, он, скорчив на всякий случай гримасу отвращения, сделал первый глоток.

— Выпил? Ну вот и отлично! — сказал Виктор Петрович, как всегда, ничего не подозревающий, счастливый от сознания, что он наконец загнал проклятого джина обратно в бутылку.

Евгения Ивановна сидела за письменным столом в своем кабинете. Перед ней на диване, как напраказивший школьник, сидел Виктор Петрович Красиков.

— К сожалению, наша предыдущая беседа не дала положительного результата, — решительно и строго говорила Евгения Ивановна. — Скорее даже наоборот!

Заглянув в лежащую перед ней записку, Евгения Ивановна стала привычно перечислять:

— 24 марта на уроке физики Красиков на-

рушил закон Ньютона... 27 марта на уроке геометрии затеял безобразную драку с Витей Кострикиным... И эти безумные фантазии... Вы знаете, он выдумал, будто он изменил земную орбиту! Приблизил Землю к Солнцу на двадцать семь миллионов километров... Всему должен быть предел...

— Вы совершенно правы, — серьезно сказал Виктор Петрович. — Тут есть большая доля и моей вины. К сожалению, я не имею права говорить об этом подробнее. Однако поверьте, что все необходимые меры я уже принял. Больше это безобразие не повторится...

Он прижал руку к груди, очевидно, желая сказать что-то еще более убедительное, но в этот момент за дверью послышался топот быстрых шагов. Дверь кабинета распахнулась, и чей-то испуганный голос громко возгласил: ..

— Евгения Ивановна! Скорее! — Опять в 6-м «В»!... Юра Красиков творит чудеса.

КОНЕЦ

Летние каникулы давно позади. Ты ходишь в школу, и у тебя теперь много забот. Но среди занятий и школьных забот ты, наверно, часто вспоминаешь лето?

Серее Нешумову запомнилась охота на архаров, и он об этом написал увлекательный рассказ.

А какие впечатления остались у тебя?

«КОРАБЛИК» ждет рассказов о летних приключениях.

Цветут сады

Сбросив беленькие перышки
на долину зеленевшую,
улетели дальше к северу
острым клином журавли.

Эти перышки спустились
и на ветках сада нашего,
так облакканного солнышком,
цветом яблонь зацвели.

Юрий АРТЮЩЕНКО, 15 лет.
Совхоз «Красноармеец»
Луганской области.

Осенняя заря

Синий воздух деревом пропах,
Гаснет за деревнею заря.
У нее на розовых плечах
Желтая накидка сентября.

Лето

Вы ели бруснику,
Что северным летом
В траве подыхает
Рубиновым цветом?
Присядь на колени,
Попробуй

немножко,

Потом наполняй
Небольшое

лукошко.

Не хочешь

брусники?

На солнечной кочке
Найдешь землянику
В зеленом платочке.
А коль земляника
Тебе надоела,
Ищи ежевику —
Веселое дело!

Виктор КИРЮШИН,
г. Брянск.

Яшка и Дозик

РАССКАЗ

Это было летом. Жили у меня тогда граченок Яшка и щенок Дозик. Яшка был очень хитрый. Летать он не умел, а ездил на Дозике. Пойду я куда-нибудь, Дозик со мной, а Яшка на нем. Что только не делал щенок, чтобы избавиться от непрошеного пассажира, и все зря. Однажды я пошла к подруге, у них во дворе стояло корыто с водой. Яшка за что-то клюнул щенка в голову. Не видя ничего от боли, Дозик бросился к корыту и прыгнул в него. Яшка оказался в воде, которую не переносил. Мы вытащили его. С тех пор Яшка стал ездить на моем плече. К щенку он больше не подходил. Пошел на пользу холодный душ.

Оля СТАХОВА,
с. Уфимка, Свердловской области.

Моя охота

РАССКАЗ

За несколько дней до выходного дня на семейном совете мы решили, что воскресный день посвятим охоте. Давно я мечтал попасть в горы, подышать горным воздухом.

И вот долгожданный день настал. Солнце еще только собиралось покинуть свой ночлег, и восток только начал алеть на горизонте, а мы уже были на ногах. Отец набивал патронташ боевыми зарядами, проверял ружье. Когда все было готово, мы поехали в горы.

Солнце уже выкатилось из-за домов. Начинался день.

Далеким горам горели розоватым сиянием, и казалось, что мы не на земле, а на какой-то сказочной планете. Все дальше и дальше уходила машина в горы. Теперь можно было близко рассмотреть их дикие скалистые утесы, их обрывистые щели, поросшие кустарником и травой.

А там в самых невероятных и страшных местах росли могучие арчи. Все было грандиозно и величественно. Мы остановились в одной из больших щелей горного хребта. Машину поставили под большую ветвистую арчу. А сами двинулись на охоту. С нами был веселый и большой старшина-пограничник. Он легко и бесшумно шел по бараньей тропе. Вдруг метрах в десяти от нас что-то захлопало крыльями и с шумом поднялось в воздух. От неожиданности я даже вздрогнул. А старшина рассмеялся и сказал, что это были дикие курочки. Они с криком перелетали через ущелье и скрывались в горах. Так мы прошли около километра. Старшина шел впереди. Вдруг он остановился и начал к чему-то приглядываться. Мы с отцом подошли к нему и увидели на карнизе большую серебристую змею. Она подняла голову, раздула шею и предупреждала нас о своем присутствии. Это была кобра. Мне как-то стало не по себе, но старшина ее не испугался. Мы обошли то место, где была змея, и пошли дальше в горы. Уже заметно потемнело. То там, то там встречались на нашем пути черепахи. Когда мы появлялись вблизи, они прятались под свои панцири. Много мы видели и других обитателей гор. Над самыми неприступными утесами кружились большие горные орлы. Висмотрев себе добычу, они камнем падали вниз, а затем поднимались в свои неприступные гнезда.

Под одним из кустов старшина обнаружил следы и отпечатки копыт архаров.

Он предупредил нас, что где-то близко должна быть отара. Нужно соблюдать тишину и осторожность. И только мы завернули за крутой выступ скалы, как вдруг параллельно нам пробежала отара архаров. Я сразу ничего не мог разглядеть.

Старшина крикнул: «Вот они, вот!» Архары бежали так стремительно, что было трудно что-нибудь разглядеть. Грянул выстрел. Один. Второй. Третий. Один из бегущих впереди архаров вдруг подпрыгнул и рухнул на камни. Мы подбежали к нему. Когда мы были возле него, он еще был жив. Большой, светло-коричневого цвета, он лежал на боку и умирал. Его голова с белой бородой и закругленными большими рогами была запрокинута назад. Мне стало жаль его. Но ничего не поделаешь, он уже был мертв. Старшина с отцом разделали его, потом вырезали большую длинную палку. Привязали архара за ноги к ней, и мы двинулись назад. Я немного устал. Нелегко без привычки ходить по горам. Но зато был счастлив, что провел так чудесно выходной день.

Сергей НЕШУМОВ,
г. Ашхабад.

Да здравствует

Г. ГРЕБЕННИКОВ

В НАШЕМ ЛЕНИНСКОМ КАБИНЕТЕ

Этим призывом закончил Владимир Ильич Ленин свое первое выступление перед рабочими и солдатами Петрограда на площади у Финляндского вокзала ночью 3 апреля 1917 года. Он только что возвратился в Россию после долгой, десятилетней эмиграции. И ты, конечно, хорошо знаешь из книг, с какой радостью встречали своего любимого вождя питерские рабочие. При несмолкаемых криках «ура!» они подняли Ленина на броневой автомобиль. Стоя на броневике, Владимир Ильич приветствовал пролетариат России, сумевший совершить в феврале победоносную революцию против царизма.

Но это была буржуазно-демократическая революция. Царя больше не было. Однако по-прежнему капиталисты и помещики эксплуатировали трудовой народ. У власти стояла буржуазия, и она продолжала вести политику царского правительства. Как и раньше, земля оставалась в руках помещиков, не прекращалась ненавистная народу мировая империалистическая война.

Для того, чтобы добиться настоящей победы, нужно было свергнуть власть буржуазии и установить диктатуру пролетариата — власть рабочих и крестьян.

Вот почему и звал Владимир Ильич пролетариат России к дальнейшей борьбе, к социалистической революции.

Еще до приезда в Петроград Ленин послал несколько писем из-за границы в ЦК партии большевиков. Он разоблачал в них буржуазное Временное правительство и лакеев буржуазии, предателей революции — меньшевиков и эсеров. Меньшевики не верили в возможность построения социализма в отсталой России. По их мнению, нужно было дожидаться социалистической революции в развитых капиталистических странах Запада.

Сразу после возвращения из эмиграции Ленин стал у руля грядущей пролетарской революции.

Большевистская партия смело готовила

массы к решительным схваткам с силами старого мира.

Впереди был Великий Октябрь. И партия уверенно шла к нему, имея в руках надежный компас — ленинскую теорию социалистической революции.

Раньше марксисты считали: социалистическая революция может одержать победу лишь одновременно в нескольких капиталистических странах. Ленин доказал, что революция возможна в одной стране. Он разработал гениальную программу перехода от буржуазно-демократической революции в России к революции социалистической и подробный план борьбы за власть пролетариата.

Конкретные задачи борьбы пролетариата России — задачи перерастания свершившейся буржуазно-демократической революции в социалистическую — были изложены Лениным в «Апрельских тезисах».

«Призывы ленинских тезисов прозвучали, как набат, — вспоминает старый большевик, видный деятель Коммунистической партии и Советского государства Андрей Андреевич Андреев. — Сильные, смелые идеи Ильича всколыхнули до основания все общество, все классы и партии. В своих тезисах Владимир Ильич давал рабочим и крестьянам ясные ответы на вопросы о власти, о войне и мире, о хлебе, о земле, о вооружении народа — на те вопросы, которые волновали народ более всего».

Ленин показал, что, пока у власти стоит буржуазия, она заинтересована в продолжении грабительской империалистической войны, сохранении у помещиков земли, а у капиталистов — заводов и банков. Мир народам, землю крестьянам, рабочий контроль над заводами может дать только власть трудящихся — власть Советов.

В июне 1917 года в Петрограде собрался I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. На нем обсуждался вопрос о власти. Эсеро-меньшевистские руководители съезда пытались доказать, что Советы никак не могут взять всю власть в стране.

И вот когда меньшевик Церетели высокопарно, самодовольно заявил с трибуны, что в России нет политической партии, которая взяла бы на себя ответственность за настоящее и тем более за будущее страны и сказала бы: «Дайте в наши руки власть и уйдите, мы займем ваше место», — в зале вдруг раздался звонкий, уверенный возглас:

социалистическая революция!

— Есть!

Делегаты съезда обернулись и увидели поднимавшегося со своего места Владимира Ильича Ленина. Он взошел на трибуну и повторил:

— Есть такая партия!

Владимир Ильич изложил съезду большевистский план борьбы за победу революции, за преобразование России. Он заявил, что партия большевиков готова взять на себя ответственность за судьбу страны.

И она это сделала, собрав под свои революционные знамена миллионы трудящихся.

Буржуазия стала преследовать революционных рабочих, крестьян, солдат. Большевики поливали грязной клеветой.

Вождю революции грозила смертельная опасность. Партия укрыла его в подполье: в шалаше у озера Разлив, а затем в Финляндии. Однако ни на один день не прекращал Ленин руководить партией, подготовкой к социалистической революции.

Было ясно теперь, что без вооруженного восстания власть у буржуазии не вырвать. И партия на своем VI съезде взяла курс на подготовку вооруженного восстания.

Ты знаешь, что началось оно 24 октября. А 25 октября (7 ноября) 1917 года рабочий класс торжествовал победу. Утром в этот день петроградцы читали воззвание, подписанное Лениным. В нем говорилось, что Временное правительство пало, власть перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. Дело, за которое боролся народ — прекращение войны, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над фабриками и заводами, создание рабоче-крестьянского Советского правительства, — это дело победило.

Днем 25 октября Владимир Ильич выступил на заседании Петроградского Совета.

— Рабочая и крестьянская революция, — сказал он, — о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась.

Свершилась социалистическая революция, к которой призвал народ великий Ленин той памятной апрельской ночью, с которой мы начали рассказ. Победе этой революции Ленин посвятил всю жизнь. И с огромным энтузиазмом делегаты II съезда Советов через несколько часов после штурма Зимнего дворца избрали гениального вождя революции главой первого в мире рабоче-крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров.

Под руководством Владимира Ильича Ле-

нина, Коммунистической партии народы нашей страны, преодолевая разруху, сквозь грозы и бури гражданской войны начали строить новое, социалистическое общество.

И построили!

Ты живешь теперь в нем, и все окружающее для тебя привычно. И то, что у нас нет эксплуататоров, и то, что каждый работает для общества, а общество заботится о каждом человеке. Люди труда окружены в стране почетом и славой. Трудящиеся сами управляют страной, в которой все люди равны, как равны и все народы. У нас уже давным-давно нет безработных: выбирай любое дело по душе и своим способностям. Ты привык, что за учебу в школе не надо ничего платить, а к тому же учиться не только могут, но и обязаны все. И тебе кажется диким, что до революции дети рабочих и крестьян были лишены возможности учиться.

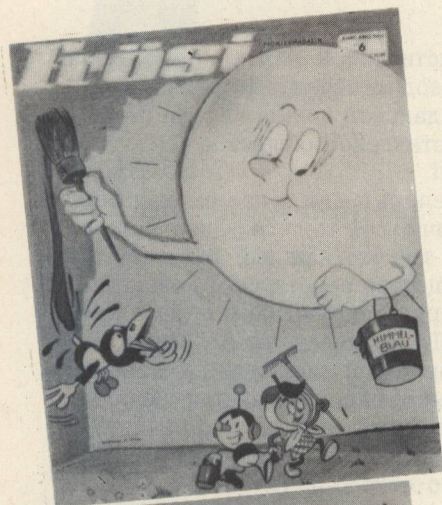
Ты привык к пионерским дворцам и лагерям, санаториям и домам отдыха для тех, кто учится, работает. Привык к тому, что, если вдруг заболел, тебя бесплатно вылечат врачи. От рождения до глубокой старости заботится социалистическое общество о своих гражданах.

«Все для человека, все для блага человека!» — вот девиз нашего общества. И во имя построения этого общества вела ленинская партия народы России к социалистической революции.

Пример Советского Союза — это пример для трудящихся всех стран. Ты, конечно, знаешь, что в июне нынешнего года в Москве состоялось международное Совещание коммунистических и рабочих партий. В числе важнейших своих документов оно приняло обращение «О 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Участники Совещания — представители семидесяти пяти партий, действующих на всех континентах мира, — подчеркнули, что имя Ленина стало символом победы Великого Октября, крупнейших революционных свершений, которые в корне изменили облик мира, ознаменовали поворот человечества к социализму и коммунизму.

Это голос коммунистов нашей планеты, голос трудящихся всей Земли. Они твердо держат в своих руках алое ленинское знамя социалистической революции, к которой вслед за нашей Родиной неминуемо, неизбежно, как учил Владимир Ильич Ленин, придут все народы!

У НАС В ГОСТЯХ «ФРЁЗИ»

Они приятели, зовут их Макси и Тютэ, а живут и действуют они на страницах нашего журнала. Макси и Тютэ много путешествуют, и обо всем, что видят и узнают, они рассказывают читателям.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ «ПИОНЕРА»!

«Пионер» и «Фрёзи» — друзья, они связаны большой дружбой, как ваша огромная страна и наша республика.

Друзья, естественно, должны хорошо знать друг друга. И в дни праздника — 20-летия ГДР — мы знакомим вас с нашим журналом.

Желаем вам радости и веселья при чтении наших восьми страниц. Ведь «Фрёзи» — это начальные буквы слов, которые в переводе означают «Будьте веселы и пойте!». И журнал делает все, чтобы его читатели были веселы и изобретательны, умелы и остроумны.

Пользуюсь случаем и передаю вам просьбу сотен тысяч читателей «Фрёзи»: пионеры-тельмановцы хотели бы с вами переписываться. Отправляя им свои письма, напишите на конверте:

Редакция «Фрёзи»,
ГДР, 108 Берлин,
Кроненштрассе 30/31,
Девиз «Мой друг»

До свидания!

Х. АЙХХОРН,
главный редактор журнала «Фрёзи»

КОГДА ГОВОРИЛ ЭРНСТ ТЕЛЬМАН

Макс ЦИММЕРИНГ

Да, он мог быть среди нас, если бы фашисты не убили его двадцать пять лет назад. Наверно, вы уже догадались, что я говорю об Эрнсте Тельмане. Нет в нашей республике девочки или мальчика, которые не знали бы этого имени. Его с гордостью носит наша пионерская организация, именем Тельмана названы улицы, площади, заводы, школы. И портрет Тельмана знаком каждому. Открытое лицо, умный, проникновенный взгляд.

Таким он и остался у меня в памяти. Мне удалось увидеть его, и я слышал, как он говорит. Тогда, в тысяча девятьсот тридцать втором году, за полгода до того, как немецкие помещики и капиталисты сделали Гитлера рейхсканцлером, Эрнст Тельман приехал в Дрезден. Уже за несколько дней до его приезда многие жители города были в приподнятом настроении. Наступило девятнадцатое июля, приближался час открытия митинга Коммунистической партии Германии. Толпы людей устремились к велодрому — кто пешком, кто на велосипеде, потому что трамваи были переполнены и не могли вместить всех. Здесь были не только рабочие, служащие, ремесленники и мелкие торговцы из Дрездена и его окрестностей, не только те, кто хотел услышать Тельмана. Мимо нас то и дело проезжали автомобили с шупо (так называли тогда полицейских). Между колен полицейские держали карабины.

Наконец мы оказались на велодроме. День был жаркий, но я не замечал жары, так же как и остальные, собравшиеся здесь. Нас было семьдесят тысяч. Это был, наверно, самый большой митинг, какой когда-либо происходил в Дрездене.

И вот по толпе пробежал шепот, говор, слышались приветственные возгласы. Тельман шел по велодрому с высоко поднятой рукой, сжатой в кулак. Он приветствовал собравшихся по-ротфронтовски. Многотысячный хор голосов скандировал: «Да здравствует Эрнст Тельман!», «Ротфронт!», «Все на борьбу с фашизмом!», «Выбирайте коммунистов!».

Но вдруг шум смолк. Наступила тишина. Стал слышен только один голос. Тельман начал говорить — ясно, спокойно, твердо. Какая сила была в его голосе! Он предупреждал: «Гитлер — это война!» Он говорил, что все трудящиеся — рабочие и крестьяне, служащие и ремесленники — должны объединиться, если они хотят предотвратить ужасы фашизма и войны. Только под руководством объединившегося рабочего класса можно сохранить демократию и мир. «Гитлер — это война!» — снова повторил он громко и закончил свою речь словами: «Да здравствует единый рабочий фронт!»

Когда Тельман кончил свою речь, по толпе прокатилась буря

аплодисментов. Казалось, они никогда не стихнут. Сама собой возникла вечно юная песня «Вставай, проклятем заклейменный!...». Ее подхватил многотысячный хор.

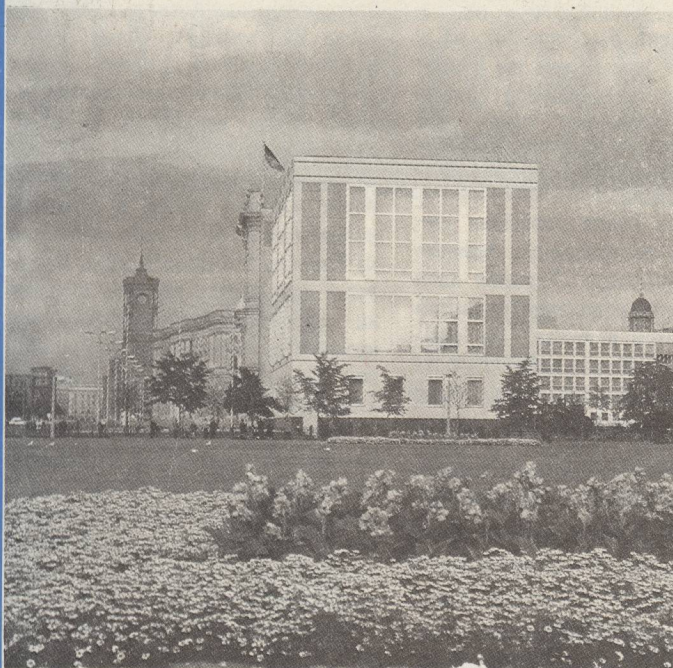
Митинг закончился. Людской поток хлынул теперь в обратном направлении. Я и мои товарищи из Коммунистического союза молодежи торопились попасть вовремя на Штюбельплац — теперь она называется Фучикплац. Там второй раз должен был говорить Тельман.

Эрнст Тельман оказался прав: Гитлер был поставлен немецкими монополистами и крупными землевладельцами во главе правительства — и тогда возникли концентрационные лагеря, началось вооружение, пришла война.

Одиннадцать с половиной лет переводили нацисты нашего Эрнста Тельмана из одного застенка в другой — так они его боялись, хотя и утверждали, что его партия, Коммунистическая партия Германии, давно уничтожена. И злодейски убили его в концлагере Бухенвальд, безоружного, бесстрашно предсказывавшего им поражение.

Это преступление не помогло фашистским убийцам. Их «тысячелетний рейх» развалился под ударами союзных войск, и прежде всего благодаря мужественной и самоотверженной борьбе Советской Армии. И сейчас в одной части Германии — в нашей двадцатилетней Германской Демократической Республике — воплотилось в жизнь то, за что непреклонно боролся Эрнст Тельман. Наш священный долг — выполнить его заветы.

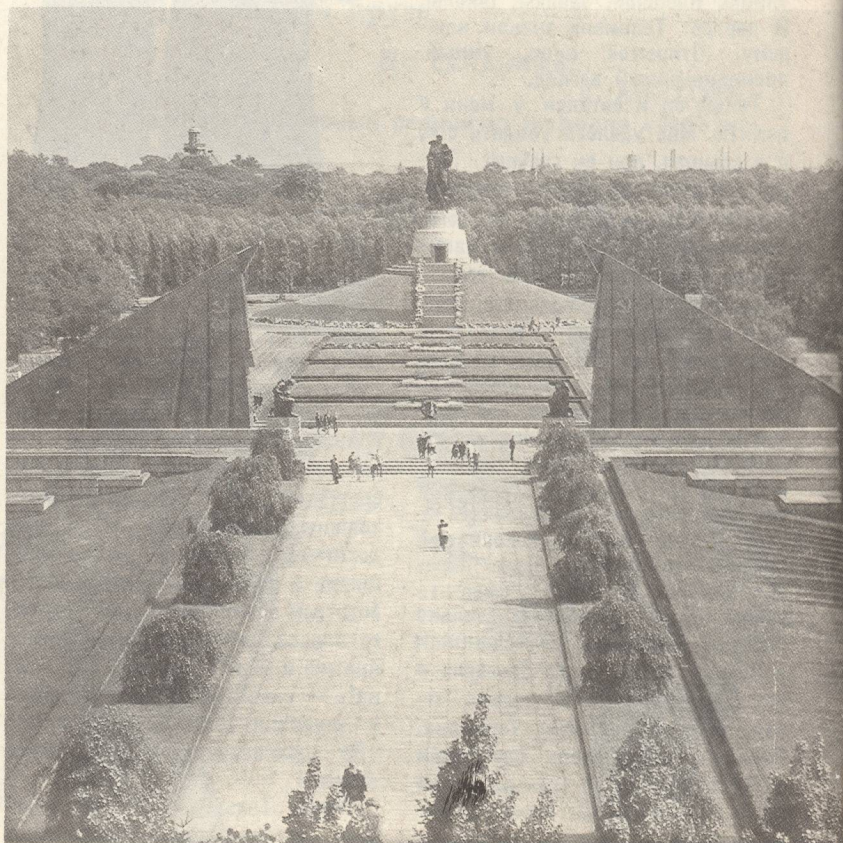
7 октября — день рождения Германской Демократической Республики. Это здание Государственного Совета — высшего органа власти ГДР.

Где только не побывали Макси и Тютэ! В год двадцатилетия республики они исколесили всю страну, и вместе с ними путешествовали читатели «Фрэзи». А на этот раз они приглашают вас познакомиться с памятными местами Германской Демократической Республики. Вы, вероятно, не раз слышали о них, а теперь можете увидеть на этих фотографиях.

Бранденбургские ворота стоят на границе между Восточным и Западным Берлином. Пионеры-тельмановцы — частые гости пограничников.

Берлин. Памятник советским воинам в Трептов-парке.

Росток — главный порт ГДР.

В старинном немецком городе Лейпциге ежегодно устраиваются международные ярмарки; один из уголков ярмарки — на этом снимке.

Знаменитая Дрезденская галерея. Ее сокровища во время войны спасли советские бойцы.

ВЕЛОГОНКА

РАССКАЗ

Хорст НЕЙБЕРТ,
Руди КУНЦ

Мики-Маус, Вольфи и я смотрели телевизор. Вот сейчас они въедут в экран — лидеры велогонки «В защиту мира».

У отца был отпуск. Он спал на диване и храпел уже целых два часа. Мама гладила на кухне свое самое нарядное платье. Она крикнула:

— Неужели нельзя сделать потише? О, господи!

Наш комментатор сообщил, что через несколько секунд четверо гонщиков появятся на стадионе. Он назвал страны и имена участников. Представителя ГДР среди них не было. Вольфи перестал качаться на стуле от нетерпения.

— Опять наши проигрывают! — Сам бы, небось, через десять километров выдохся, — сказал я.

На это Вольфи возразил, что проедет все тридцать и ни разу не остановится.

— Хвастай! — поддразнил его я.

— И тебя обгоню, — не унимался он.

— Эх ты, козявка! — рассмеялся я. — Пока ты дотянешься до финиша, я уже поужинать успею.

— Вот они! — крикнула Мики. Отец перестал храпеть и вскочил:

— В чем дело? Вы дадите мне поспать хоть минутку?

— Разве можно так пугать людей! — рассердилась мама.

Мы впились глазами в экран. Болельщики на стадионе кричали и размахивали руками. Первый, второй, третий, четвертый велогонщик...

— Датчанин побеждает, — сказал комментатор, и голос его дрогнул.

— Вот не повезло! — зевнул папа.

— Так кто же выиграл? — освещенная из кухни мама.

Когда мы с Вольфи выходили из комнаты, она предупредила:

— Смотрите, поздно не возвращайтесь! Не забудьте, мы с папой идем в театр.

— А сколько это тридцать километров? — спросил Вольфи, когда мы спустились во двор.

— До Папельбаха и обратно. Он сел на свой велосипед и рванул вперед.

— Кто первый вернется, тот выиграл!

Я тут же обошел его на своем велике.

Свернув в проселок, я обернулся, чтобы поглядеть на Вольфи. Он отстал всего лишь метров на десять! И вдруг — хлоп! Я врезался рулем в чей-то забор.

— Ура! — крикнул Вольфи, пролетая мимо.

Когда я снова сел в седло, он был уже в конце проселка.

Мне оставалось до Вольфи всего три метра, как вдруг на дорогу выскочила черная такса лесника — прямо между нашими велосипедами. С бешеным лаем бросилась она за Вольфи, и тот, почувствовав неожиданный прилив сил, удвоил скорость. Чуть ли не полкилометра она гналась за Вольфи, а потом бросилась мне навстречу. Пришлось поджимать ноги. И тут я потерял темп.

«Если ему и дальше будет так везти, он, пожалуй, победит», — подумал я.

И в ту же минуту увидел велосипед Вольфи, прислоненный к дереву.

Я громко свистнул.

— Сейчас! — ответил Вольфи из-за кустов.

Я решил сделать пока передышку.

— У меня было хорошее время, — сказал Вольфи. — Если ты справедливый человек, то дашь мне фору.

Я подождал, пока он исчез за следующим поворотом.

Тем временем стал накрапывать дождь. Возле каменоломни я — основная группа — присоединился к головной группе — Вольфи. Наши тренировочные костюмы можно было отжимать. Мы доехали вместе до моста автострადы и спрятались под ним от дождя.

Через полчаса дождь поутих.

— Думаешь вернуться? — спросил Вольфи.

— А ты? — спросил я.

— А до Папельбаха еще далеко? — спросил он.

— У тебя, может, седло неудобное? — спросил я.

— Поехали! — крикнул он.

Пять километров он катил, не отставая от меня ни на метр. Потом немного сдал. Мне стало его чуточку жалко. Когда он приблизился настолько, что мог меня услышать, я пожаловался:

— Пить хочу — умираю! А ты? Он не ответил. И тут же прекратил мимо меня.

«Ладно, пусть обгонит метров

на двадцать, — подумал я. — Все равно от меня не уйдет!»

Тр-р-р!.. Свалилась цепь. Тьфу, чертова колымага!

Вольфи успел уже развернуться в Папельбахе и ехал назад, когда я только въезжал в городок.

— Темп, темп давай! — крикнул он, пролетая мимо.

Я пронесся по улицам, крутанул перед ратушей и содрогнулся: свисток!

Регулировщик преградил мне дорогу.

— Пожалуйста, пропустите меня! — взмолился я.

Человек в белой фуражке оглядел меня строгим взглядом.

— Сперва объясни, какое было нарушение.

— Слишком быстро ехал? — вежливо спросил я.

Он приставил к моей груди свой жезл.

— А ты не знаешь, что прежде, чем делать поворот, надо оглянуться и выбросить руку?

Я кивнул.

— По какому делу едешь?

— Догоняю брата. Он уже на три километра впереди. У нас велогонка «В защиту мира», — сообщил я.

— Вот оно что! Только улица — это, между прочим, не гоночная дорожка! — И он погрозил мне пальцем.

Как вихрь, вылетел я из Папельбаха. Мимо меня прогрохотал грузовик. Я пристроился за ним. Теперь я был защищен спереди от ветра. Э-эх, и покотил же я!

— Пит! Питер! — крикнул вдруг кто-то мне вдогонку.

Это Вольфи возился в придорожной канаве со своим велосипедом.

— Техпомощь, сюда!

Я бросился к нему.

— Авария?

Он, чуть не плача, показал рукой на заднее колесо.

— Прокол?

Он пожал плечами.

Я обследовал ниппель. Тут все было в порядке. Но когда я стал накачивать колесо, послышалось шипение.

Резины в запаснике не оказалось. Что делать? Отец и мать собираются в театр. Если пойдем пешком, опоздаем.

И тут мне пришла в голову одна идея:

— Вот что! Я слетаю домой, расскажу, что случилось, и захвачу резину.

Обливаясь потом, я влетел во двор.

— Ура! Выиграл! — Мики хотела тут же увенчать мою голову венком из лютиков.

— Погоди! — прохрипел я. — Это еще не финиш!

Отец рассердился.

— Как это вам взбрело в голову устраивать гонки на такую дистанцию! Ты старший, должен соображать! Потопрапливайся, скоро стемнеет! И как только вернетесь,

Писатель-коммунист Макс Циммеринг разговаривает со своими читателями. В 1933 году, когда Гитлер захватил власть, Циммеринг вынужден был покинуть Германию. После освобождения страны от фашизма Макс Циммеринг вернулся на родину и сейчас живет в Дрездене. Маленькие читатели ГДР хорошо знают его книги, а книга «Вокруг света поневоле» переведена на русский язык.

сразу в постель! Понятно? Нам пора уходить — мы опоздаем на первый акт!

На этот раз я погнал не через лес, а прямо по шоссе, чтобы поскорее вернуться к Вольфи.

Уже стемнело, когда я добрался до места, где оставил брата, но — вот ужас! — ни его, ни велосипеда здесь не было.

«Наверно, пошел пешком через лес», — подумал я.

Ну и темно же тут в лесу!

Вдруг где-то совсем близко раздался протяжный крик:

— Угу, у-у-у-гу!

У меня захватило дух. Но тут я вспомнил, что так кричат совы.

Тихонько прокрался я мимо домика лесника, чтобы не учуяла проклятая такса. Но как только оглянулся, увидел за собой два горящих глаза.

Только доехав до Вольфсница, я

снова обернулся. Горящие глаза были далеко позади, но продолжали меня преследовать.

Я остановился перед освещенной витриной магазина. Из проулка выехали на велосипедах два лесоруба. Горящие глаза — это были их фонарики.

Но где же Вольфи?

Когда я вошел в комнату, он сидел за столом и с наслаждением поедал ужин. На голове у него красовался лавровый венок из лютиков.

— Наконец-то! — приветствовал он меня.

Мики-Маус затараторила:

— Он давно уже дома! Его подобрал грузовик. Мы тут чествуем победителя! Хочешь, я тебе тоже налью чаю?

«Ладно, что с ними связываться! — решил я. — Ведь я их старший брат».

Петер Хакс

А видю то, чего не видишь ты

Что видит муравей,
скитаясь средь травы,
обломанных ветвей
и высохшей листвы?
Он видит перегонной,
и травяной покров,
и на тропе лесной
таких же муравьев.

Красавицу березку,
любимицу стихов,
не видит в мире плоском
никто из муравьев.

Что в поисках нектара
в полях заметят пчелы?
Мак яростней пожара,
гвоздики цвет веселый...
Весь век пчелиный —

лето,

он полон суеты,
и лишь одна примета:
цветы, цветы, цветы.

Пчела не замечает,
чем занят пчеловод
и как он выбирает
готовый мед из сот.

Что с мраморной колонны
увидела сова?
Мышонок напряженный
от страха жив едва.
Мышонка съесть готова,
глядит сова в упор.
И ничего другого
ее не видит взор.

Не видит взор совиный,
как странны в век антенн
тяжелые руины
средневековых стен.

С высоких диких гор
что видит козерог?
Сереющий простор
и мох у самых ног.

И может без дорог
лететь во весь опор
проворный козерог,
хозяин диких гор.

И, кажется, с вершин
все видно без труда...
Но он в дали долин
не видит города.

Что видят в мире дети,
стараясь стать умней?
Все то, что на планете
и высоко над ней.
Что видимо при свете
и скрыто в беге дней —
во все проникнут дети,
стараясь стать умней.

И стоит поучиться,
чтоб видеть без труда,
чего ни зверь, ни птица
не видят никогда.

ШКОЛЬНЫЙ ЗООПАРК

Если вы когда-нибудь приедете в Шкойдитц (район Лейпцига) и зайдете в среднюю школу, пионеры с гордостью покажут вам свой школьный зоопарк.

Зоопарк занимает четыре тысячи квадратных метров, на его территории расположено шесть прудов, птичник и загон для пони. Здесь можно увидеть одиннадцать видов фазанов, восемнадцать пород уток, а кроме того, лесных птиц, диких голубей, диких гусей, кур, рыб, кроликов.

ПО СТОПАМ ТИМУРА

Пионеры дружины «Руди Арнштадт» в Эггезине с помощью пил, молотков, тяпок и

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Рудольф ШОЛЬЦ

Стремится глобус
быть Земле под стать.
Кружатся острова
и океаны.
Мальчишек ждут
невиданные страны,
где надо непременно
побывать.

И вот в горах
их застает обвал,
в пустынях ветер
обжигает гарью.
Они с ружьем идут
по Заполярью,
в скафандре погружаются
в Байкал.

Мальчишки в путь
выходят налегке...
Мечта их поднимает
над планетой,
летит к звезде
космической ракетой...
Земля, как глобус,
тает вдалеке...

Макси и Тютэ, большие чудачки, попадают очень часто в самые невероятные истории и всегда выходят сухими из воды, потому что перед каждым путешествием тщательно тренируются. Вот одна из таких тренировок.

лопат превратили пыльный, заброшенный пустырь в зеленый сквер. Ребятам, конечно, помогали папы и мамы.

Там, где совсем недавно был свален всякий хлам, теперь зеленеют газоны, пестреют цветы, растет декоративный кустарник. Ребята смастерили несколько скамеек, и пожилые люди очень благодарны им за это. Теперь они могут посидеть здесь и отдохнуть во время прогулки.

«АСТРА-ПРИВЕТЫ»
ДОШЛИ ПО НАЗНАЧЕНИЮ

Тысячи пионеров ГДР помогают украшать нашу республику к ее двадцатилетию. Они пилят, строгают, стучат молотками, красят. Повсюду в городах и селах праздничное на-

строение. Но один из самых лучших подарков ребят ко дню рождения республики — это миллионы астр.

За полгода до юбилея Корбина со страниц своего журнала и журнала «Пионер» позвала астры на праздник, и ребята откликнулись на ее зов. Среди астр есть и сорта, выращенные из семян, присланных пионерами Советского Союза. Корбина раздала все их «астра-приветы» пионерам-тельмановцам, а те, посеяв их, заботливо ухаживали за всходами и вырастили множество астр.

От имени пионеров ГДР журнал «Фрэзи» благодарит советских друзей за помощь — за разноцветные «астра-приветы» к двадцатилетию Германской Демократической Республики.

И. УВАРОВА

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

По дорогам Италии

В начале XVII века французский художник Жак Калло отправился путешествовать по Италии. Он вел путевой альбом, зарисовывая все, что казалось ему интересным. Среди всевозможных рисунков в его альбоме встречались фантастические существа с громадными носами, похожими на клювы, круглыми плоскими щеками и ртом, застывшим в оскаленной гримасе. Они извивались в неправдоподобно гибких позах, выворачивали кисти рук и взвивались в воздух, будто вместо костей у них были пружины. На макушках у них дрожали острые перышки, воткнутые в нелепые шляпы, а короткие плащи, развевающиеся за их поднятыми плечами, подобно крыльям, усиливали их сходство со странными птицами. Чудовища могли бы вызывать страх, если бы не были столь комичны.

Право же, невольно вспоминались записки Марко Поло, который свидетельствовал, что есть остров, где живут люди с собачьими голо-

вами. Впрочем, мало ли что может быть на неизвестных островах. Но здесь, в Италии, на родине Марко Поло?..

Кто же они, эти диковинные существа, водившиеся в Италии? Их след ведет в эпоху Возрождения, в XVI век, на территорию Ломбардии, в горы.

...Из-за поворота горной дороги бесшумно, как тень, вынырнул отряд. В густых сумерках еще можно разглядеть смуглые лица мужчин, черные глаза, глядящие напряженно и зорко; понурые головы старых кляч; темную глыбу фургона. Жуткая тишина сопровождала их. Мужчины ступали неслышной, вкрадчивой поступью, копыта лошадей обмотаны тряпками.

Вдруг тишину прорезал далекий вопль. Лошади остановились, мужчины схватились за оружие. Где-то совсем близко разбойники. Встреча с ними не сулила добра. Но смолкли крики.

Безмолвный отряд двинулся дальше. Жалобно скрипнул старый фургон. В фургоне темно и душно. Устав от тревоги, задремали женщины. Уснул ребенок, свернувшись клубком на жестком холсте, разрисованном крепко пахнущими красками. В углу, как маленькие звезды, светились блестки, нашитые на какое-то тряпье. Со стен глядели, покачиваясь, носатые рожи, те самые рожи, которые рисовал Калло. То были маски.

...Да это наш старый знакомый, бродячий балаган, вечный странник! Вот куда занесло его — в глухие горы Северной Италии!

Через горы в Венецию возвращается из далекого путешествия театр масок, знаменитая итальянская комедия дель арте, что означает: театр настоящих мастеров.

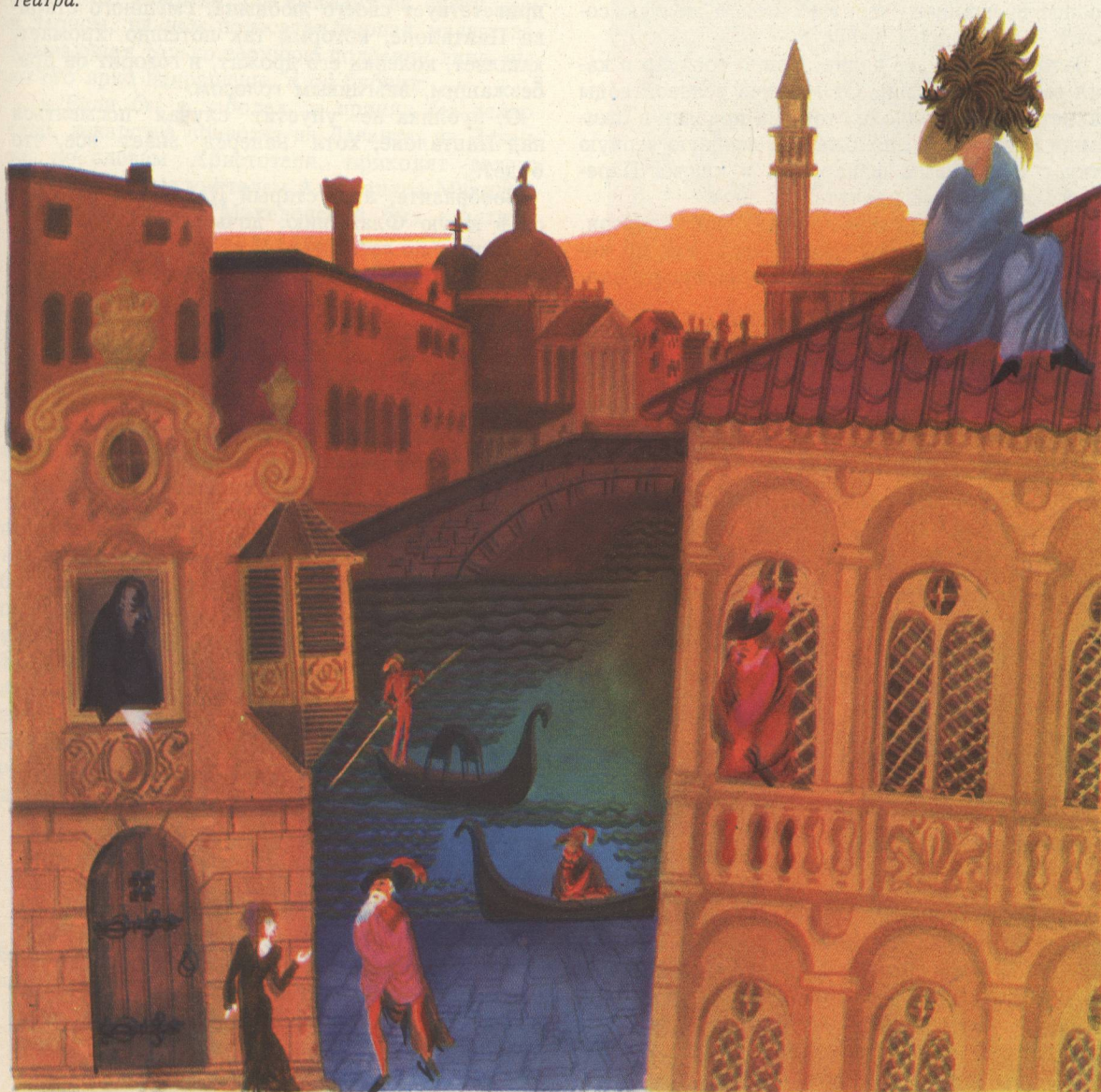
Полна опасных приключений жизнь бродячих актеров. Впрочем, кто же в ту пору в Италии жил без опасностей и приключений?

Жизнь Италии бурлит, как кипяток в котле, она похожа на роман, написанный автором с буйной фантазией. Каждый город как маленькая самостоятельная страна. В городах живут купцы, мореплаватели, гениальные художники, ученые, герцоги и великие поэты. В ту пору возводятся дворцы, плетутся козни и интриги и возникают театры.

Очень жаркое лето в Венеции. Дома раскались, кажется, вот-вот расплавятся и потекут по стенам узорные карнизы, а серебристые крыши нагрелись, как сковородки. На крыше сидит женщина, замотанная простыней, на голове ее надеты поля от шляпы, закрывающие лицо, а длинные мокрые волосы торчат сверху. Трудно узнать в этом пугале первую красавицу Венеции. Кому охота жариться на крыше! Но нынче

На улицах Венеции события разворачивались так же стремительно, как на сцене театра.

Вот он, наш старый знакомый, бродячий балаган!

блузу, обшитую полосками зеленой материи, блуза скрыла его сутулые плечи; он надел зеленый берет, плоский, как блин, а лицо закрыл темной маской, напоминающей морду сурка или физиономию весьма глупого человека. Отныне он слуга, или дзани, малый придурковатый, но себе на уме.

Вот смуглый юноша надел красную куртку, узкие красные панталоны, красные чулки, на плечи — плащ из куска черной ткани, а на лицо — маску пепельного цвета с круглыми глазами, хищным, крючковатым, как у совы, носом и сизой козлиной бородкой. Согнувшись в три погибели, он ныряет в прорез двери и...

Слышите хохот и крики в публике? Публика приветствует своего любимца, смешного старика Панталоне, который так потешно хромает, кашляет, коленки его дрожат, и говорит он дребезжащим, визгливым голосом.

О, публика не упустит случая посмеяться над Панталоне, хотя наперед знает все, что будет!

Вообразите, этот старый Панталоне влюбился в юную Фламинию, дочь старого доктора, что живет по соседству. И на нее заглядывается другой сосед, brave капитан. Она же вздыхает по юному Лелио, и Лелио тоже любит Фламинию.

Но Лелио нерешителен, а Фламиния робка, и они, конечно, никогда не сумели бы пожениться, если бы на помощь им не пришли веселые слуги: Коломбина, Арлекин и Бригелла, тот самый, в белом балахоне и зеленом берете.

Как они запутали Панталоне! Как заморочили голову Капитану, как ловко провели Доктора. И поженили молодых влюбленных.

Вот, собственно, и все. Такую комедию играли из года в год. Менялись имена, менялись детали, влюбленных могла быть не одна пара, а две. В основном же комедия была всегда такова, запутанная, но несложная. Ну, что тут такого, чтобы ждать приезда театра, и смотреть по многу раз, и всегда радоваться?

светлые волосы в моде, а лютое итальянское солнце превращает черную смоль в желтую солому — приходится терпеть.

Зато с крыши все видно. Узкий тротуар и канал вместо мостовой. От горячей зеленой воды пахнет рыбой. Гондола стоит на привязи в ожидании пассажиров, похожая на ленивую черную утку с оранжевым фонариком в клюве. Перевозить некого, все прячутся от зноя.

Но что это? Вон какие-то клячи тянут фургон, обвешанный цветными тряпками... Уж не комедианты ли опять? Так и есть, свернули к площади!

— Анжелла! Пьеретта! Скорее! Куда запропастились эти служанки? Горе с вами! Скорее платье черного шелка! И черное покрывало! И туфли на самых высоких подставках! И маску, маску! Боже, что ты стоишь столбом, помоги же сойти вниз!..

*

...В мире нет более прекрасной площади, спроси кого хочешь. Ее окружают дворцы, украшенные мраморными колоннами, розовыми, черными, синими и цвета нежного жемчуга. Их стены сверкают, как драгоценные камни, а окна подобны зеркалам, вправленным в дорогие рамы.

Как странно выглядят на такой площади полинялый балаган и простые доски балаганной сцены! Но не беда, народ спешит смотреть любимое зрелище.

Сцена задернута веселой пестрой тряпкой. Южный горячий ветер надувает ее, как парус. За занавеской стучит молоток — актеры привешивают к задней стенке сцены издававший виды холст. На нем аляповато и по-детски старательно нарисована улица и два дома с двумя дверями, прорезанными прямо в холсте. За кулисами актеры торопливо надевают костюмы, изрядно помявшиеся в пути.

Вот старый актер надел белую мешковатую

Но комедия вовсе не была такой пустячной шуткой, как может показаться на первый взгляд. Наша знакомая красавица уж, конечно, заметила, что Панталоне весьма похож на того купца, что живет по соседству. И, будьте уверены, посмеялась над ним всласть, да и другие любопытные и насмешливые по природе венецианцы тоже: они все подмечают и, конечно, не упустят случая высмеять этих смешных купцов, потерявших силу и не ведающих об этом,—

их в Венеции великое множество. Они скупы, самонадеянны, подозрительны, но не понимают, что все вокруг дурачат их.

Может быть, красавице и не по вкусу при-
шлись шутки над испанским Капитаном, но зато
всем другим зрителям доставляло особое удо-
вольствие узнать в этой хвастливой маске карик-
атуру на завоевателя Южной Италии.

На сцене он ходит напыжившись, как индюк,
в красном бархатном костюме, с золотыми га-
лунами, в красной шляпе, подбитой мехом. Он
говорит с сильным испанским акцентом. Вы
только послушайте его речи:

— Я капитан Ужас из Адской долины по про-
звищу Дьявол. Я сын землетрясения и молнии,
я родственник смерти, я гроза морей, я смерть
суши...

Но тут к нему подкрадывался Бригелла и во-
пил дурным голосом, а Капитан бежал прочь,
воя от страха. Ай да Капитан!

Публика свистела и улюлюкала Капитану
вслед.

А это Доктор! Вы послушайте, какую чушь
несет этот невежда. Он выходит на сцену весь
в черном, на нем полосатая черная маска, за-
крывающая только верхнюю половину лица, ще-
ки его ярко накрашены, и он бубнит:

— Если бы я заболел, я принял бы лекар-
ство, лекарства привозят из Леванта, из Леван-
та, по словам Аристотеля, приходят ветры,
Аристотель был учителем Александра Македон-
ского, Александр Македонский был властите-
лем мира, мир держат Атланты...

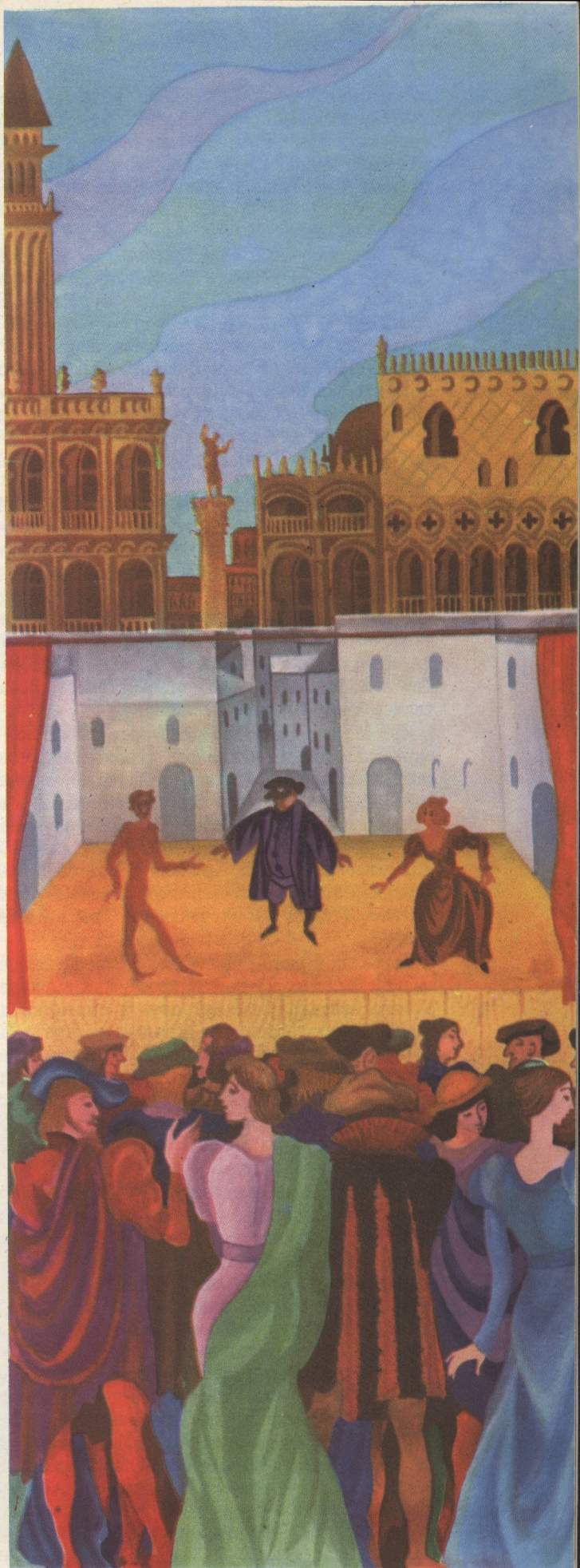
И так далее, пока кто-нибудь из слуг не под-
ставлял ему подножку. Но, и распластавшись
носом вниз, он все еще продолжал рассуждать.
И венецианцы, конечно, хохотали еще и оттого,
что Доктор на сцене так смахивал на докторов,
которых они хорошо знали.

Да, комедия дель арте была наблюдательна
и зорка. Она умела передразнивать, как пти-
ца-пересмешник. Бродя по городам, она выхва-
тывала повадки и черты характера, достойные
осмеяния, она никого не щадила. Гамлет назы-
вал театр зеркалом, в котором отражается до-
бро и зло. Но, казалось, у бродячей итальян-
ской комедии было припасено кривое зеркало,
и зло отражалось там в потешном виде. Такова
была жизнь, и она отразилась в пьесах, насы-
щенных приключениями, похождениями, ковар-
ными интригами и недеплыми путаницами. Но
это была комедия, и потому все кончалось хо-
рошо, и у зрителей было легко и весело на
душе.

Потому, должно быть, более всего любили
итальянцы дзани — слуг комедии дель арте —
Бригеллу и Арлекина, которые так ловко уме-
ли все повернуть по-своему.

Венецианцы всегда рады любимому зрелищу.

Полагают, что комедия дель арте появилась сначала в Венеции, что вместе с комедиантами выступали жонглеры, а от жонглеров-то и обучились будущие слуги комедии многим ловким трюкам и необычной ловкости движений.

Они стали гибки, как прутья, и проворны, как мартышки.

О, поначалу глядя на Бригеллу и Арлекина, придурковатых и вроде бы неуклюжих, разве скажешь, сколько в них скрыто чудесной ловкости?

Хозяева связывали их в наказание за какую-нибудь проделку спина к спине, а им хотелось отведать хозяйских макарон, и они, подобравшись к столу, хватали их ртом по очереди, причем когда один наклонялся над блюдом, другой взлетал у него на спине, дрыгая в воздухе ногами.

Или один из них держал стакан с вином. Получив от кого-то пинок, летел, кувыркался через голову и, встав на ноги, выпивал полный стакан, из которого не проливалось ни капли.

Они были предками тех наших любимцев клоунов, которые появляются в цирке в парике из мочалы, в необъятных штанах, и от их крика «А вот и я!» зал разражается веселым хохотом. Так хохотали итальянцы четыре столетия назад, увидев Бригеллу и Арлекина.

Кроме того, комедия дель арте выбирала из каждого города наиболее характерный тип, заслуживающий осмеяния, и каждый, помимо постоянного костюма и постоянной маски, имел еще и свой местный говор, отчего получалось нечто, напоминающее нам разговор Тарапуньки и Штепселя. Так вот Арлекин и Бригелла были пародией на жителей Бергамо, которые смешили всю Италию своей речью и своими манерами.

Бригелла в белом балахоне, со своей нелепой маской был далеко не так прост, как выглядел. У него хватало ума, хитрости и смекалки дурачить своих господ. Он играл на гитаре и был ловок в акробатике. Эта роль считалась самой трудной. Вообще актеры бродячей комедии никогда не менялись ролями: просто одну всю жизнь был Панталоне, а другую всю жизнь Бригеллой, роли были их постоянным паспортом и их местом в жизни.

Арлекин же имел одежду, запатанную яркими заплатами, вернее, сшитую из заплат, носил черную ухмыляющуюся маску и нравом был простодушен и наивен, почему и колотушек доставалось ему, естественно, больше.

Но кто же будет вечно сносить колотушки? Со временем характер его меняется, проказы становятся более дерзкими, а в руках его появляется волшебная палочка, которая помогает ему справляться со своими обидчиками. К тому времени комедия дель арте уже умела управляться с хитрыми, хотя и простыми механизмами. И вот Панталоне, наказавший Арлекина, садится за стол, тянется к свече, но Арлекин взмахнул палочкой — и свеча взлетает и носится по воздуху, а стол взвивается к потолку. Панталоне бежит за вещами, пытается поймать

их и, измучившись, падает на стул. Но стул начинает расти, и Панталоне в ужасе болтается под самым потолком, визжа от страха.

Мало-помалу Арлекин становится самой интересной фигурой комедии. Поговаривали, что он ведет свое происхождение прямо из мистерий, что он, мол, служил в былые времена чертенком, что из ада вынес он свою палочку. Как иначе объяснить его могущество?

Но объяснить его могущество можно иначе. Арлекин возник в гордую эпоху, когда человек перестает считать себя куклой в руках богов и судьбы. Своей судьбой он хотел распоряжаться сам. Про эти времена говорят: эпоха титанов. Конечно, Арлекин не был титаном. Но не было ничего удивительного в том, что на сцене появился некто, карающий зло, властный над своей судьбой и над судьбами других.

На юге Италии у Арлекина был ближайший родственник и его заместитель, нелепый, но весьма смысленный слуга по имени Пульчинелла. Рассказывают, что он вошел в комедию при довольно неожиданных обстоятельствах. Бродячие актеры, проходя полями близ Неаполя, стали подшучивать над крестьянами, работавшими в поле. Но один малый из крестьян не уступил им в остроумии и обрушил на них такой поток издевательских острот, что надо было либо побить его, либо взять в актеры. Очевидно, второй вариант показался разумнее. Во всяком случае, имя этого парня было Пуччо д'Аньело, и Пульчинелла, говорят, пошел от него.

Интересно и другое событие, связанное с Пульчинеллой и его маской. Ученые установили, что в районе Неаполя во времена Древнего Рима был популярен знаменитый тип римской комедии, некто Маккус, носивший очень похожую маску.

И вообще в римской комедии водились четы-

ре маски, в которых нетрудно отыскать сходство с масками комедии дель арте. Это казалось совершенно необъяснимым — столько веков не встречалось никаких упоминаний, римские маски были прочно забыты, похоронены, закопаны в итальянскую землю — и вдруг... Могли ли они как-то тайно дожить до XVI века? Правда, во времена Возрождения проводились раскопки, и вполне могло быть, что маски римлян стали известны. И совсем недавно при раскопках Помпеи нашли фреску с изображением форменного Пульчинеллы. Но дело ведь не только во внешнем сходстве, а вот как объяснить, почему одинаковые типы людей скрывались под одними и теми же масками?

Так или иначе маска дель арте — одна из самых больших радостей, которую принесло искусство людям. Маска обладала великой таинственной силой. Маска Панталоне заставляла зрителя припомнить всех скупых и нелепых стариков, каких он видел. Маска Арлекина рисовала его простодушным, незадачливым слугой. Но и всеильный маг, чародей, волшебник тоже скрывался под маской Арлекина. Можно сказать, что маска была массовым портретом, в котором собрались черты разных людей.

Комедия дель арте знаменита не только масками. Это был еще и единственный в своем роде театр, театр импровизации. Дело в том, что никто никогда не писал подробного сценария к такой комедии, писали краткое описание действия, вроде бы шпаргалку. Ее вывели за кулисами, и без всякого суфлера актер выходил на сцену и импровизировал, то есть на ходу изобретал текст.

Это вовсе не означало, что актер мог плести

что попало, нет. Актеры жили в постоянном труде; чтобы сыграть хорошо свою роль, они должны были всегда и везде наблюдать за людьми, они много читали и вели множество разговоров, чтобы постичь тот тип человеческий, который им дано было изображать.

В одной старой книге было сказано: те, кому нравится изображать трудную роль влюбленного, должны обогатить сначала свою память приятным качеством благородных речей и изучить историю, стихи, басни, прозу и науку словесности.

И актеров итальянской комедии никогда нельзя было сбить с толку неожиданной репликой. Кроме того, они обладали природной живостью движений и проворством. Чтобы не получалось столпотворения на сцене, каждый знал свои невидимые тропинки, двигался свободно, входил в спортивный азарт, и можно поручиться, что такому актеру никогда не было скучно на сцене и, веселя зрителя, он веселился сам.

Итальянцы очень любили комедию дель арте. Но слава комедии дель арте, прожившей два столетия, вышла далеко за пределы Италии. Отдельные труппы посещали Англию (считают, что Шекспиру было тогда восемь лет), Испанию, где их мог видеть молодой драматург Лопе де Вега, и Францию, где их знал сам Мольер, величайший драматург и актер Франции.

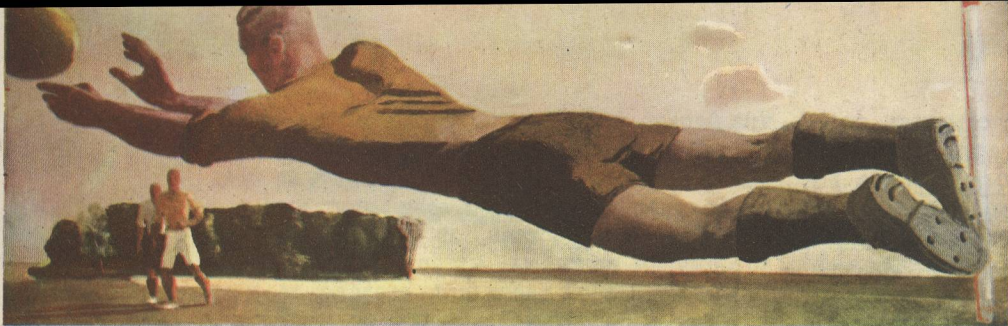
В его пьесах мы не раз встречаем героев итальянской комедии, снявших маску и играющих в другом совсем театре. Но все-таки это они, наши старые знакомые.

Комедия дель арте побывала в Германии. Добралась она и до наших краев.

Мы покинем бродячих итальянских актеров на пути в далекую Россию, куда они отправляются, сложив в старый фургон свои костюмы, расписанный холст и свои маски.

*«Здесь конец комедии»,
как писали
в старинных пьесах
Маски прощаются с тобой,
чтобы в следующем
номере журнала
вновь приветствовать
тебя, читатель.
И ты узнаешь их,
хотя и наряд, и улыбка,
и балаган, и даже
площадь,
на которой он
раскинется,—
все будет другим.*

А. Дейнека. «Вратарь» и
«Пионер» (внизу).

С. ФЕДОРОВ

СЛАВА КРАСОТЕ И СИЛЕ

Мы в залах Академии художеств. Вереница комнат, и вдруг стены их на миг представляются состоящими из бесчисленного количества окон, окошек, оконце! И в каждом из них то тихие, неяркие северные леса и холмы, то озера и селения. Но больше всего окон, где горит южное солнце и блещет южное море, — это картины А. Дейнеки, художника, который всю жизнь славил бодрость и веселую силу человека.

Мы ходим по залам, и, хотя день хмуроват, в залах кажется светло — так много на полотнах знойного крымского солнца, сверкающего моря, неба и крепких, бронзовых от загара тел.

Вот на теплых каменных ступеньках лестницы лицом к морю сидит мальчишка и зачарованно глядит в таинственную даль моря. И, как вечная мечта всех мальчишек, летит над ним самолет.

Вообще у Дейнеки много мальчишек: одни бегут, другие плывут, третьи тихо задумчивы, и все они изображены художником с сочувствием, пониманием и интересом так же, как изображал мальчишек Аркадий Гайдар. Удивительно близки мальчишки художника и мальчишки писателя. Они из одного времени, когда началось увлечение авиацией. Вспомните, как много летчиков у Гайдара. И на полотнах Дейнеки то летят над морем гидропланы, то падает в затыжном прыжке голубой, бесстрашный парашютист, или вот бросается за мячом и тоже летит сильное, мощное тело вратаря.

Переходя от картины к картине, видишь, как этот вратарь потом, в сорок первом году, на другом полотне, станет одним из матросов в яростной картине «Атака». Здесь черные, мрачные фашисты и бело-голубая наша морская пехота сошлись в рукопашной схватке у самого берега любимого художником моря. А прекрасный южный город разрушен, грязный, черный дым летит в горячее небо Крыма, захваченного врагом.

В этой схватке дан миг могучего и гневного напряжения всех сил человека, когда тело его и душа подчинены одному порыву — защитить свою страну от врагов.

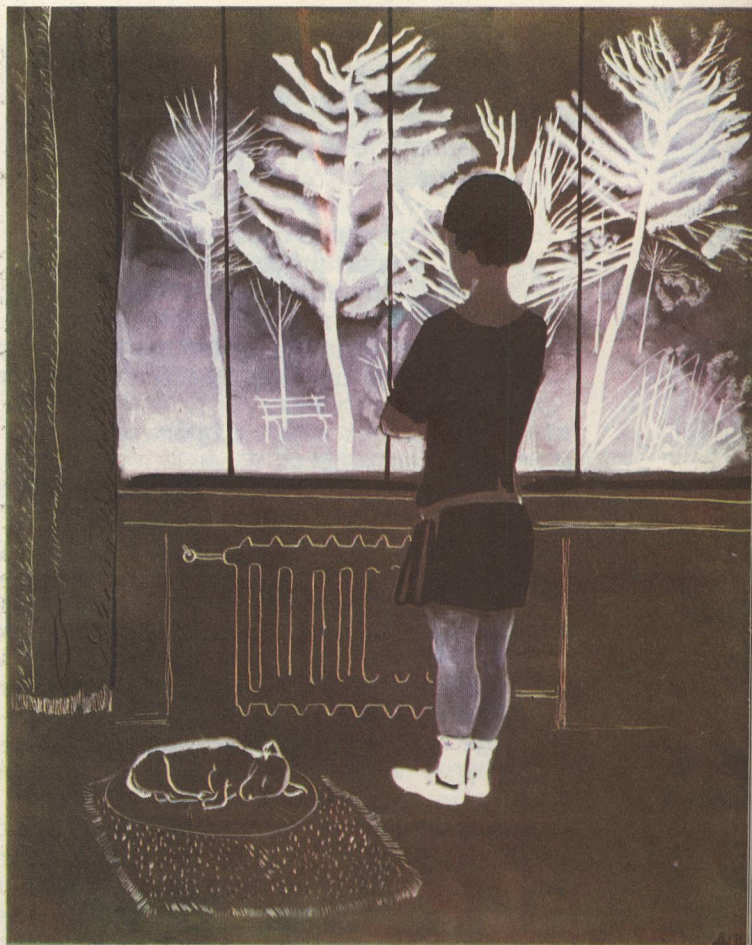
Всю жизнь славил художник красоту и силу свободного и счастливого человека. Вот на картине каток. Кажется даже, что слышна музыка с катка — так четки, так ритмичны здесь фигуры, и так явственно само движение.

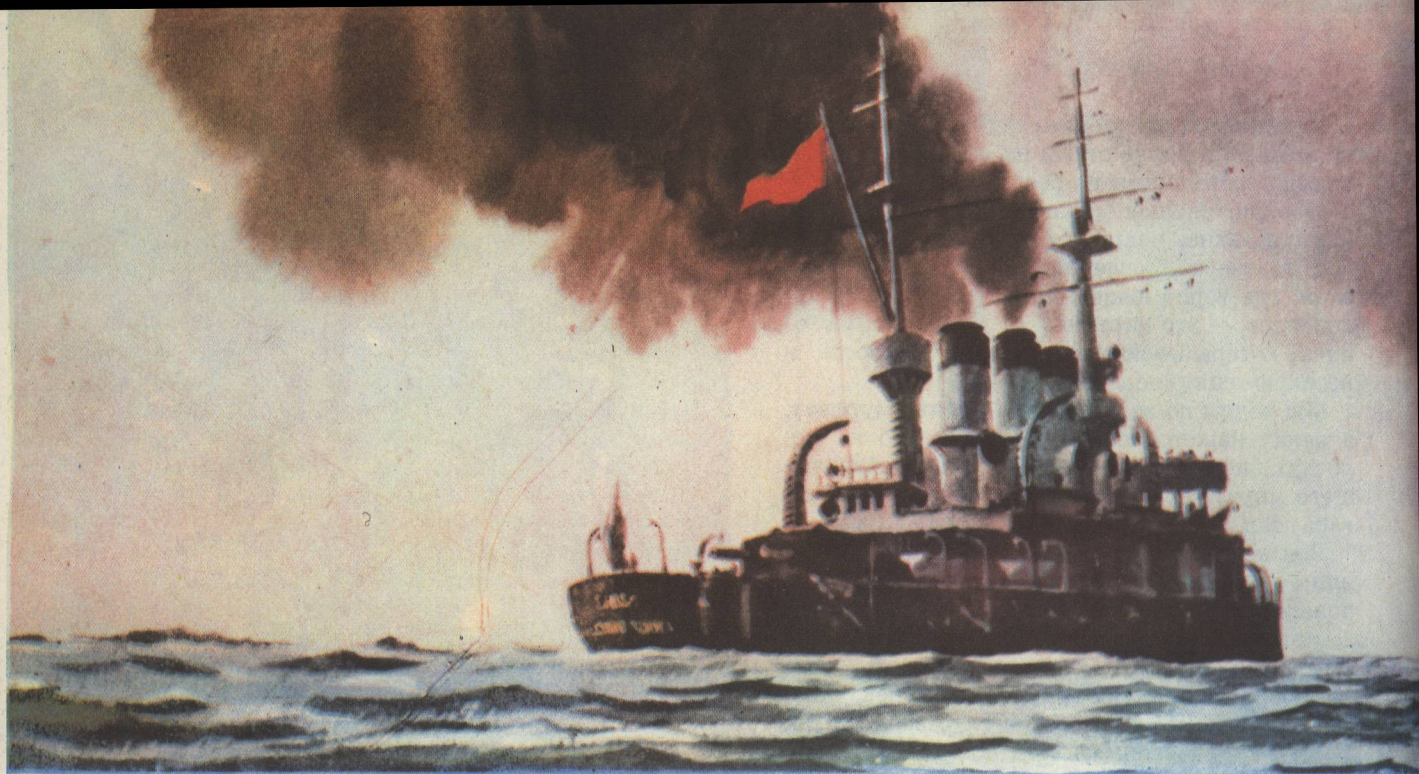
В неподвижной девочке у окна прекрасно настроение, когда за окном сад в снегу, и никого больше нет в комнате, и хочется думать о чем-нибудь хорошем и приятном...

Художник оставил в жизни так много радостного и ничего мрачного, что, уходя с выставки и в последний раз оглядывая ее стены с яркими, веселыми картинами, понимаешь, что красота, какой видел ее А. Дейнека, остается с нами, и еще многим и многим придется она по душе.

А. Дейнека. «Коньки» и «Зима» (внизу).

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

ЖИЗНЬ

Из искры пламя

«В о глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье».

Так писал Пушкин декабристам в Нерчинские рудники. Поэт-декабрист Одоевский ответил Пушкину:

«Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя».

Владимир Ильич решил дать газете название «Искра».

В Шушенском он обдумал газету от первой до последней строки. Теперь надо было ее создавать. Вернувшись из Сибири, Владимир Ильич поселился в Пскове. Один. Без Надежды Константиновны. У Надежды Константиновны не кончилась ссылка — ведь она позднее попала в тюрьму и Сибирь, — поэтому теперь ей назначено было доживать срок в Уфе. А Владимиру Ильичу разрешили жить в Пскове. Там он развернул подготовку «Искры» вовсю! Выезжал в разные города. Всюду искал товарищей для работы в «Искре». Надо было подготовить авторов, которые писали бы в «Искру» статьи.

Надо найти агентов-распространителей. Ведь «Искру» нельзя обыкновенным способом продавать в газетных киосках. Живо засадят в тюрьму. Значит, распространять надо будет тайно. Надо раздобыть денег на выпуск газеты. И денег Владимир Ильич раздобыл. На первое время деньги для «Искры» дала учительница вечерней рабочей школы Александра Михайловна Калмыкова. Она хоть и была владелицей петербургского книжного склада, а дружила с марксистами, особенно с Владимиром Ильичем.

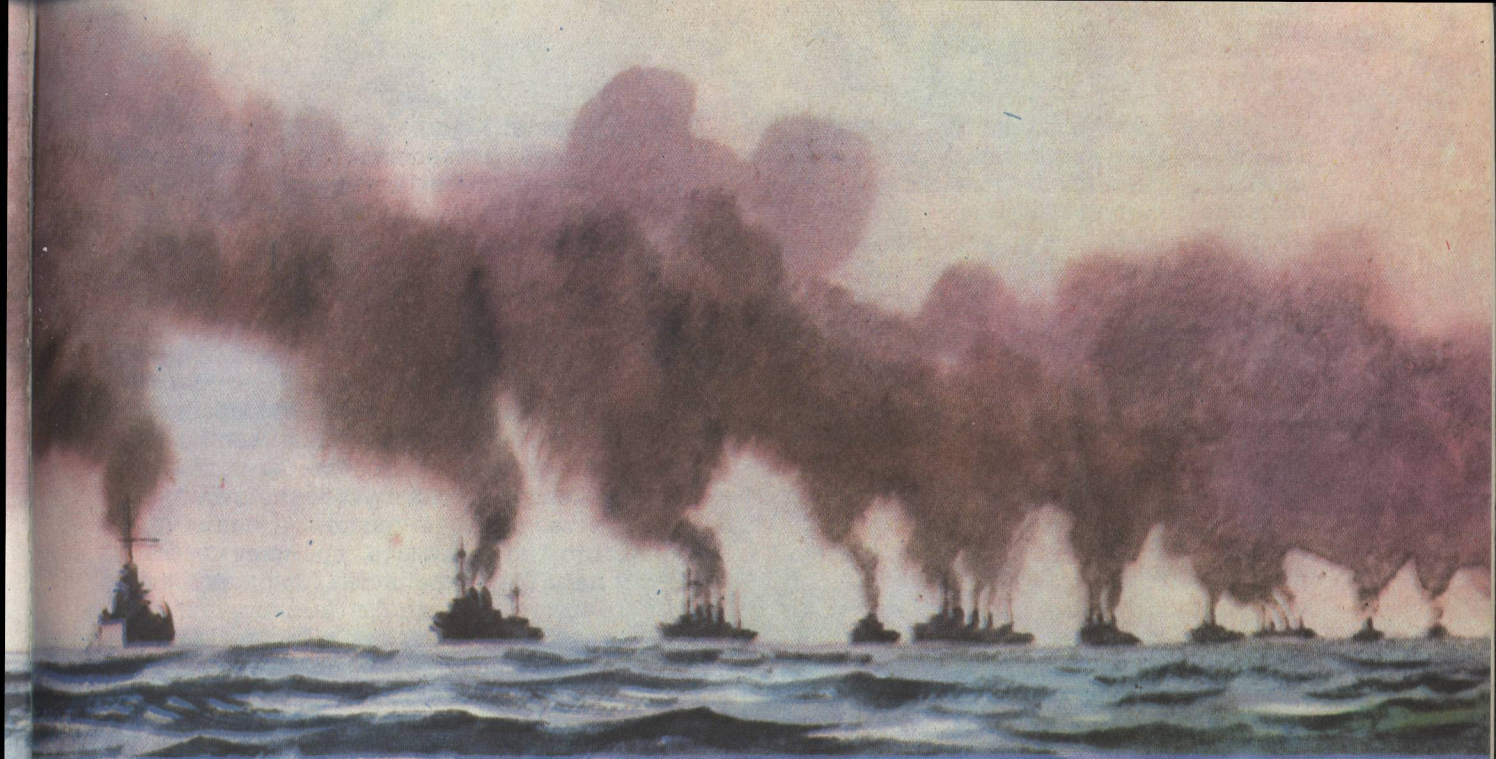
Все подготовлено. За четыре месяца Владимир Ильич, как говорится, гору своротил.

Но где же выпускать «Искру»? Разве можно было в России печатать такую газету? Против царя. Против помещиков и фабрикантов. Против полицейских чиновников. Конечно, нельзя выпускать в России такую газету! Где же?

Пришлось основательно Владимиру Ильичу поломать голову.

Посоветовался с товарищами. Обсудили со всех сторон и решили выпускать газету за границей. Конечно, и там выпускать такую газету можно было только в глубокой тайне. Но там все же не так много было русских полицейских ищек, не сразу угодишь за решетку.

Решено. Владимир Ильич раздобыл вра-

ЛЕНИНА

ПОВЕСТЬ
Продолжение

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

чебную справку и уехал за границу, будто лечиться. Заехал попрощаться с Надеждой Константиновной — у нее только через девять месяцев кончится ссылка, — и поезд помчал его в далекие нерусские края. Надолго ли? Оказалось, надолго.

В немецком городе Лейпциге, с узкими улицами, островерхими домами и кирхами, было много фабрик и еще больше типографий и всевозможных книжных лавочек. Жил в Лейпциге один немец лет тридцати пяти по имени Герман Рау, веселый, усатый, подстриженный бобриком. Он был хозяином маленькой типографии в деревушке Пробстхейд, неподалеку от Лейпцига. В типографии Германа Рау всего-то и стоял один-единственный станок. Правда, большущий. На этом большущем допотопном станке печаталась спортивная рабочая газета, разные объявления и брошюры. Герман Рау был социал-демократом. Это значит, он был марксистом и состоял членом немецкой социал-демократической партии. Однажды лейпцигские социал-демократы сказали Герману Рау, что приехал из России русский марксист. Приехал в Женеву. Затем поселился в Мюнхене. Задача у русского марксиста — выпустить революционную газету. С этим делом обратился приезжий к русским эмигрантам и немецким социал-демократам.

Решили: первый номер «Искры» выпустить в немецком городе Лейпциге.

— Надо помочь русским товарищам, — сказали Герману Рау лейпцигские социал-демократы, когда получили из Мюнхена весть о приезде.

Герман Рау рад помочь, да вот беда: в типографии Германа Рау и в помине не было русского шрифта, тех свинцовых маленьких буковок, из которых составляют сначала слова, затем строчки, страницы и статьи. Был немецкий шрифт, а русского не было.

Думали день, думали два, на третий на-думали, вернее, договорились с надежными товарищами. В одной лейпцигской типографии печатались для России на русском языке церковные книги. К этой-то типографии и подкатил однажды наборщик, помощник Германа Рау, ручную тележку. Подкатил, стал в сторонке, закурил сигарету. Стоит. Люди мимо идут, ничего не видят особенного. Через некоторое время кто-то махнул рукой из окна. А еще погодя вышел товарищ — рабочий с подвязанным фартуком. Видно, что в фартуке тяжесть. Да, там был русский шрифт, свинцовые русские буковки. Товарищ ссыпал шрифт в тележку. Наборщик прикрыл старой курткой и повез.

Теперь уже скоро будет печататься «Искра»!

Приехал из Мюнхена Владимир Ильич. Привез статьи для газеты, свои и товарищей. Владимир Ильич снял комнатенку на окраине Лейпцига. Каждое утро вставал до рассвета. И нынче рано проснулся. За окном темнота. Тихо. Даже фабричных гудков еще не слышать. В комнате зябко. На улице стоял сырой, холодный декабрь.

Владимир Ильич вскипятил на спиртовке чай. Выпил, обжигаясь, из жестяной кружки и, как обычно, вышел из дома. Идти далеко до деревни Пробстхейд, до типографии Германа Рау. Наверное, километров пять-шесть надо идти. Конки туда не было, шагай на своих, на двоих. Навстречу шли пешие или ехали на велосипедах рабочие. Тарахтели повозки: крестьяне везли продукты на рынок. Вот город кончился. Началось снежное поле. Вдалеке чернел лес. Засветились огоньки окрестных селений. В типографии Германа Рау в деревне Пробстхейд светились окошки. Горела керосиновая лампа.

Вся типография состояла из одной, большой, правда, комнаты. Половину комнаты занимал громоздкий старый станок. Были еще две наборные кассы. В чугунной печке жарко трещали дрова, качалось пламя, качались тени на стенах. В типографии был хозяин Герман Рау, да наборщик, да один ученик. И никого больше.

— Сегодня важный день,— сказал Владимиру Ильичу по-немецки Герман Рау.

Владимир Ильич кивнул. Да, сегодня был важный день. Владимир Ильич волновался. До сих пор все велась подготовка, а сегодня...

Наборщик тяжело поднял раму с набором. Перенес к станку. Герман Рау встал за станок. Взялся за ручку. Станок зашумел. Валик завертелся. И газетный лист сполз с машины. Тяжелый, еще влажный лист! Первый номер «Искры» был напечатан. Владимир Ильич взял газету. Как долго и страстно мечтал он об этой минуте!

«У нас есть газета, наша, рабочая революционная газета! Лети же, наша газета, на родину: буди мысли и сердца, зови к революции».

Владимир Ильич вслух прочитал заголовок: «Искра». В правом верхнем углу было напечатано крупно:

«Из искры возгорится пламя».

Ленин

Пассажирский поезд шел по Германии к Кенигсбергу. В вагоне третьего класса в уголке у окна сидел молодой человек. Он ехал из Мюнхена и всю дорогу дремал. Во всяком случае, ни с кем не промолвил ни слова. Довольно большой чемодан стоял у его ног.

Приехали в Кенигсберг, старинный город с каменной крепостью, кирхами, красивыми черепичными крышами. Там шумливое Балтийское море и порт. В порту стояли пароходы дальнего и ближнего следования. Среди них один под названием «Святая Маргарита». Немец из Мюнхена удовлетворенно свистнул и не стал толкаться в порту, а отправился в ближний пивной погребок. В погребе былолюдно, воздух был синий и горький от табачного дыма. Немец из Мюнхена занял свободное место, а чемодан закинул под столик. Спросил сосисок с капустой и стал медленно есть, запивая пивком. Очень медленно. Можно подумать, времени свободного у него было пропасть. А может быть, он кого-нибудь ждал? Да, именно так. Он ждал матроса с парохода «Святая Маргарита». Для встречи с ним немец и приехал из Мюнхена, хотя ни разу до сих пор его не видал. Когда новый посетитель входил в погребок, мюнхенец в упор глядел на него, энергично приглаживая волосы к правому уху правой рукой. Конечно, никто не обращал на это внимания. В самом деле, что такого особенного, если человек приглаживает волосы? Между тем это был условный знак.

Вот вошел матрос, крепкий, невысокий, коричневатый от морского загара. С порога оглядел людей, заметил человека, приглаживающего волосы, направился к нему. Сел за столик, нащупал ногой чемодан.

— Дьявольский ветер.

— Не беда, если попутный,— ответил немец из Мюнхена.

— Угадал, братишка, попутный.

Это был пароль. После пароля они сразу почувствовали друг друга товарищами. У них было общее опасное дело, для которого они и сошлись в пивном погребе.

Скоро они покончили с пивом, поднялись и вышли из пивной. Теперь не приезжий нес чемодан, а матрос. Никто не заметил перемены. Кому какое дело? Идут два приятеля, о чем-то толкуют. На перекрестке попрощались. И немец из Мюнхена, засунув руки в карманы, довольный, что сделано дело, посвистывая, направился к поезду, обратно, домой.

А чемодан поехал через Балтийское море на пароходе «Святая Маргарита» в шведскую столицу Стокгольм.

К ночи разревелись ветер, забушевали волны, налетел страшный шторм. Буря трепала «Святую Маргариту», обшивку бортов трещала, гнулась мачта, волны окатывали палубу, темь была на море, хоть выколи глаз.

В Стокгольм опоздали на шесть часов. Наверное, финское судно «Суоми» давно на пути в Гельсингфорс. По расписанию уже часа четыре в пути. А матросу как раз «Суоми» и надо.

«Не поспел! — с досадой думал матрос. — Как теперь быть? Подвел шторм проклятый!»

Вдруг он увидел «Суоми». Финское судно стояло в Стокгольмском порту и разводило пары. Должно быть, шторм его задержал, и только теперь оно собиралось отчаливать. А «Святая Маргарита» почти рядом причаливала. К счастью, наш матрос сменился с вахты. Тут же схватил чемодан и опростелеть на берег. «Суоми» близко, но «Суоми» отходит.

— Тихий вперед! — скомандовал капитан.

Закипела под винтом вода. Тронулся пароход. Поздно.

— Господин помощник капитана! — кричал матрос, таща чемодан. — Вам посылка из Кенигсберга от тетушки.

Матрос запыхался от бега. Чемодан был тяжелый. А «Суоми» уходит. Напрасны усилия.

Но нет, не напрасны. Случилось чудо. Капитан услышал и...

— Тихий задний, — раздалась на «Суоми» команда. — Стоп. Спускай трап.

— Господин помощник капитана, — во все горло кричал матрос, — вам теплые фуфайки тетушка посылает! Да новый костюм!

В кучке людей, стоявших у причала, послышался смех. Все почему-то были довольны, что «Суоми» вернулась за посылкой для помощника капитана. А он, молодой, с розовыми щеками, подхватил чемодан, благодарно махнул матросу и потащил посылку в каюту. Запер каюту на ключ. Ключ спрятал в карман.

— Показывайте новые наряды, тетушкин баловень, — пошутил капитан, когда вышли в море.

— Боюсь, они старомодны, как сама моя тетушка, — отшутился помощник.

И чемодан продолжал долгий путь.

В финском городе Гельсингфорсе шел дождь. Проливной. Из водосточных труб с крыши хлестала вода. Бурные потоки неслись вдоль тротуаров. Крупными пузырями надувались лужи, предвещающая ненастье. Люди попрятались по домам. Улицы были пустынные.

Помощник капитана с парохода «Суоми», в черном плаще, торопливо шагал по направлению к конке. Он был озабочен. Что за ливень! Не промок бы чемодан под таким ливнем. Настоящий потоп. Даже для дождливой Финляндии слишком. Помощник капитана поглядывал по сторо-

У нас есть газета, наша, рабочая, революционная газета! Лети же наша газета на родину!

нам, ища того рабочего, который должен был встречать его у остановки. Но «Суоми» опоздала на несколько часов. И этот потоп! Улицы пусты. Неужели рабочий из Питера не дождался? Ах, какая забота! Вон и конка... А питерца нет. Но в эту минуту из-под арки дома напротив вынырнул человек лет сорока, с бородкой и прямыми, как стрелки, усами. Это был петербуржец.

— Чертовски не повезло, — проворчал он. — Пять часов болтаюсь здесь под дождем. Весь иззяб...

— Шторм задержал. С каким поездом едете? — спросил помощник капитана.

Питерец сказал.

— Зер гут, немедля извещу телеграммой.

Рабочий кивнул, подхватил чемодан и взобрался на подошедшую конку.

Через несколько часов чемодан ехал

поездом по Финляндской железной дороге в Петербург.

Поезд шел мимо голых весенних полей. Мимо мокрых деревенок и нарядных, еще заколоченных дач. Питерец хорошо знал эти места и в окно не глядел. Читал газету, ждал Белоостров. От станции Белоостров начиналась Россия. Там всегда бывал таможенный осмотр.

В вагоне появился чиновник:

— Пра-ашу открыть чемоданы.

Питерец не спеша открыл. Пара белья, старенький клетчатый плед, коробка дешевых конфет. А фуфайки, о которых кричал кенигсбергский матрос? Фуфаек не было. Впрочем, чиновник о фуфайках не слышал. Постучал по стенкам чемодана, ничего не нашел подозрительного.

В тот же день рабочий был в Петербурге и поднимался по лестнице на второй этаж каменного, украшенного скульптурами дома на Васильевском острове. Над дверью медная дощечка: «Зубной врач...» Приезжий позвонил: два долгих звонка, третий короткий. Это значило: не пугайтесь, пришел свой человек.

Дело в том, что здесь была явка. Так называлась квартира для тайных встреч революционеров.

В зубном кабинете рабочего дожидалась девушка.

— Давайте, — сказала она.

И взялась за чемодан. Чего только он, бедняга, не натерпелся в дороге! Были и шторм, и ливень, и обыск.

Девушка живо выкинула из чемодана клетчатый плед и другие вещички. И что это? Приезжий хитрым движением нажал на дно. Дно открылось, как крышка. Чемодан был с двойным дном. Плотно, плотно, битком там были набиты газеты. Девушка взяла одну. «Искра»!

Так вот что с таким трудом, в такой тайне везли из Мюнхена разные люди! Через Кенигсберг, Стокгольм, Гельсингфорс в Петербург...

Девушка принялась перекладывать газеты из чемодана в деревянную коробку для шляп. Тогда дамы носили большие, широченные шляпы. И коробка для шляп была преболюющей! Девушка полным-полно напихала в нее газет, перевязала ремнями. Подняла: тяжело.

— Ничего, донесу.

И понесла рабочим, в рабочие кружки, на окраины Питера. Она была агентом «Искры». Во всех больших городах России тайно работали агенты «Искры».

«Искру» везли по морям. Везли на поездах. Тайно переправляли в разных местах через границу.

«Искра» раскрывала рабочим и крестьянам глаза на их жизнь.

«Искра» учила:

— Боритесь с царизмом! Боритесь с хозяевами!

«Искра» звала к созданию партии. Звала к революции.

Поднималось в России могучее рабочее движение, разбуженное «Искрой».

Во главе всего этого движения, руководителем его, руководителем и редактором «Искры» был Владимир Ильич.

Много писем получал Владимир Ильич из России от рабочих и агентов «Искры»! Сотни шифрованных писем шли из России. Шли из России с заводов и фабрик статьи и заметки. Владимир Ильич печатал их в «Искре». Писал рабочим из России ответы. Писал статьи для «Искры». Писал книги о политике и революционной борьбе.

Свои статьи и книги с декабря 1901 года Владимир Ильич стал подписывать: Ленин. Почему Владимир Ильич взял такую фамилию? Может быть, вспомнил Сибирь, ссылку и назвался именем суровой и мощной сибирской реки? Может быть.

Появилось новое имя: Ленин. Великое имя. О нем узнает весь мир.

Большевики

В горной Швейцарии, у берегов синего-синего Женевского озера, раскинулся красивый город Женева. В предместье Женевы, неподалеку от озера, в рабочем поселке Сешерон, был один дом. Двухэтажный, но совсем небольшой. Как у всех домов, черепичная крыша. На окнах голубые ставни. Под окнами садик, крошечный, а все-таки зелень. Птицы щебечут в ветвях.

В домике жили Ильичи. Так ласково называли товарищи Владимира Ильича с Надеждой Константиновной.

Сначала Ильичи жили в Мюнхене. Мюнхенская полиция пронюхала про «Искру», пришлось уезжать. Перебрались в столицу Англии Лондон, на много верст раскинувшийся город, дождливый, туманный. Целый год выпускали в Лондоне «Искру». И там стало опасно. Надо новое искать для «Искры» пристанище. Так Ильичи очутились в Женеве, в рабочем поселке Сешерон.

— Отлично! — сказал Владимир Ильич, в минуту обежав весь двухэтажный домик: внизу довольно просторная кухня, узкая лесенка вела наверх, там крохотные комнатки, но светлые.

— Отлично. Тихо. Спокойно будет работать.

Работы у Владимира Ильича уйма, но тишина скоро кончилась. Жители поселка заметили: к русским и вообще-то приходило много людей, а в июле 1903 года по-

сетителям вовсе не стало конца. Люди приезжали по одному, по двое, по трое. Нездешние люди, это нетрудно было понять: от местных отличались и одеждой и речью. Речь была русская. Приезжали русские люди. Видно, в Женеву они попадали впервые, все было им вновь. Солнечное небо им нравилось, и веселенькие ставни у окон, и цветы в палисадниках.

Может быть, жители поселка Сешерон удивлялись, что так много понаехало летом 1903 года русских в Женеву. Никто, конечно, не знал, что это из разных местностей России съезжались делегаты II съезда партии. Все непременно заходили к Ильичам, а некоторые — так прямо с поезда к ним, в Сешерон. На кухне у Ильичей с утра до ночи кипел и фырчал эмалированный чайник. Со стола не убиралась посуда. Каждого встречали приветом и горячим чаем с мягкой булкой. Ведь некоторые делегаты в России жили в ссылке. Смелчаки! Выбрали их делегатами, так они из ссылки бежали на съезд партии.

У иных на еду даже не было денег. Но все полны были жизни и веры. Все были веселы.

Иногда вечерами соседи Ильичей при- молкали, слушая пение, доносившееся из домика русских, где в эти дни так много толпилось приезжих. Удивительное пение, такого еще не слыхивали в рабочем поселке Сешерон. Широкое, вольное, то заунывное, трогательное душу печалью, то захватывающее и удалое.

— Видно, хорошие люди эти русские. Только хорошие люди могут петь так задушевно! — говорили соседи.

Делегаты приезжали к Ленину поговорить о вопросах съезда, поделиться мыслями. Делегаты знали: он больше всех подготавливал съезд. Владимира Ильича очень ценили и уважали все делегаты. Ведь это он писал в «Искру» так много статей. Это он написал замечательную книгу «Что делать?» о строительстве партии. Подготавливал для партии устав и боевую программу.

«Мы хотим добиться нового, лучшего устройства общества, — объяснял Ленин, — в этом новом, лучшем обществе не должно быть ни богатых, ни бедных, все должны принимать участие в работе...»

Много Владимир Ильич над этим трудился. Еще в ссылке программу обдумывал, не оставлял о ней мыслей до самого съезда.

И хотел договориться на съезде, как правильно бороться за новое общество. Как к нему скорее прийти.

Из Женевы делегаты поехали в столицу

«Искру» везли по морям. Везли на поездах...

Бельгии Брюссель. В Брюсселе открылся II съезд. Не в просторном, светлом зале проходил съезд, как теперь бывает у нас. Нет, никакого не было зала, а был огромный мучной склад, неуютный и темный. Пахло сыростью. Ночью, наверное, в темноте бегали крысы.

Склад проветрили, подмели. Сколотили деревянную трибуну. Большое окно завесили красной материей. Поставили лавки. И делегаты заняли места. На трибуну поднялся Плеханов. Плеханов был первым русским марксистом. Он был ученым, написал много книг, объясняющих революционное учение Маркса.

Плеханов торжественно открыл II съезд партии, сказал хорошую речь.

Все слушали с замиранием сердца. Как волновался Владимир Ильич! Весь даже побледнел. Только ярко горели глаза. Давно мечтал он о партийном съезде, о восстановлении партии. Наконец-то сбылось!

Началась работа съезда. И почти с первых же дней началась на съезде борьба.

Что же это была за борьба? Кто против кого боролся?

Дело в том, что были делегаты, которые не соглашались с боевой программой Ленина.

Слишком она казалась им новой и смелой. Новизна их пугала. И вот эти делегаты стали спорить с Лениным. Но Ленин был прав и так страстно и горячо защищал свою правоту, что большинство делегатов с ним соглашалось. На съезде обсуждали программу и устав партии, выборы в Центральный Комитет и редакцию газеты «Искра», и по всем этим вопросам разгоралась борьба. Ленин сделал на съезде доклад, очень ясный и убедительный, все слушали с необыкновенным вниманием. На съезде было тридцать семь заседаний, Ленин выступил сто двадцать раз с речами и репликами. Захватываяще он говорил! Большинство делегатов было за Ленина. Их стали называть большевиками. Кто за рабочую революцию, за счастье народа, за ленинскую программу, за Ленина, тот большевик. А тех, кто на II съезде откололся от Ленина, называли меньшевиками, их было меньше. Меньшевики отошли от революционной борьбы. Большевики, напротив, теснее собрались вокруг Ленина.

Съезд работал, заседания шли одно за другим, а возле мучного склада стали появляться подозрительные личности. Шныряли, подсматривали. Оказывается, бельгийская полиция распознала, что съехались русские революционеры, целую толпу шпикив подослала следить. Надвигалась опасность. Пришлось всему съезду перекочевать в новое место. Переехали в Лондон. Там продолжалась работа. Потом съезд закрылся. Ленин победил. Больше-

вики были с ним, неустрашимые и пламенные помощники Ленина!

...В Лондоне часты дожди. И тогда долго сеял меленький дождичек, лондонцы ходили под большими зонтами. Прямо-таки запружены были улицы зонтиками. Вдруг прилетит ветер с Ламанша, разметет в небе плотные тучи, блеснет голубизна. И засветит солнце. И снова дождь.

— Товарищи! — сказал Ленин в один такой сырой день после съезда. — Двадцать лет назад здесь, в Лондоне, умер Карл Маркс. Поедем поклониться могиле великого Маркса.

— Поедем, — согласились большевики.

И они отправились все вместе на кладбище. Это кладбище было в парке, расположенном в северной части Лондона, на высоком холме. С холма далеко виден был Лондон. Небольшие, темные от копоти здания, темные крыши, дымные трубы заводов.

На могиле Маркса лежала плита из белого мрамора, словно в раме из ярко-зеленой травы. Куст роз был в изголовье. Лепестки печально поникли. Сеял дождь.

— Товарищи, — сказал Ленин, сняв шляпу. — Великий Маркс — наш учитель. Поклянемся над могилой Маркса, что будем верны его учению.

И добавил:

— Никогда не оставим борьбы. Вперед, товарищи. Только вперед.

Злодейство

В Петербурге, на Путиловском заводе, уволили троих рабочих. Ни за что. Не понравились мастеру — и все тут, уволены. Буря поднялась на заводе.

— Нет у нас прав. Давайте нам права. Долой мастеров-живодеров! — требовали путиловцы.

Вспыхнула стачка. Все путиловцы, все до единого, отказались работать. Завод встал. В тот же день остановились еще два завода. А через день бастовало уже 360 заводов и фабрик. Замолкли фабричные трубы. Затихли станки. Петербург оцепенел, притаился. Все ждали, что будет.

В воскресенье 9 января 1905 года тысячи рабочих вышли на улицы.

— Идем к царю милости просить, — говорили рабочие. — Царь-батюшка, заступись за правду, не дай пропасть с голоду.

Большевики отговаривали: не ходите, не послушает вас царь.

Рабочие шли: царь не знает, как бедует народ. Узнает — так вступится. Припугнет лихих мастеров и хозяев. А то уж совсем житья не стало рабочим.

Рабочие несли царю петицию со своими просьбами и требованиями. Утром в воскресенье со всех концов Петербурга двигались, двигались, двигались к Зимнему дворцу рабочие шествия. Текли вдоль улиц, выливались на площади. Качались над головами церковные хоругви, поблескивая золоченым шитьем. Плыли на вышитых полотенцах иконы. Шли и дети и женщины. С верой, мольбой.

Но что это? На перекрестках построены отряды солдат. Ружья у ноги. Офицеры перед строем в белых перчатках.

Велась в это время на Дальнем Востоке война. На суше и на море жестокие бои были. Почти год назад напали на Россию японцы. Русские генералы оказались совсем не готовы. Русские войска терпели изодня в день поражения. Тысячи солдат погибали неизвестно за что где-то далеко-далеко...

А здесь, в Питере, царские офицеры против своих безоружных рабочих вывели солдат. Расставили по всей столице. Зачем?

— Для порядку, — объяснял один рабочий, держа у груди икону пресвятой божьей матери. — Толчеи, стало быть, опасаются.

Рабочий этот вышел на улицы вместе с женой. Огромные, как черные ямы, глаза мрачно блестели на ее истомленном лице.

— Воротилась бы домой, — поглядев на жену, сказал рабочий. — Лица нет на тебе. Ребятишки одни в каморе заперты. Не сотворили бы чего... Вернись, Татьяна, домой.

— Нет, нет! — иступленно заговорила она. — Выйдет к народу царь, кинусь в ноги. Умолю, упрошу. Царь-батюшка, пожалей ребятишек! Сердце-то царское и смягчает. У самого, чай, дети.

Каменная громада Зимнего дворца неприступно высилась в глубине площади. Сотни окон немо глядели. Снег перед дворцом был нетоптанный, белый. Плотная цепь солдат с угрюмыми лицами охраняла дворец. При виде толпы офицер поднял руку в перчатке. Ружья вскинулись к плечу.

— Братцы, не страшайте, солдатики! — закричали рабочие. — Свои ведь идем. С добрым словом к царю.

— Неужто он один в таком дворце агромадном живет? — изумлялась Татьяна, дивясь величественному, как крепость, дворцу.

— Стой! Не ходи дальше! — прокричал офицер. — Нельзя. Не смей дальше!

Рабочие смешались. На минуту произо-

«Искру» тайно переправляли через границу...

шла заминка. Но задние, не видя солдат, напирали. — Боже, царя храни! — разносилось по площади. Рабочие в передних рядах подняли белые платки и махали ими.

— Мы мирные! Царю просьбу несем! — кричали рабочие и шли, с хоругвями, иконами, белыми платками.

— Пли! — приказал офицер.

Раздался сухой треск. Непонятный, негромкий. Вспышка. Человек двадцать из толпы рабочих рухнули наземь.

Татьяна охнула, схватилась за мужа и медленно сползла к его ногам.

— Татьяна... — не веря, крикнул он.

Алое, яркое пятно расплывалось по снегу. Она лежала на боку, уткнувшись в снег мертвым лицом.

— Пли! — повторилась команда.

Вспышка. Сухой треск.

— Пли! Пли! Пли!

— Убили нас! — страшно охнул рабочий. Дикими глазами, не веря, он глядел на жену. Обезумел. Замахнулся иконой, швырнул в солдат, кинулся пулям навстречу.

— Злодеи! Проклятые... Ребятишки-то. Трое. В каморе запертые...

Люди бежали с площади. Прятались в подъездах домов. Падали. Снежная площадь перед Зимним дворцом покрылась телами убитых. Выскакал конный отряд с пашками наголо.

— Братцы! Пропали! — висел над толпой страшный вопль.

— Проклятые, проклятые!

— Вот он, ваш царь! — яростно агитировал молодой большевик. — Вот в кого вы верили. В зверя жестокого верили!

Рабочие поняли. Царь их расстрелял. Навсегда была расстреляна народная вера в царя.

В это кровавое воскресенье 9 января 1905 года было убито в Петербурге больше тысячи рабочих. Пять тысяч ранено.

К вечеру на петербургских улицах валились фонарные столбы, строились баррикады. Рабочие поднимались против царской власти на бой.

На окраине Женевы, вблизи реки Арв, была улица Каруж. Русские эмигранты называли ее Каружкой. На Каружке преимущественно они и селились. Здесь была столовая мужа и жены Лепешинских, товарищей Владимира Ильича по сибирской ссылке. Столовую Лепешинских знали все эмигранты, русские и заграничные. Просторная комната на первом этаже, две витрины вместо окон. Длинные дощатые столы, очень чистые. И пианино. Это была не только столовая, а вроде бы клуб большевиков. Здесь читали лекции, играли в шахматы, обсуждали политику.

Когда телеграф принес в Женеву весть о кровавом воскресенье, все эмигранты

без зова собрались в столовой Лепешинских. Говорили мало. Было тихо. Лица были серьезны и строги. Большевики понимали: в России начиналось большое, небывалое.

«Домой, домой, на родину!» — думал Владимир Ильич.

Чей-то голос скорбно запел:

— Вы жертвою пали в борьбе роковой.

Все поднялись и подхватили:

Любви беззаветной к народу.

Вы отдали все, что могли за него,
За жизнь его, честь и свободу.

У многих на глазах были слезы.

— В России революция, — сказал Владимир Ильич.

Впервые прозвучало это великое слово: революция.

В тот же вечер Ленин написал призывную статью для газеты «Вперед». Это была новая газета большевиков. «Искра» попала в руки меньшевиков. А у большевиков стала газета «Вперед».

Ленин писал: «Начинается восстание. Сила против силы. Кипит уличный бой, воздвигаются баррикады, трещат залпы и грохочут пушки. Льются ручьи крови, разгорается гражданская война за свободу...

Да здравствует революция!

Да здравствует восставший пролетариат!»

Красный флаг в море

Однажды к концу лета у двери женевской квартиры Ульяновых зазвенел колокольчик.

— Володя, к тебе, — сказала Надежда Константиновна, впуская в дом незнакомого молодого человека.

У него было круглое, очень открытое мальчишеское лицо. Ясные, светлые глаза любопытно и чуть удивленно глядели из-под черных бровей.

— Проходите, очень рады вам, — сказала Надежда Константиновна.

Экий славный паренек. Так на лице и написано, что прямой да хороший. Должно быть, приезжий.

В России шли непрерывные забастовки и стачки, к Владимиру Ильичу часто приезжали с родины большевики за советом.

Молодой человек вошел вслед за Надеждой Константиновной к Ленину. Вытянулся у порога, слегка выкатив грудь, — чувствовалась военная выправка.

— Откуда вы? — улыбнулся Владимир Ильич.

— Матрос Афанасий Матюшенко с бро-

неносца «Потемкин», — отпрапортовал незнакомец. И стоял, как на службе, руки по швам.

Владимир Ильич стремительно к нему шагнул. Схватил руку. Пожал.

— Руководитель команды революционного броненосца «Потемкин»! Надюша, взгляни, какой молодой...

Через полчаса кипел на спиртовке эмалированный чайник. На столе высились горка ломтей пышного хлеба. Аппетитно желтело свежее масло в масленке.

— Ну, рассказывайте, милый Матюшенко, пожалуйста! — нетерпеливо сказал Владимир Ильич, когда тот умял несколько ломтей ситного с чаем.

И матрос Афанасий Матюшенко рассказал историю эскадренного броненосца «Потемкин».

Это был недавно отстроенный самый мощный военный корабль. Он стоял в Севастополе. Какие огромные орудия и пушки были на нем! Семьсот сорок матросов составляли команду.

В России бушевали восстания. В деревне крестьяне бунтовали против помещиков. Не утихала русско-японская война. Японцы побеждали, страшные потери несли русские войска. Погибла целая наша эскадра в Цусимском проливе. Все было гнило и плохо у царских правителей. Народ презирал и ненавидел царя Николая Второго, кровавого.

Командир броненосца, лютый и безжалостный человек, боялся, как бы революционный дух не проник на броненосец «Потемкин», и увел броненосец из Севастополя на военные учения в море. Подальше от родных берегов, от рабочих забастовок и стачек.

Рано утром в открытом море матросы поднялись по сигналу. Назначены были наряды. Большой группе матросов велели мыть палубу.

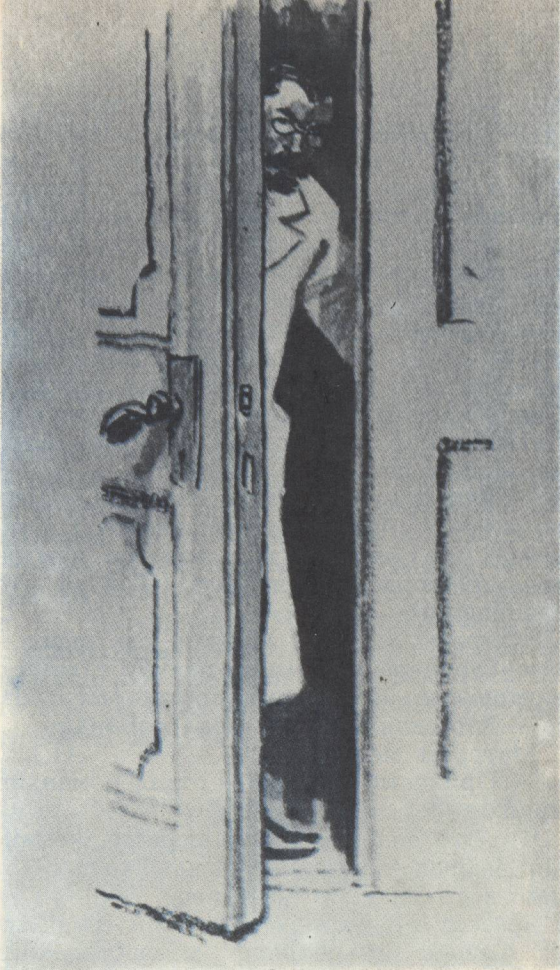
Ветер доносил какой-то противный запах с верхней палубы. Матросы-мойщики пошли туда. И что же? Там на крюках было подвешено мясо. Жирные белые черви ползали в нем, копошились, червей было так много, что казалось, мясо шевелится. Матросам стало мерзко от этого зрелища.

— Вот чем хотят нас кормить!

— Не будем есть червей, пусть офицеры сами лопают!

— Так офицеры и станут. У них свой харч, офицерский.

Подошло время обеда. Дали сигнал. Матросы спустились в камбуз. Кок совсем было собрался раздавать борщ, а в нем черви.

Девушка понесла «Искру» в рабочие кружки.

— Не будем есть, — отказались матросы. Настала тишина. Что-то страшное было в ней. Кок испугался. Позвал офицера. Офицер прибежал, набросился на команду с бранью и... осекся. Увидел бледные, суровые лица. Офицер пошел к командиру с докладом. Скоро послышалась барабанная дробь, барабанщик играл сбор. Матросы сбегались на верхнюю палубу, выстроились по бортам броненосца, застыли. Синее море было вокруг, лучезарное небо. Невысокие волны ходили по морю. Стая дельфинов резвилась в волнах.

— Бунтовщики! — топя сапогами, орал командир. — Черви им привиделись! Бунтовать вздумали? Я вам покажу, как на военном корабле бунтовать! Говори, кто зачинщики?

Матросы молчали. Стояли как вкопанные. Офицеры вывели на палубу караул с винтовками. Выстроили против матросов.

— Кто зачинщики? — орал командир.

Матросы молчали.

— Принести брезент! — отдал командир приказание.

Что это значило? Это значило, командир выбрал жертвы на казнь. Ткнет пальцем: вы зачинщики. И конец.

Брезент принесли, раскатали на палубе. Сейчас им накроют матросов. Кого накроют, — под расстрел без суда.

Все замерли. Сейчас, сейчас смерть... Спасения нет. А вокруг синее море, небо, полное горячего света, веет вольный ветер.

Вдруг один круглолицый, ясноглазый матрос выскочил из строя.

— Братцы! Доколе будем терпеть? Издеваются над нами. К оружию, братцы!

И кинулся за ружьем в батареи. Это был Афанасий Матюшенко. «Неугомонной душой» называли его товарищи.

— Долой командира-дракона! — призывал Матюшенко. — Долой царя! Да здравствует свобода, товарищи!

Строй сломался, тишина сломалась. Матросы расхватывали винтовки.

Старший офицер отступил за башню, в упор прицелился, спустил курок револьвера. Насмерть раненный, рухнул матрос, вожак команды, революционер, большевик, стойкий, смелый товарищ Вакулинчук.

— Вот вы как? Получайте же! — бешено закричал Матюшенко и наповал убил офицера.

Ярость обуяла команду. Еще нескольких, особенно ненавистных офицеров застрелили и выкинули в море. Командир-дракон спрятался. Матросы нашли его, выволокли из каюты — и туда же, за борт.

И броненосец «Потемкин» свободен. Броненосец «Потемкин» во власти команды.

А дальше что? Кому управлять кораблем? Куда идти кораблю?

Выбрали судовую комиссию, главным Афанасия Матюшенко. Идти решили в Одессу. И на мачту, где до того дня висел царский флаг, подняли свой, революционный. Это было 14 июня 1905 года.

Броненосец «Потемкин» на всех парах шел под красным флагом в Одессу. Флаг полоскался на ветру. Горел, как огонь. Светил, как маяк. Звал и вел матросов на борьбу за свободу.

Пришли к Одессе, стали на рейд. Спустилась ночь. Прожекторы броненосца щупали тьму. Слепящие пучки света обшаривали Черное море и затаившиеся ночные улицы города. Дула орудий нацелились на Одессу. А там полыхали рабочие стачки, там рабочие, все, все бастовали против хозяев. Что бы броненосцу «Потемкину» сразу, без промедлений выступить на помощь рабочим! Дать орудийные залпы, разбить дворцы вельмож и начальников. Но вожак команды, большевик, раненный офицером, скончался. А остальные были так молоды и неопытны!

Между тем царь слал из Петербурга в Севастополь приказы командующему Черноморским флотом:

— Немедля подавить восстание!

Всю севастопольскую эскадру двинули в Одессу против мятежного броненосца «Потемкин».

И вот на четвертый день утром часовые «Потемкина» увидели на горизонте мачты и трубы. Один корабль, второй, третий. А за ним еще корабли двигались на окружение броненосца «Потемкин». Тринадцать против одного.

На «Потемкине» сыграли боевую тревогу. Матросы заняли места на постах. Что будет?

Броненосец молча пошел навстречу эскадре. В гробовой тишине, только медленно поворачивая башни, нацеливая дула орудий. Сигнальщик по приказу Матюшенко сигнализировал:

«Команда «Потемкина» просит командиров не стрелять».

И вдруг тысячное ура разнеслось над морем со всех тринадцати кораблей, приведенных усмирять броненосец «Потемкин». С одного корабля просигналили: «Присоединяемся к вам».

И корабль понесся, как птица, на сближение с «Потемкиным».

— Ура! — неслось и гремело над морем.

Начальник эскадры испугался: вдруг взбунтуются все? И отдал приказ:

— Эскадре уходить в Севастополь.

Теперь два мятежных корабля под красными флагами стояли у тревожных берегов Одессы. Стояли и... не брали Одессу. Ждали чего-то. Колебались. Не знали, как поступить.

А на «Потемкине» шло к концу топливо.

Была на исходе пресная вода. Скоро станут машины. Матросы волновались. Надо действовать. Как?

Соседнему кораблю ненадолго хватило мужества. Скорбно пополз вниз по мачте красный флаг революции. Корабль сдался властям.

Потемкинцы снялись с якоря и ушли из Одессы в открытое море.

А в это время посланный Лениным его товарищ, большевик, спешил из Женевы на помощь восставшим потемкинцам. Ленин наказывал: «Убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтоб немедленно был сделан десант... Город надо захватить в наши руки...»

Товарищ Ленина приехал в Одессу, а красного флага на рейде нет. Красный флаг далеко.

Совсем мало на броненосце оставалось пресной воды. Скорее, скорее надо найти выход. Пришли в Феодосию.

— Дайте воды.

Власти отказали:

— Не желаем снабжать бунтовщиков.

Снова красный флаг в море. Непобежденный и неприютный. Непокорно было на корабле, неуверенно. Дни и ночи Матюшенко не спал. Где выход?

На одиннадцатый день вечером броненосец стал на рейд в румынском порту. Чужие берега, чужие дома, чужие огни.

— Дайте воды.

Румынские власти не дали. Нет больше сил у броненосца «Потемкин». Нет воды, нет угля, нет хлеба.

Румынское правительство предложило:

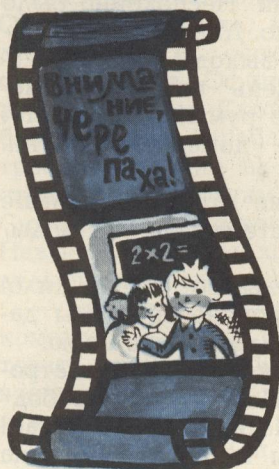
— Сдавайте нам броненосец, а мы дадим вам приют. Не выдадим вас царю.

И наступила последняя ночь для матросов на броненосце «Потемкин». Свободный броненосец «Потемкин», прощай! Одиннадцать дней ты навел трепет на генералов и офицеров, на царя и всех богатеев. Ты верен был революционному знамени. Слава тебе!

«Искра» звала к созданию партии,
звала к революции.

СМОТРИТЕ
НЕ ПРОПУСТИТЕ

Завтрашняя афиша

Л. ГОЛУБКИНА

Фото П. БОБРОВА

Завтра прозвучит звонок к началу сеанса, завтра откроются двери, и ты войдешь в зрительный зал. А потом погаснет свет, и на экране задвигаются, заживут, заговорят совсем еще чужие и незнакомые тебе люди. Час сорок минут тебе предстоит пробыть рядом с ними, волноваться, радоваться, печалиться. И к концу сеанса тебе уже будет казаться, что ты знаешь их целую вечность. Одних полюбишь, других, может быть, возненавидишь. И все за час сорок минут. Оказывается, это очень много, ведь за такой срок можно прожить целую человеческую жизнь.

Но это будет завтра, потому что сегодня фильма, о котором я хочу рассказать, еще нет.

Он пока снимается, или, как говорят на студии, находится в производстве. И это точный термин, потому что студия — тот же завод, раньше даже говорили — «кинофабрика».

Вот об этом я и хочу тебе рассказать — о том, как делаются фильмы, которые ты увидишь на экране завтра, или послезавтра, или, скорее всего, через несколько месяцев.

Пойдем со мной по коридорам «Мосфильма» мимо бесконечных дверей с табличками. Вот одна из них. Забавно звучит, не правда ли: «Внимание, черепаха!». А рядом еще одна: «Режиссер-постановщик Р. Быков».

Тебе, конечно, знакомо это имя. Он один из самых популярных наших актеров и режиссеров, создатель фильмов «Пропало лето» и «Айболит-66».

Конечно, кто же, кроме него, сможет так смешно и весело рассказать «Очень интересную историю из жизни 1-го класса «Б», которую написали сценаристы Илья Нусинов и Семен Лунгин. Ведь Ролан Быков — в детском кино человек не случайный, он пришел в него из театра, который называ-

ется не как-нибудь, а Московский театр юного зрителя. А еще раньше, когда Ролан звали просто Ролка, он занимался в драмкружке при Дворце пионеров. Кстати, этот кружок дал нашему кино немало талантливых людей. Сегодня режиссер Ролан Антонович Быков ставит свой третий детский фильм.

Давай откроем эту дверь и заглянем внутрь. Что там происходит?

Маленькая, светлая комната завалена пестрыми, веселыми картинками. Это эскизы и раскадровки к фильму. На стульях, на диване — везде охапки желтых листьев. Они не настоящие, хотя выглядят совсем как живые. Они из пластика.

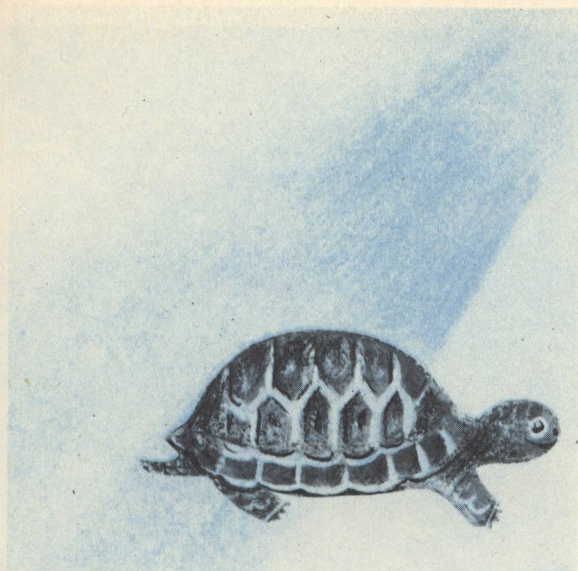
В углу у окна — письменный стол, на столе — телефон, а по телефону разговаривает не кто иной, как сам Ролан Быков, неутомимый выдумщик и даже немножко волшебник. Во всяком случае, ребята, которым доводилось с ним встречаться, в это верят. По телефону он говорит всегда, когда не работает. Поэтому подождем и продолжим осмотр комнаты.

На столе кипа фотографий и две игрушечные черепахи: одна резиновая, другая металлическая. На резиновой написано: «Внимание, Быков!».

Ролан кладет трубку и моментально включается в разговор:

«Это друзья острят. Ладно, пусть. Я люблю, когда смеются. Почему листья? У нас действие происходит в один осенний день. Но за один день фильм, как вы понимаете, не снимешь. Да и осень сама по себе коротка; начали снимать еще летом, вот и приходилось иногда прибегать к этим искусственным листьям, которые изготовлены по нашему заказу.

Кстати, задумывались ли вы когда-нибудь, как много событий может втиснуть в себе один только день? Я раньше как-то не думал об этом. Чем старше человек,

тем короче его день. Вот сейчас, кажется, только что встал, не успел оглянуться — уже вечер. А когда я был маленьким, день тянулся бесконечно. Наш фильм о маленьких детях — первоклассниках одной из московских школ. Поэтому день у них — ох, какой большой! Событий в нем много. И главное событие такое — Вова Васильев, он же Вася, он же Ёга, он же Фунтик, вынужден покинуть свой пост ответственно-

го за уголок живой природы, потому что его отправляют в больницу, вернее, кладут на исследование в Институт питания. Положить его, конечно, нужно потому, что он ничего не ест, даже от мороженого его мутит. Но без него все пошло прахом. Из живого уголка пропала черепаха. Ее похитили. Она переходила из рук в руки. А под конец чуть не погибла под танком.

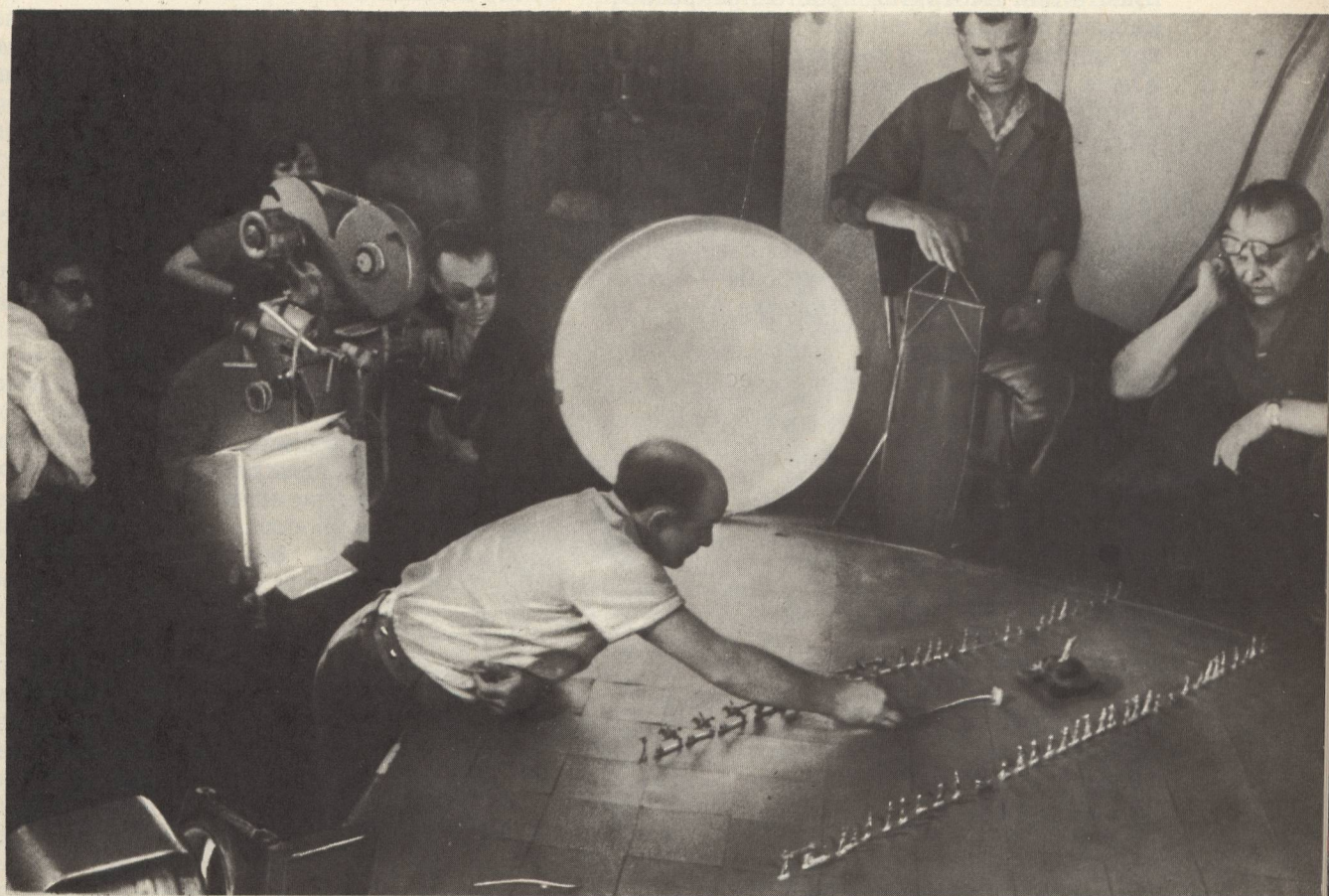
Откуда танк? Ну уж это я не буду вам рассказывать, а то смотреть будет неинтересно. В общем, черепаху спасли. И это самое главное. Потому что для меня это фильм о подвиге во имя добра. Мои маленькие герои совершают свои маленькие подвиги. Поверьте, это очень важно — спасти кого-нибудь. И еще главное (у меня очень много главного в этой картине), чтобы было много смешного. Я ведь, кажется, уже говорил, что люблю, когда смеются».

Ролан Быков мог бы рассказать нам еще много интересного, но ему очень некогда. Опять звонит телефон, входят люди с различными вопросами. И вообще ему пора в павильон.

Давай и мы пойдем следом за ним.

Если ты никогда не был в павильоне, те-

Больше всего хлопот было с артисткой-черепахой. Только любовь ее к желтым цветам и настойчивость режиссера могли заманить черепаху в кадр.

бя поразит сначала это огромное помещение, леса под потолком, на которых стоят осветительные приборы. А декорация, в которой снимает Быков, совсем небольшая — классная комната и коридор. Она построена на невысоком дощатом помосте — так удобнее снимать. Рядком стоят парты, за партами — дети. Все как на самом деле. Только на полу лежат рельсы, и по ним ездит тележка, на которой закреплена съемочная камера. И еще по

Девочки первого класса «Б» очень любили свою учительницу Анну Сергеевну.

классу расхаживает длинный, как журавль, оператор Анатолий Мукасей, специальным прибором проверяя освещенность. Вот он отозвал в сторону Ролана Быкова. Вместе они смотрятся просто прекрасно — невысокий Ролан достает ему только до груди. Режиссер и оператор совещаются. Юные актеры резвятся. Упал в проход портфель, с парты на парту плывет записка. Все как в настоящем классе.

— Тихо! — отрывается от беседы Быков. — Дайте с человеком поговорить.

На минуту становится тихо. А потом опять начинается. Быков вздыхает. Входят взрослые актеры. Бабушка Вовы — артистка Лилия Малкина, учительница Анна Сергеевна — Ирина Азер.

Начинается репетиция.

«Так, Лилия, — обращается Быков к Малкиной, — ты пойдешь к окну, скажешь: «Душно тут у вас» — дернешь за веревку. Веревка должна оборваться».

Для проверки он дергает за веревку сам. Веревка не обрывается. Дергает сильнее. Декорация шатается. Веревка не поддается. Подбегает постановщик, начинает возиться с проклятой веревкой. Ролан с Малкиной идут по классу, останавливаются около последней парты.

Бабушка Вовы Васильева — тренер, она в спортивном костюме — прямо со стадиона. И в класс она входит бодро, энергично, шумно. Заставляет ребят размяться, поприседать, побегать. Здесь у каждого юного актера своя задача.

— Вот ты, — говорит Ролан, обращаясь к маленькой девочке на последней парте, —

ты танцуй твист, бабушка посмотрит на тебя и тоже начнет танцевать.

— И я тоже умею твист, — высовывает ее сосед, исполняющий роль мальчика с вечно измазанным чернилами лицом.

— А ты сиди, до тебя очередь еще не дошла, — говорит Быков. — Ну, попробуем. Девочка танцует твист, Малкина тоже. Мальчик с измазанным лицом — тоже.

— Стоп, — говорит Ролан. — Я же тебе сказал: сиди. Что ты мешаешь?

— Я не мешаю, я твист танцую.

На помощь Быкову бросается второй режиссер, Лика Ароновна Авербах.

— Ты слушайся Ролана Антоновича, сиди тихо, дойдет до тебя очередь, тебе дадут задание.

Ролан дает команду: начали!

Танцует девочка, танцует Малкина, танцует мальчик. Полный скандал.

Мальчика пересаживают на другую парту. Но там уже сидят двое. И никто не хочет уходить. Сейчас начнутся слезы.

В это время постановщик дергает за веревку. Веревка обрывается. Фрамуга тоже. Грохот, крики. Ролан держится за сердце.

Вот так снимается один из эпизодов этого веселого фильма.

Но мы не будем спешить уходить. Мы еще увидим, как Быков репетирует с остальными ребятами. Он поразительно меняется сам. Он проигрывает все роли на наших глазах. То он тихий Ёга, то жеманная девочка Элла, то вредная Белла. И дети смотрят на него влюбленными глазами, повторяют каждое его движение и, навер-

но, вправду верят, что он немножко волшебник.

Я думаю, когда ты посмотришь фильм,

Познакомьтесь: это Ега, он же Фунтик, он же Вова Васильев.

ты тоже в это поверишь. И еще тебя ждет встреча с любимыми тобой актерами Юрием Никулиным, Фрунзиком Мкртчяном (грустный слуга из «Айболита») и Александром Смирновым (веселый слуга).

А на роль черепахи приглашено сразу несколько исполнительниц — воспитанница Московского зоопарка, как торжественно именует ее Быков, механическая и две электронные, сделанные по специальному заказу.

Действие фильма «Внимание, черепаха!» происходит в Москве, поэтому для того, чтобы отснять так называемые «натурные» объекты, не нужно далеко ехать. Утром

Если на черепаху поставить пушку, получится настоящая самоходка!..

съемочная группа загружается в автобусы и грузовики с маркой киностудии «Мосфильм», берет с собой огромные машины — тонваген (для записи звука) и лихтваген (передвижную электростанцию) — и отправляется в намеченный пункт.

Потом будут павильоны, потом монтажно-тонировочный период с бессонными ночами, с мучительной тревогой: получится — не получится? Ведь фильм, пока он снимается, постоянно меняется, складывается из множества эпизодов. И порой даже опытному режиссеру трудно оценить проделанную работу и быть уверенным в ее результате.

Но когда ты завтра придешь в зал, ты ничего этого не будешь знать. Для тебя будет важно только то, что ты увидишь на экране. И ты, конечно, будешь прав. Ведь это действительно самое важное. Пройдет время, забудутся все тревоги, и волнения, и бессонные ночи, и усталость. Останется только фильм. И все-таки мне хотелось бы, чтобы ты все это знал. Чтобы знал, как работают в кино люди, как они сегодня трудятся, чтобы доставить тебе замечательную радость встречи с новой картиной.

Когда ты посмотришь фильм, о котором я рассказывала, напиши нам, пожалуйста, в редакцию, как он тебе понравился и что ты о нем думаешь. Если у тебя будут вопросы, мы на них ответим. А если захочешь, устроим тебе на наших страницах встречу с его героями и создателями.

Не пропусти этой картины.

**«ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА
ВЕРНЫ!»**

Посылки друзьям

У нас очень много друзей за рубежом. Из их писем мы узнали, что все они готовятся к столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Мы решили помочь им. Клуб интернациональной дружбы превратился в штаб операции «Посылки друзьям», а участвовали в ней почти все ребята нашей школы.

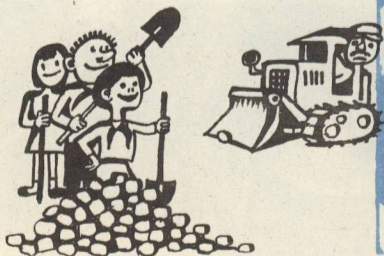
Мы собрали много книг о Владимире Ильиче Ленине. Разыскали диафильмы о Смольном, о Горках, о Шушенском, об Ульяновске, о Центральном музее В. И. Ленина в Москве. Купили пластинку с записью выступлений Владимира Ильича. В каждую посылку мы вложили еще значки с изображением Ленина, коллекции марок, наборы открыток и свои рассказы о местах, связанных с жизнью и деятельностью Ильича.

Посылки отправились в Берлин, Будапешт, Бухарест, Варшаву, Софию. Недавно пришли первые ответы от наших друзей. «Мы очень рады, что получили так много материалов для подготовки ко дню рождения Ленина,— пишут члены Клуба интернациональной дружбы из Берлина.—Сегодня мы собрались, чтобы слушать ваши пластинки. А в следующий раз посмотрим ваши диафильмы...»

«Мы очень обрадовались вашему письму и Ленинской посылке! — пишут друзья из Будапешта.— Мы начинаем готовиться и будем праздновать день рождения Ленина...»

Мы тоже рады: приятно помогать друзьям!

Таня НАЗАРОВА,
21-я средняя школа,
г. Москва.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Радиостанция «Здравствуй» просит тебя, наш читатель и друг, прислать **СРОЧНОЕ** сообщение. Как ты и твой отряд участвуете в экспедиции «Заветам Ленина верны!»?

Какое полезное, нужное всем дело ты совершил?

Чему научился? Кому помог?

Чем порадуешь ты своих старших товарищей — коммунистов и комсомольцев в юбилейном году?

На конверте не забудь пометить: **СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ.**

Радиостанция «Здравствуй» ждет твоих сигналов!

Кто эти веселые землекопы?

Это ленинградские «пионерстроители».

Что же они копают?

Похоже, что они вскопали всю свободную землю в городе Ленинграде. Все затоптанные бульвары. Все чахлые скверики. Все немощенные дворы. Они расчищают и перекапывают новые районы так стремительно, что строители едва успевают подхватить свои инструменты!

Дай им волю, они начали бы поднимать асфальт.

А на вскопанной земле ребята сажают тополя, липы и березы, сирень и акацию, незабудки и розы.

Они разбили сквер на Суворовском проспекте, они посадили деревьями набережную Невы, 7-ю и 10-ю Советские, они собираются устраивать большой розарий у Музея Ленина.

Компания, которую вы видите на снимке,— один из отрядов «Пионерстроя» Невского района. Взрослые отдали в их распоряжение большую территорию за Володарским мостом — бывшую Куракину дачу. За три года ребята превратили ее в зеленый парк, который имеет теперь полное право называться Пионерским. Вот и сейчас они прямо у всех на глазах в какие-нибудь полчаса разровняли площадку для цветника, что, по их подсчетам, составило бы рабочий день солидного бульдозера. Просто в ребятах очень

много энергии. Смотрите, это заметно даже на фотографии!

Летом в Пионерском парке началось строительство детского пла-

вательного бассейна. В этом участвуют все «пионерстроявцы» Невского района. Правда, некоторые работы будут все же выпол-

нены строительными организациями, но это не считается. Это просто в знак благодарности детям от «озелененных» взрослых.

Выбран новый совет отряда

Таня становится командиром

Друзья приходят на помощь

В прошлом году радиостанция «Здравствуй» передала письмо Тани Саввиной из деревни Мальжагар, Якутской АССР. Таню выбрали председателем совета дружины, и она просила ей помочь: «Я хочу, чтобы в этом году всем ребятам было интересно, но я не знаю, как это сделать, с чего начать».

Потом в «Пионер» пришло от Тани второе письмо. «Здравствуй, радиостанция «Здравствуй»!

Мне пишут очень многие ребята с разных сторон. И многие очень хорошие советы дают. Я сохранила все письма. А что же мне с ними делать, прислать

вам самые интересные, да? Может, они и другим ребятам помогут? Напишите».

Мы попросили Таню прислать нам самые интересные письма. Их оказалось пятьдесят шесть. Мы внимательно прочли все, и все они нам понравились.

Сейчас в отрядах идут выборы. Может быть, и ты станешь в этом году председателем совета дружины или совета отряда или звеньевым. Прислушайся к советам, которые дают Тане Саввиной ребята.

Вот некоторые из них.

Не задумывай дело одна, советуйся...

В прошлом году я тоже была председателем совета дружины. Когда меня выбрали, я боялась, что ничего у меня не получится. Но мне здорово помогли ребята, учителя, старшая вожатая. И я, знаешь, справилась!

Танюша, никогда не задумывай дело одна, всегда советуйся с ребятами. Все вместе вы даже привычную работу сумеете сделать увлекательной.

Вот, например, у нас в дружке собирать металлолом ребята не любили. Говорили: «Кому он нужен? Полежит, полежит — да его и выкинут!» А однажды мы сделали так. «Внимание! Внимание! — объявил школьный радиоузел. — Пионеры нашего города решили подарить стране тепловоз. Отряды, слушай приказ! Немедленно очистить город от железного лома! Горнист, играй сбор!» Поверь, Танюша, пришли все ребята! Да и не только пришли, а собрали столько металлолома, сколько не собирала еще ни одна школа в городе!

Сейчас я уже комсомолка и работаю в школьном комитете, но свою дружину не забываю. Помню, как мне все помогали, и сама стараюсь помочь новому председателю.

Меня тоже зовут Таня. Я учусь в восьмом классе. Мне четырнадцать лет.

Если у тебя что-то не будет клеиться, не стесняйся, пиши мне. Если сумею, всегда помогу. Мой адрес: Архангельская обл., г. Няндомы, ул. Ленина, д. 39, кв. 34, Сидоровой Тане.

Советую пойти в поход

Мы часто ходим в походы. Вам тоже советую пойти в поход, в походе мальчишки с девочками скорее подружатся: в походе все друг к другу относится хорошо.

Надя МЕДВЕДЕВА,
Омская область,
село Екатериновка.

Будь настоящим другом

Постарайся стать ребятам настоящим другом — отзывчивым, ну и, конечно, веселым. Главное, не командуй, не заставляй делать то, что только тебе одной хочется.

Люба ДЬЯЧКОВА,
Иркутская область,
пос. Миндей, 7.

Выставка мастеров

Я не председатель, я только редколлегия. Но недавно я узнала, что в нашей школе будет выставка мастеров. Каждый должен что-то сделать сам: вышить или там вырезать из дерева... А старшие, я слышала, берутся сделать макет доменной печи. Может быть, тебе это пригодится?

Оля ЗИНЕНКО,
г. Днепропетровск.

Главный секрет

Мы создаем музей пионерской и комсомольской славы.

Мы любим конкурсы на лучший рисунок, на лучшее исполнение песни.

Но главный секрет в том, что у нас все делают сами ребята.

Галя ЯГУДИНА,
Иркутская область,
село Нижнеилимск.

Новогодний фестиваль

Советую тебе к Новому году устроить фестиваль наших союзных республик. Начинать это надо уже сейчас. Пока вы сошьете себе национальные костюмы, подготовите рассказы о республиках, разучите песни и танцы — пройдет много времени.

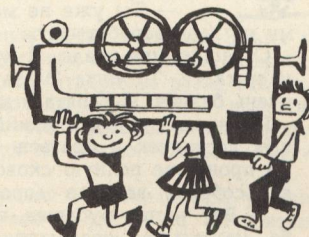
А я могу тебе прислать открытки с изображением национальных костюмов.

Люда АНДРЕЕВА,
Саратовская область,
село Владыкино.

Посмотри вокруг

Если хорошенько посмотреть вокруг, дел найдется много. Чтобы не скучно было зимой, займите каток. Устраивайте вечера, веселые КВН, олимпиады, соревнования всякие. А весной можно по всей деревне посадить алыни саженцев. За это вам люди спасибо скажут. А библиотека у вас хорошая? Помогайте собирать библиотеку.

Люба БАРАНОВА,
Рязанская область,
пос. Кадома.

Человек- Горошина и Простак

А. ШАРОВ

СКАЗКА

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

Глава первая

На все четыре стороны

В дальнюю дорогу

В тот год двадцать пятого июня мне исполнилось тринадцать лет. Тетушка Эльза разбудила меня рано утром и сказала: — Ты уже не маленький, пора тебе самому на хлеб зарабатывать.

Страшно мне стало. Я чуть было не заплакал, но удержался. Тетушка Эльза ведь не злая, а только очень бедная. И ребята у нее мал мала меньше.

Поднялся я и последний раз посмотрел на названных сестричек и братьев. Тетушка Эльза нажарила на прощание полную сковороду картошки и, пока я ел, собрала вещи в дорогу.

— Вот чистая рубашка, вот хлеб и сало. И вот тебе матушкино наследство: веревочка, которая не

рвется, уголек, который не гаснет, ключик, ножик и медный грошик.

Вывела она меня на тропинку, которая шла через бор в неизвестные края, и сунула в руки узелок с вещами.

— Иди на все четыре стороны. Хоть и ростом ты не вышел и смекалкой бог обделил, авось, найдешь свое счастье. Только смотри — никому не отдавай узелок!

Взглянул я на старый бревенчатый дом под соломенной крышей, где прожил десять лет с тех пор, как умерла матушка, и пошел лесной тропинкой.

Иду и думаю: не такой уж я бедняк. Есть у меня чистая рубашка, хлеб и сало. Есть веревочка, которая не рвется, уголек, который не гаснет, ключик, ножик и медный грошик. Только зачем мне матушка оставила ключ? Ведь дома у меня нет.

Чудесный узелок

Все гуще и темнее становился бор. Седые лишайники свисали со старых елей, колючие ветки переплелись — не проберешься. Устал я, совсем сбился

с дороги, когда услышал: кто-то идет по лесу, сучья трещат, и громко поет:

Турропуто...
Путо... турро...
Турропуто все открыто,
Для него все в мире ясно:
Добрый — глупый! Злому — счастье!
Турропуто...
Путо... Турро...
Турропуто все подвластно;
Волки злые...
Вьюги злые...
А живые огни лесные,
Что выводят на тропинку,
У которой нет начала,
А в конце —
Без дна трясина
И изба на курьих ножках!..

Как же я обрадовался человеческому голосу! Даже не успел подумать, что за песенка — странная, страшная, — и изо всех сил закричал:

— Аул.. Ау!..

В ту же секунду из-за деревьев вышла старушка

с клюкой, в белом платке. Нос красный, глаза круглые, как у совы. Но на это чего смотреть? Кто каким родился, таким тому и быть.

Старушка улыбнулась, приложила палец к губам и шепчет:

— Тс!.. Разве не слышишь, неподалеку бродит Колдун Турропуто? Счастье, что тебе встретилась такая удивительно, и поразительно, и ужасно добрая старушка. Уж я тебя выведу на тропинку, у которой нет начала, а в конце без дна трясина и изба на курьих... Тьфу ты, заболталась, старая... Уж я тебя выведу из лесу к теплому домику, накормлю вкусным ужином, уложу на мягкую периночку. Давай узелок, устал ведь, я вижу, и скорее из лесу, а то стемнеет!..

Я вспомнил прощальные слова тетушки Эльзы и хотел спрятать узелок за спину, но не успел. Старушка цап за узелок, но сразу отдернула руки, вскрикнула, заверещала, подскочила выше самой высокой сосны, закружилась так, что поднялся ветер, согнул деревья, а меня швырнул на землю, — завывла «ууу» и исчезла.

Встал я с земли и думаю: «Неужели мой уголек так жжется?» Притронулся к узелку, а он совсем холодный, только немного светится. И это очень

кстати: уже наступила ночь, ни звездочки на небе. Спросил бы я нашу школьную учительницу или тетушку Эльзу про узелок — что за чудо такое? Они ведь много чего знают! Но некого мне теперь спрашивать.

Свет все разгорался. Показалось, что совсем рядом кто-то прошел, будто пахнуло теплом, и синие-синие глаза взглянули на меня и улыбнулись.

Чего не примерещится ночью в темном бору!

Почудилось, что тихий серебристый голос шепчет: «Матушкин уголек заветный светит только добрым людям. Злому человеку светят окна ведьминой избушки».

Я взглянул и увидел тропинку. Шел по ней, пока не выбрался на опушку, в поле. Поел хлеба с салом, зарылся в стог, подложил под голову узелок и заснул.

А утром вижу — близко, за полем, город.

Принцесса и голубь

Впервые в жизни я попал в город. Тут столько магазинов и мастерских, столько мороженщиков, которые катят тележки, во весь голос нахваливая свой товар, столько нарядных прохожих, что даже закружилась голова.

Уж как тут не найти счастья!

Но у кого я ни просил работы, все гнали меня — и мороженщик, и сапожник, и повар.

Стою я у портняжной мастерской и думаю: «Ничего не поделаешь, если родился невезучим».

А тут вдруг сам Портняжный Мастер распахнул дверь и поманил меня. Лицо у него важное, нос красный, только что не загорится, глаза круглые и желтые, как у совы.

— Сшей, — говорит, — эти два куска материи — синий и желтый, да так, чтобы двадцать стежков белыми нитками и десять черными. Сумеешь — быть тебе портняжным подмастерьем. Давай узелок, чтобы не мешался, и за дело.

Но я, конечно, узелка не отдал.

До чего же славно сидеть на высоком столе у светлой витрины и орудовать острой иглой, поглядывая на прохожих!

Я очень старался и сделал двадцать отличных стежков белыми нитками, а потом — семь стежков черными нитками...

Но в этот момент по улице прошла — или пролетела? — кажется, она не касалась туфельками мостовой — Принцесса. С золотой косой и синими-синими глазами.

Я сразу узнал Принцессу, потому что видел ее множество раз в книжке с цветными картинками, ко-

торую давным-давно читала мне матушка. Принцесса была еще прекрасней той, что в книжке. «Это потому она так чудесно хороша, — догадался я, — что она ведь живая, а не нарисованная».

Принцесса повернула ко мне голову и улыбнулась.

Или она высунула язык?

Руки у меня разжались, и материя упала на пол. Очнулся я от сердитого голоса Мастера:

— Тебе бы только ворон считать!

Я хорошо запомнил его слова, потому что в ту самую секунду, когда он их произнес, мимо мастерской пролетел белый голубь.

— Вы видели голубя? — спросил я Портняжного Мастера. — Вы видели Принцессу?

— Ха-ха! Я же говорил, что тебе бы только ворон считать! — закричал красноносый Мастер. — Убирайся вон! А узелок я заберу за то, что ты испортил работу.

Он схватил меня, но я вывернулся и убежал.

Великий Маэстро

Я шел куда глаза глядят, пока не услышал сладкий голосок:

— Не ищешь ли ты работы, мальчик?

На пороге розового домика с голубой черепичной крышей стоял красноносый толстяк с розовыми щеками и желтыми глазами.

Он распахнул дверь в домик, и я увидел голубое пианино с открытой крышкой.

— Если ты выдержишь испытание, то станешь учеником удивительно, и поразительно, и ужасно Великого Маэстро, то есть моим учеником, — сказал он, когда я сел на розовый стул перед голубым пианино. — Чтобы достигнуть этого величайшего счастья, тебе придется исполнить изящнейшую пастораль, сочиненную мною. Ты должен двадцать раз нежнейше, пианиссимо, коснуться белых клавиш, а потом десять раз сильно, крещендо, ударить по клавишам черным. Начинай!

Я касался белых клавиш, а Маэстро, наклонив голову, шептал:

— Сладко! Сладенько! Сладчайше! Наисладительнее!.. Нежно! Нежненько! Нежнейше!.. Умилительно! Наумилительнейше! Сверхумилительно!.. Прелестно! Прелестненько! Прелестнейше!

Иногда он мурлыкал под нос:

Турропото...

Путто... Турро...

Турропото все открыто,

Для него все в мире ясно:

Добрый — глупый! Злому — счастье!

Где я слышал эту песенку?

Маэстро легко ударил золотым камертоном по крышке пианино.

— Так... так... Еще усилие, и ты станешь любименьким учеником удивительно, и поразительно, и ужасно Великого Маэстро. Так...

В это время мимо окна прошла — или пролетела — Принцесса. Вместо того, чтобы двадцать раз пианиссимо коснуться белых клавиш, я быстро — виво, даже вивиссимо — выскочил из розового домика Маэстро.

— Куда ты, милейший? — крикнул он.

Но что мне было до розового Маэстро, до всех маэстро на свете: ведь впереди шла Принцесса.

Над золотой ее головой летел тот самый голубь.

— Пожалуйста, пожалуйста, не исчезайте, иначе я умру,— сказал я вслед девушке.

Вот теперь она улыбнулась. А может быть, она высунула язык, или показала мне нос, или состроила гримасу, став еще прекраснее.

Не оборачиваясь, она сказала:

— Когда взойдет луна, приходи к большому дубу на опушке леса, мой мальчик! Повернись спиной к луне, закрой глаза и отмерь двадцать шагов от дуба к опушке леса, а после десять шагов от опушки к дубу.

Она исчезла.

Когда стемнело я сделал все, как она велела, но не увидел ее.

Издали донесся насмешливый голос Принцессы:

— С закрытыми глазами счастья не поймать, мой мальчик! Ах, я приказала?! Что ж, ты всегда будешь делать только то, что тебе приказывают? Прощай и не ищи меня.

Сквозь слезы я увидел: через серебристый столб лунного света пролетел голубь. Со спины его прыгнул крошечный гном в красном колпаке.

Глава вторая

Я становлюсь учеником сказочника

Метр Ганзелиус

— Перестань реветь,— донеслось откуда-то снизу.— Пф-пф, я только что выплыл из одной слезы, как меня накрыла вторая.

Я сдержал слезы.

— Пф, так-то лучше...

Я не мог разглядеть гнома среди травы и, сознаюсь, крайне невежливо окликнул его:

— Эй, где вы там?

— Лучше все-таки называть меня не «эй вы», а метр Ганзелиус, как это принято, и не одну тысячу лет, среди всех фей, людей и волшебников, с которыми я поддерживаю знакомство.

— Простите, метр Ганзелиус,— с раскаянием сказал я.

— Раскрой ладонь,— приказал метр Ганзелиус, нетерпеливо выслушав извинения.— Нет, держи ее прямо.

Трава зашевелилась, и на мою ладонь вспрыгнул гном с темными глазами и седой бородкой. На плечах у него был синий плащ. На широком кожаном поясе висела шпага. В правой руке он держал красный колпак с кисточкой. Остроносые штиблеты с загнутыми носками светились зеленым светом.

— Если ты потрудишься надуть меня воздухом через эту соломинку,— метр Ганзелиус тронул то, что я принял за шпагу,— нам будет удобнее разговаривать.

Я с готовностью принялся за дело.

— Осторожнее! — время от времени восклицал Ганзелиус.— Я не футбольный мяч.

Он увеличился, но так, что не менялась ни одна черточка лица.

Поклонившись, Ганзелиус взмахнул плащом и спрыгнул к подножию дуба.

Светящиеся штиблеты, как светляки, прочертили след в темноте.

— Значит... значит, вы пустой? — растерянно спросил я.

— Я воздушный человек,— ответил гном.— В молодости, когда я был кузнецом и весил десять пудов да еще четыре фунта, мне тоже случалось путать пустых людей, которых множество, с людьми воздушными и, так редко встречающимися.

Он смотрел снизу вверх как бы с некоторым сожалением.

Теперь я понял, что чувствовал этот строгий спрашивающий взгляд и прежде, когда метр Ганзелиус пролетал мимо на своем голубе. Взгляд человека, дорогого заплатившего за то, чему научила его жизнь.

«Отец идет с сыном и думает, как оберечь его на долгом пути. Он кладет в руку ребенка кошелек с золотом, или с серебром, или с медью. Золото, серебро и медь тем и отличаются от мудрости, что их можно отдать сыну, другу, любимой.

Они отличаются от мудрости и от любви, которая не бывает ни золотой, ни серебряной, ни медной, а только настоящей или поддельной».

Это поучение метра Ганзелиуса, как и другие его уроки, я услышал и записал в тетрадку не в ту ночь, а через много дней...

— Я знал твою бедную матушку, когда она была еще девочкой, и, конечно, не мог позволить колдуну Турропуто преследовать тебя.

— Турропуто?! Я же не видел Турропуто...

— Нет, ты видел его! Он превращался то в старуху, которую ты встретил в лесу, то в Портняжного Мастера, то в Маэстро. Это злой и сильный колдун! В одиночку я бы с ним не справился; пришлось просить Принцессу помочь мне. Восемисотлетнее знакомство позволяет рассчитывать на небольшие услуги.

— Принцессе восемьсот лет? — воскликнул я, удивленный и огорченный.

— Тысяча! — сказал метр Ганзелиус.— Мы познакомились, когда она так весело праздновала свой двухсотый день рождения.

Угадав мои мысли, Ганзелиус грустно проговорил:

— Любимая, сынок, не бывает ни золотой, ни серебряной, ни медной, ни красивой или некрасивой, ни молодой или старой, а только любимой.

Лунные человечки

Мы шли по тропинке среди луга, метр Ганзелиус впереди, а я, его ученик,— ведь с этой ночи я стал его учеником — за ним.

Я спросил метра Ганзелиуса:

— Почему же такой знаменитый и могучий колдун ненавидит обыкновенного мальчишку?

— Турропато ненавидит всех людей, — ответил метр Ганзелиус. — И он поклялся отобрать у тебя матушкино наследство.

— Неужели узелок действительно волшебный?

Учитель молчал.

Потом, через много дней, он продиктовал мне, а я записал в тетрадь его слова:

«Как оно появляется в мире — «волшебное»?.. Когда умирала твоя матушка, на ее подушку угольком упала последняя в ту осень падающая звезда. И твоя матушка раздувала ее, пока было в груди дыхание, чтобы она светила сыну.

Тогда он стал волшебным, уголек, который не гаснет.

И когда твоя матушка все смотрела и смотрела на ключик, пока не закрылись навсегда ее глаза, и загадывала одно-единственное желание: пусть в самую трудную минуту этот ключик спасет ее сына, — тогда ключик стал волшебным.

Только так появляется на свете то, что люди называют волшебным...»

...Светила полная луна, было тихо.

Метр Ганзелиус все уменьшался, пока снова стал таким маленьким, что я с трудом мог разглядеть его среди травинки и лунных теней.

Потрясенные шагами, в воздух взлетали сонные божьи коровки: я боялся, что они собьют Учителя с ног или подхватят и унесут неизвестно куда.

Серебряная луна горела в небе. Вдруг я увидел очень близко дом из старых бревен, сплошь поросших мхом. Квадратное окошко поблескивало низко над травой. Чернела дверь, припертая рогатиной. Перед домом росла ель, на ней клювом вверх, уцепившись за шишку, как принято у этих птиц, висел клест.

На коньке черепичной крыши вертелся металлический флюгер с чугунным кованым драконом. На флюгере, нахохлившись, сидели огромный черный ворон и голубь, которого я сразу узнал.

Ворон взмахнул крыльями, клювом оттащил рогатину и открыл дверь.

Войдя в дом, я очень обрадовался, увидев метра Ганзелиуса, которого потерял было из виду.

Учитель стоял на дощатом полу, в столбе лунного света, где метались, плясали, бесновались тысячи пылинок.

Внутри дома луна светила еще ярче, чем на лугу. Круглое ее, не то плачущее, не то улыбающееся лицо заглядывало в окошко.

Метр Ганзелиус все уменьшался: он был уже меньше зерна фасоли, а через минуту стал с горошину. Несмотря на это, я ясно различал его лицо, высветленное луной.

— Добро пожаловать, сынок! Устраивайся, — сказал метр Ганзелиус.

Я разглядел деревянную кровать, где легко уместись бы не один, а несколько великанов. Рядом с кроватью стоял дубовый чурбак в два обхвата, на нем ведерная кружка и под стать ей подсвечник с оплывшей свечой.

— Там спал я с моей женушкой и с нашими сыновьями, — сказал метр Ганзелиус. — Теперь дети разбегались по свету. Эстер умерла от горя, когда младший наш, бедный Сильвер, окаменел... Сильвер... серебряный. Мы с Эстер все мечтали, какой чудесной будет его жизнь, а оказалось... Пусть тебе будет хорошо в моем доме, сынок...

Я пошел в ту сторону, откуда доносился слабый голос Учителя. У бревенчатой стены примостился кукольный домик, только уж очень маленький.

— Садись поближе, — пригласил метр Ганзелиус.

Он был в стеганом халате красного атласа и ночных туфлях, которые светились зеленым светом, и стоял, опираясь на спинку кресла. На столике горела свеча: она лила очень яркий свет, хотя была тоньше пушинки одуванчика.

— Раньше меня называли «Ганзелиус-Гора», потом «Метр Ганзелиус — Воздушный человек», теперь называют «Человек-Горошина». И, может быть, будут

еще называть «Человек-Пылинка»? А потом... Что потом? — грустно спросил метр Ганзелиус и еле заметно улыбнулся. — Странно: становишься меньше, а видишь дальше.

Свеча-пушинка светила до удивительности ярко: может быть, и сквозь бревенчатые стены и даже до края земли?..

— Что ты там видишь? — спросил метр Ганзелиус, показывая на лунный луч.

— Пылинки, — ответил я.

— И все? — Голос метра Ганзелиуса выражал удивление и что-то еще: сострадание, может быть?

Я молчал.

Глаза метра Ганзелиуса сверкнули. Он вскочил на кресло, сбросил халат и остался в серебристом трико. ...Теперь только две зеленые точки светились на красном бархате кресла.

— О-ля-ля! — послышался голос Учителя, и зеленые искры скользнули от кресла к лунному лучу. — Смотри.

Зеленые искры стремительно кружились в опаловом столбе света. И рядом с ними я вдруг увидел множество крошечных фигурок.

— Что ж, в лунном луче одни пылинки? — вернулся, спросил Учитель.

— Конечно же, нет, — ответил я.
Метр Ганзелиус улыбнулся моей горячности.
Уже лежа в постели, он задумчиво спросил, обращаясь к самому себе:

— Куда же исчезают они — те, кто живут в лунном луче? Сколько раз я пробовал подкараулить их, но засыпал. ...Лунный луч похож на лестницу с миллионом ступенек... Значит, поэтому-то они всегда торопятся? Ведь нужно до рассвета вернуться на луну. И еще он похож на колодец, у которого дно не внизу, а на луне. Можно разбиться, падая в такой глубокий колодец. Сколько же там лунных человечков? С земли плохо видно, но в полнолуние, при ясной погоде клест, у которого такие хорошие глаза, насчитал двести сорок четыре тысячи пятьсот семнадцать лунных человечков.

Спокойной ночи! — сказал метр Ганзелиус, и я не понял, к кому он обращается: ведь смотрел он в окно на луну, которая прижалась к окошку своим круглым лицом.

— Спокойной ночи, сынок! — повторил Учитель.

Я узнаю историю Жаба Девятого

Проснулся я от того, что кто-то пристально глядел на меня. Открыв глаза, я увидел Ворона, но не испугался, так как взгляд великанской птицы выражал одну лишь доброжелательность.

Занималось раннее летнее утро. В открытую дверь виднелся край солнца, поднимающегося из-за луга, где сверкали каплями росы травинки и фиолетовосиние колокольчики.

Если бы не перезвон цветов, было бы совсем тихо. Я слышал сонное дыхание Учителя.

Увидев, что я проснулся, Ворон наклонил голову, как бы поздоровался, и вылетел. Скоро он вернулся, неся в клюве ведро с водой.

Пока я мылся, Ворон снял со стены корзину, слетал куда-то и выложил на стол краюху хлеба, круг деревенской колбасы и кувшин с топленым молоком.

В комнатке Учителя у его кровати покачивался колокольчик, стеблем укрепленный в щели пола. Голубь приносил в лапках травинки с крупными каплями росы и стряхивал капли в венчик цветка.

Метр Ганзелиус разбежался и нырнул вниз головой. Нет, я бы никогда не решился вот так прыгнуть в холодную воду.

«Обязательна ли подобная решительность в моем будущем ремесле сказочника? — с тревогой подумал я и тут же дал слово: если это свойство необходимо, любой ценой воспитать его в себе!»

Учитель вылез из воды, досуха растерся махровым полотенцем и оделся. Мы вышли из дома.

— Посмотри на каплю росы, — сказал Учитель, останавливаясь перед высоким колокольчиком. — Кого ты видишь?

— Себя! — сказал я неуверенно, догадываясь почему-то, что ответ огорчит Учителя.

— Одного себя?! — строго переспросил Учитель. — И этот «ты» там, в капле росы, конечно, прекрасен, могуч и мудр?

— Да нет же: «он», то есть «я», — маленький, тощий оборванец с испуганным лицом.

— Это уже лучше! — воскликнул Учитель. — Смотри внимательно, сынок!

Я наклонился над цветком. Капля выросла в сто, а может быть, в тысячу раз. В ее глубине возник луг, окутанный туманом.

Из тумана выступила Принцесса, но я плохо видел ее, потому, может быть, что слезы печали или радости застилали глаза.

Она смотрела на меня непонятно: насмешливо или ласково?

— Там... Принцесса, — запинаясь, сказал я.

Принцессу окружали эльфы с прозрачными крыльшками и феи. Поодаль стояли и сидели гномы,

иногда они склоняли друг к другу головы и перешептывались.

— Посмотри на другие капли.

Там в других каплях я снова увидел себя, но неясно. И увидел множество эльфов, фей и гномов.

— Принцесс ты тоже видишь? — спросил Учитель.

— Н-нет, — ответил я, глядявываясь изо всех сил. — Там их нет... Вероятно, она единственная?

— Да, она единственная, — сказал Учитель.

Он взмахнул рукой, и эльфы, феи, гномы исчезли по той простой причине, что солнце поднялось выше и роса испарилась.

Я испугался за Принцессу.

— Где она?

— Она там, где должна быть. А должна она быть там, где не может не быть, — ответил Учитель.

Я почувствовал, что очень устал, и сел на траву. Метр Ганзелиус вспрыгнул ко мне на ладонь.

— Когда тебе показалось, что ты видишь одного себя, я вспомнил историю Короля Жаба Девятого, — сказал он и продолжал: — Король этот царствовал за тридевять земель и тридесать морей от наших мест. Первые восемь королей Жабов титуловались по порядку: «Жаб Первый, Жаб Второй... Жаб Восьмой», — а потом, сколько их ни было — сто, а может быть, и двести, — назывались «Жаб Девятый», потому что они умели считать только до девяти. Этот Жаб Девятый был злой, с уродливым лицом и кривобоким. Впрочем, слово «кривобоким» он запретил произносить, заменив его словами «вогнуто-выгнутый».

У Жаба Девятого Вогнуто-выгнутого были свои подданные и придворные, как у каждого короля. И еще жил в королевстве знакомый нам с тобой колдун Турропуто. У Жаба Девятого была плохая память, поэтому всех придворных он повелел именовать одним именем «Альфонсио». Служил при его дворе Палач — Альфонсио Любезный и Первый Министр — Альфонсио Предусмотрительный.

Придворные думали только о том, как бы угодить Королю, и понимали своего повелителя с полуслова: стоило Королю сказать Альфонсио Любезному — «Будь любезен!» — уж тот знал, что ему делать.

Король не любил много говорить, потому что за чем говорить, если тебя понимают и так, и еще потому, что страдал икотой.

В праздники он выходил на балкон к народу и читал поэму, которую сам сочинил:

Я очень велик!

Ик.

И прекрасен мой лик!

Ик.

Однажды, призвав всех врачей и аптекарей королевства, он приказал им составить лекарство, излечивающее от икоты.

— Такого лекарства на свете нет, — ответили они.

— Будь любезен... — шепнул Король Альфонсио Любезному.

Когда стража уводила врачей и аптекарей, Жаб Девятый сказал вслед:

— Кому, ик, нужны врачи и аптекари, которые излечивают смертельно больных бедняков, но не могут помочь своему доброму-доброму Королю, страдающему ик-отой.

Через некоторое время Король призвал мудрецов, обитающих в королевстве, и приказал им высказать самое мудрое из того, что они знают.

Первый мудрец сказал, что он уединился в темной пещере, где ничто не мешало ему думать, и,

пробыв там двадцать лет, понял, что если прибавить к девяти единицу, то получится десять.

— Совершенно правильно, — подтвердил второй мудрец, он провел в темной пещере не двадцать, а сорок лет. — Кроме того, я постиг, что при умножении девяти на десять непременно получится девяносто.

А третий мудрец, который провел в темной пещере шестьдесят лет, ничего не сказал, потому что, едва он раскрыл рот, Король сердито крикнул Альфонсио Любезному:

— Будь любезен!

— Зачем мне подданные, знающие то, что неизвестно даже мне, их доброму повелителю! — сказал Жаб Девятый, когда стража уводила мудрецов.

Еще через некоторое время Король призвал ко двору рапсодов — так в древние времена именовались поэты.

Едва лишь первый рапсода, седой старик, успел прочитать первую из ста песен, сложенных им за долгую жизнь в честь Народа и Короля, Жаб Девятый перебил его:

— Знаешь ли ты мою поэму: «Я очень велик... Ик... И прекрасен мой лик... Ик!» А раз ты знаешь мою поэму, то должен сознавать... ик... что она самая совершенная, правильная и прекрасная из всех поэм, когда-либо сочиненных в моем королевстве или в будущем могущих быть сочиненными.

Рапсода хотел что-то возразить, но покосился на Альфонсио Любезного, который, улыбаясь, весело, подобно малому ребенку, играл острым топором, и молча склонил седую голову.

— Если ты все это сознаешь, — с торжеством воскликнул Жаб Девятый, — то должен понимать, что нет никакого смысла ни в твоём... ик... существовании, рапсода, ни в существовании всех других рапсодов.

— Будь любезен! — закончил Жаб Девятый изрядно утомившую его речь.

Прошло еще некоторое время, и Король приказал Первому Министру пригласить ко двору кузнецов, лесорубов и других мастеровых людей.

Но кузнецы, лесорубы и другие мастера вместо того, чтобы выполнить повеление Жаба Девятого, построили плот, погрузились на него вместе с женами и детьми и ночью отчалили от берегов королевства. В последнюю секунду на плот вскочил Первый Министр Альфонсио Предусмотрительный, поступивший так по причине своей предусмотрительности.

Утром Альфонсио Любезный доложил повелителю, что в королевстве не осталось ни одной живой души, кроме их Величества Жаба Девятого Вогнуто-выгнутого, его смиренного слуги Альфонсио Любезного да еще колдун Турропуто.

— Будь любезен! — по привычке пробормотал Жаб Девятый; так как казнить было больше некого, Альфонсио Любезный отрубил собственную голову.

Не зная, как обходиться без подданных, Жаб Девятый обратился к колдуну Турропуто.

Запомнив его советы, он вышел росистым утром на луг и увидел свое вогнуто-выгнутое отражение в бесчисленных каплях росы.

Он сказал колдовские слова, и из всех капель росы вышли его, Жаба Девятого, бесчисленные двойники.

Они были так похожи друг на друга и на Жаба Девятого, что Король потерялся среди новых подданных. До сих пор все они бродят по лугу и, встречаясь, спрашивают друг друга:

— Ты, Ваше Величество Жаб Девятый Вогнуто-выгнутый? Или это я Наше Величество Жаб Девятый Вогнуто-выгнутый? Или это он Их Величество Жаб Девятый Вогнуто-выгнутый?

Больше они ничего не делают, и королевство впало в запустение.

— Бойся одинаковых человечков! — такими словами метр Ганзелиус закончил свой рассказ.

Хотя я не очень хорошо понял, чего же бояться этих одинаковых человечков, если они только бродят где-то за тридевять земель по неведомому королевству и пристают друг к другу с бесполовыми во-

просами, но, конечно, записал поучение в тетрадку и вытвердил наизусть. И это вскоре очень пригодилось.

Мои заветные желания

Исполнился уже год с той счастливой ночи, когда я встретился с метром Ганзелиусом, поселился у него и стал учеником сказочника.

С утра до вечера мы занимались языками птиц, зверей и жуков, прыжками, плаванием и другими предметами, необходимыми в сказочном ремесле. Особенно плохо мне давались языки птиц, но, вновь и вновь повторяя уроки и пользуясь бесконечным терпением Учителя, я и здесь достиг известных успехов, так что мог утром спросить ласточку «Какая будет погода?», а у клеста «Что нового на луне?»

В тот день, перед ужином, метр Ганзелиус продиктовал мне:

«Не надо удивляться, когда видишь удивительное, но удивления достойно, если, взглянув окрест, ты ничего удивительного не встретишь».

И еще:

«Иные рапсоды и сказочники тоже вкладывают свою гушу в слова, как скульптор в мрамор, а кузнец в настоящие флюгера и подковы (только поэтому настоящие флюгера показывают путь к счастью, а подковы предвещают его появление)».

Другие мастера, более осторожные, содержат гушу в пятках, считая, что только там, в темноте и тепле (особенно если надеть толстые шерстяные носки домашней вязки), она в безопасности.

Что правильнее, каждый решает сам за себя, и никто не может решить это за другого».

Урок окончился.

— О чем ты думаешь, сынок? — спросил метр Ганзелиус.

Набравшись храбрости, я сказал Учителю, что, конечно, пользоваться его гостеприимством — незаслуженное счастье. Но именно незаслуженность счастья тревожит меня, и я хотел бы на деле испытать свои силы: годен ли я хоть на что-нибудь.

Про себя я подумал: «Может быть, в дороге, в других городах я хоть издали увижу Принцессу?!»

Метр Ганзелиус долго смотрел мне в глаза и, угадав мои мысли, тихо сказал:

— Ты увидишь ее в последний раз, мой мальчик. Я и сам хотел просить тебя отправиться в путешествие. Утром в дорогу, сынок!

Спал я беспокойно и сквозь сон слышал легкие шаги Учителя. Он ходил из угла в угол по своей маленькой комнате, размышляя о чем-то: может быть, и о моей судьбе.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

ПИРАМИДЫ

Один англичанин
Залез на верблюда,
Чтоб разглядеть
Пирамиды
Оттуда.

— О, да! — он сказал. —
Удивительный вид!
Взглянуть бы теперь
На себя
С пирамид.

КРОКОДИЛ И ПЕТУХ

На желтом лугу,
Где растет чепуха
Лиловая,
Как чернила,
Повстречал
Крокодил с головой петуха
Петуха с головой
крокодила.

И оба сказали
Такие слова:
— Какая смешная
У вас голова!
Еще не встречал я
Подобных голов!
Но выручить вас
Я по дружбе готов.

Обменявшись такими
словами,
Поменялись они головами.
И каждый подумал:
«Красива на диво!
Обманул я его —
Чудака».
И ушли:
Крокодил с головой
крокодила,
А Петух — с головой
петуха.

Чудовище в аквариуме

БИОЛОГИЯ

«На горизонте возникли три угрожающих зубренных плавника. Мгновение — и восьмиметровые темные силуэты были уже у берега. Закончив обзор местности, чудовища с белым брюхом и черной спиной нырнули под лед. Я сделал исключительные снимки, — так пишет фотограф, участник второй антарктической экспедиции Амундсена. — Это были косатки, и, когда я разглядел их разверстые пасти с клыками в палец толщиной, я понял, почему их еще называют китами-убийцами».

Косатка — действительно близкая родственница мирного кита и дружелюбных дельфинов. Но питается она далеко не планктоном — это гигантская прожорливая хищница. Недаром для рыбаков эти чудовища — а среди них попадаются и десятиметровые — страшнее акул.

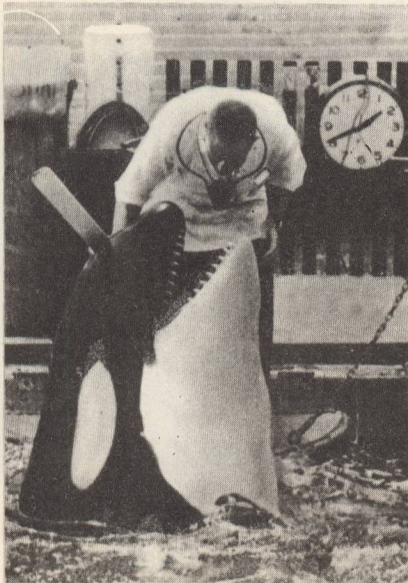
Дурная слава о них сложилась давно. Хитрая, как лисица, сильная, как бык, свирепая, как волк, и отважная, как лев, — вот какой выглядит косатка в рыбацких легендах. Ударом хвоста она опрокидывает любую шлюпку и за раз съедает не менее пятнадцати тюленей. Любимое ее лакомство — китовый язык...

И вот совсем недавно ученым удалось близко познакомиться с этим удивительным существом.

Моби — так назвали четырехметровую косатку, которую загарпунили в Тихом океане и поместили в плавучий док канадского города Ванкувера. Весила она почти полторы тонны, но вскоре погибла. Моби отказывалась есть в неволе, да к тому же малосоленая вода порта не смогла защитить ее от инфекции.

Наму улыбается Гриффину.

Директору аквариума в американском городе Сиэттле Гриффину удалось сделать больше: он заставил своего пленника по имени Наму проглотить пищу. Правда, Наму отвергал любую еду, кроме лососей, а их пожирал по двести килограммов в день. Он оказался очень общительным, большим любителем игр и шуток. Блаженствовал, когда ему чесали спину половой щеткой. Разыгравшись, взваливал лодку с человеком себе на спину и весело плыл к берегу.

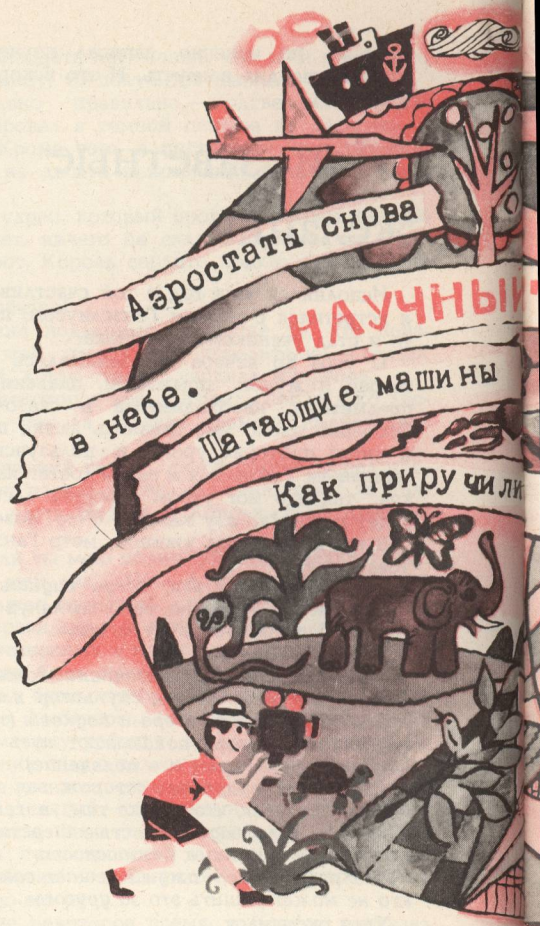
Наму быстро сообразил, что рыба находится в лодке, и научился ловко переворачивать ее, чтобы получить свой корм поскорее. Когда это случилось впервые, Гриффин, падая в воду, рукой угодил прямо в пасть Наму. Но все окончилось благополучно: Наму терпеливо, не смыкая челюстей, ждал, пока человек выберется.

Жак МАРСО
Перевела с французского
В. РОВИНСКАЯ.

Ветряк под облаками

ТЕХНИКА И авиация и космонавтика начинались с аэростатов. Одно время о них забыли, а в последние годы вспомнили снова. Инженеры собираются использовать их в строительстве (как подъемные краны), для вывоза леса, для доставки почты. Нашлась для них и такая небывалая работа, как подъем в стратосфере ветряных электростанций.

Казалось бы, и время ветряков давно миновало. Раз-

ве в далеком поселке увидишь их широкие лопасти. Дует ветер, крутится ветряк — в домах светло и уютно. Утих ветер — и сиди без света. Не очень это надежное дело. Ветер дует ведь не круглые сутки — в среднем три-четыре часа даже в самых ветреных краях. Зато на высоте пятнадцати — восемнадцати километров всегда мчатся стремительные воздушные потоки. Так вот, чтобы ветряк работал безостановочно годами, его нужно поднять выше облаков. Но не строить же башни высотой в десяток километров! Советские инженеры предложили поднимать ветряные электростанции на аэростатах.

Чтобы ветер не унес все это сооружение, огромный, стометровый аэростат привяжут к земле прочными капроновыми или полипропиленовыми канатами.

Вот как случается порой в технике: две старинные вещи соединили вместе, и получилось вполне современное устройство.

М. ГУРЕВИЧ,
О. ЛИБКИН

Машина учится шагать

ТЕХНИКА Помнишь, мы в «Пионере» рассказывали о фантастической модели московских ребят из клуба «Орленок»? Она называлась крабоход и была предназначена для освоения планет. Наверно, глядя на тот планетоход, поставленный на высокие пружинящие «ноги», ты подумал: а почему «ноги»? Не привычные колеса или гусеницы, а ноги?

Конечно, это не случайная прихоть ребят из «Орленка». Над шагающими машинами сейчас работают десятки инженеров

у нас в стране и за рубежом. К ШУ — шагающим устройствам — они обратились в результате долгих поисков транспорта для бездорожья. А ведь именно бездорожье ждет человека при освоении неведомых миров, таких, как океанское дно или поверхность Луны. Не будет дорог — значит, не годится весь земной колесный транспорт.

И вот уже много лет конструкторы изучают и пытаются повторить в металле схемы движения конечностей живых существ. Уже известны десятки изобретений, но среди них пока ни одного удачного. Оказалось, совсем не просто научиться шагать.

Пытались сначала механически повторять строение ноги человека и ее движения. Сооружения получались громоздкие, неуклюжие.

Стали присматриваться к конечностям насекомых и других живых существ. Но и они оказались слишком сложными, чтобы их можно было воспроизвести в машине и чтобы она была выгодной и удобной в управлении. Пожалуй, самым удачным оказался шагающий экскаватор, да и то только потому, что здесь скорость не нужна, можно не шагать, а ползти по земле.

А вот самые последние работы конструкторов. На рисунке — шагающая машина с кабиной, где сидит человек. Вернее, он не сидит, а шагает. Машина своими «ногами» повторяет его движения и движется по земле. Такой механизм хорош тем, что послушно повторяет движения человека, конечно, многократно усиливая их. Человек решает, куда поставить «ногу», как высоко ее поднять, каким сделать следующий шаг. Но такая работа вместе с машиной оказалась слишком тяжелой, непосильной для человека, особенно длительное время. Так что и над этой конструкцией предстоит еще поработать и инженерам, и механикам, и даже врачам.

Конечно, ребятам из «Орленка» было легче...

КЛУБ "СОРОК СОРОК"

КТО ТАМ?

— СОРОКА-БАЛАБОЛКА.

Я вчера была в гостях у писателя Заходера!

— Ну и что?—спросили другие сороки.

— А то, что он очень интересный человек. Очень разносторонний. На первое у него был суп с грибами. На второе — картошка с котлетами. А на третье подавали чай.

— А еще что ты запомнила?

— Больше ничего.

— А что он сейчас пишет?

— А разве он пишет?

— Ну да. Он же писатель.

— Верно, верно. Я и забыла. Это же он переводил волшебную повесть «Поппи Меринс»!

— «Мери Поппинс». И еще он написал много стихов и сказок.

— А зачем он ко мне прилетал? — спросила Балаболка.

— Ведь это ты к нему прилетала!

— Ах да, действительно! Мы пили чай с грибами. Он еще мне письмо дал для ребят.

— Ну-ка покажи! — попросили другие сороки.

— Сейчас, сейчас. Вот оно. «Мама, я ушла в школу. Ключ под ковриком. Таня».

Ой, это кажется не его письмо!

— Не кажется, а совершенно точно, — сказали сороки. — Его зовут не Таня, а Борис Владимирович. И в школу он уже не ходит.

— Значит, вот это его письмо. Слушайте:

«Уважаемые ребята, я сейчас пишу книгу «Сказки для людей». В этой книге звери рассказывают людям сказки про себя. Поэтому, если у вас есть какие-нибудь знакомые звери — собаки, кошки, коровы, тигры и слоны, если они вам рассказывали что-нибудь интересное, напишите мне о них. Я буду вам очень благодарен. До свидания. Борис Заходер».

ЗАДАНИЕ СОРОКИ-НЕУНЫВАЙКИ

Я рада, что ребятам понравился наш клуб. Мы получаем от них много писем. Оказывается, среди наших читателей много близнецов.

МОЕ
ЗАДАНИЕ
ВСЕМ
БЛИЗНЕЦАМ

МОЕ
ЗАДАНИЕ
ВСЕМ
БЛИЗНЕЦАМ

Постарайтесь вспомнить, какие смешные случаи происходили с вами в жизни, и присылайте их мне, Неунывайке.

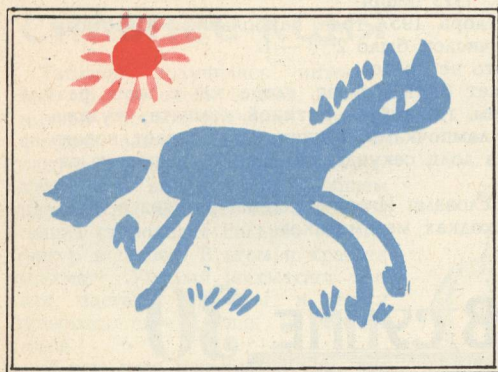

НОВОСТИ С СОРОЧЬЕГО ХВОСТА

— Вот смех-то! Наш учитель по рисованию никогда в жизни не видел лошади!

— Не может быть!

— Я нарисовал лошадь, а он спрашивает меня, что это такое.

— Вот хорошо бы завести в школе собственного льва!

— Ты что! Знаешь, как это дорого?

— Ничего не дорого. Видишь, тут написано: «Кормить зверей строго воспрещается!»

*

— Ты случайно не знаешь, почему маленькая стрелка на часах толще большой?

— Потому что она очень мало двигается.

*

— Почему ты плачешь?

— Мама сказала, чтобы я не переходил улицу, пока не проедет трамвай, а на этой улице совсем нет трамваев.

КТО БОЛЬШЕ? ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

«В 1883 году сельский священник Шадринского уезда на Урале Иван Михеевич Первушин доказал, что число

$2^{61} - 1 = 2\,305\,843\,009\,213\,693\,951$ есть число простое...»

Ну и новость! Наверняка никому из читателей «Пионера» не приходилось слышать ни о священнике Иване Первушине, ни о тайне числа из девятнадцати цифр. Но зато обо всем этом хорошо знают Трое Неизвестных.

Рассказ об этом Икс начал издаেকে, вооружившись толстой книгой «История арифметики» И. Я. Депмана.

— Позволю себе напомнить уважаемым читателям, что есть простое число. Под именем этим имеются в виду числа, которые делятся только на себя и на единицу. Вот, к примеру, все простые числа между 1 и 49:

2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, 23, 29, 31, 37, 41, 43, 47.

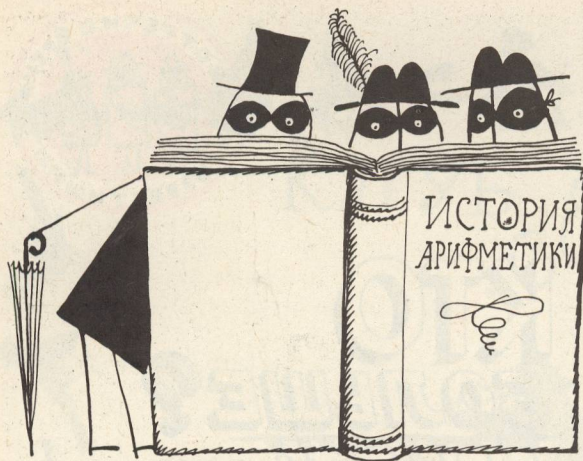
А все остальные известные людям числа называются составными. Единица же стоит особо от тех и от других...

— Самое интересное, — вмешивается Игрек, — как вылавливают простые числа. Бывало, люди годами охотились за одним числом. Вот попробуй-ка сам. Какое число наш уважаемый Икс назвал последним? 47? Очень хорошо! А ну-ка назови следующее простое число! 48? Ничего подобного — делится на 2, это сразу видно, значит, составное. 49 делится на 7; 50 — на 2; 51 — на 3; 52 — на 2; 53... Вот, пожалуй, 53 и будет следующим простым после 47 числом. А видишь, сколько чисел нам пришлось перебрать!

— Все это прекрасно, дорогой Игрек, но вы так торопитесь, что забыли главное: зачем люди ищут простые числа?

— Раз эти числа есть, надо их знать. Но чисел бесконечное множество, легко ли выловить из него простые! И все же математики издавна этой охотой занимались. Сначала, до XVI века, просто перебирали все числа подряд, одно за другим — вот как мы с вами сейчас — и проверяли их делением. Не делится число ни на что, кроме себя и единицы, — значит, «поймали». Простые числа выписывали и составляли таблицы. Перебрали первую сотню, вторую, потом пошли тысячи, десятки тысяч — простые числа становились уже великанами. Все труднее было подбирать делители. Вот почему попал в историю математики священник Первушин: он справился с числом из девятнадцати цифр!

Но вернемся к таблицам. В XVIII веке перебрали все числа первого и второго миллиардов и начали третий. Чемпионом среди простых чисел было тогда число из десяти знаков — 2 147 483 647. Оно

было наибольшим, и, какое будет следующее, никто тогда не знал.

— Чемпионами были и те, кто искал и находил числа, — это сказал уже Зет, во всем любящий справедливость. — А среди таких охотников были самые разные люди. И Иван Первушин, и школьный учитель из города Кувшиново, и даже продавец газет из Москвы. Он составил таблицы чисел до 10 017 000. Но самым удачливым признан математик Лемер. Целый год потратил он, чтобы выяснить тайну числа $2^{257} - 1$. Целый год, несмо-

тря на то, что он мог пользоваться кое-какими счетными машинами, — это было уже в 1932 году. А через двадцать лет электронная машина подтвердила его результат, потратив на это 48 секунд!

— С электронными машинами состязаться было уже невозможно, — грустно заметил Игрек. — Время энтузиастов-охотников прошло. Зато числа, выловленные машинами, сыпались теперь одно за другим...

— И вот вам результат! — Зет назидательно поднял палец. — Последнее наибольшее простое число, найденное человеком, такое:

$2^{127} - 1 = 170\ 141\ 183\ 460\ 469\ 231\ 731\ 687\ 303\ 715\ 884\ 105\ 727$. В нем 39 цифр. А вот числа-гиганты, открытые электронными машинами. В книге даже не приводятся все цифры таких чисел — только упоминается, сколько их, этих цифр.

30 января 1952 года было установлено, что число $2^{521} - 1 = 68\ 571\ 51$ — простое.

(150 цифр)

21 августа 1952 года «поймали» число $2^{1279} - 1 = 104\ 079\ 29\ 087$.

(375 цифр)

На октябрь 1957 года наибольшим известным простым числом было $2^{2281} - 1$.

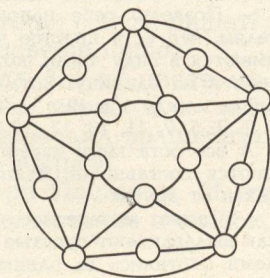
Но и это не предел...

И может быть, сейчас, когда мы с вами разговариваем, где-нибудь в тихой комнате, жужжа и мигая лампочками, машина выискивает нового гиганта, в доли секунды перебирая сотни и тысячи цифр...

Этими словами Игрек закончил рассказ о поисках и находках математиков.

В СУММЕ 30

РАС-
СТАВЬТЕ
Числа

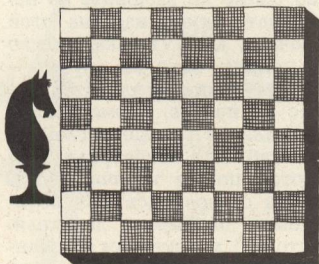

Трое Неизвестных вытащили из своих портфелей несколько чертежей. Посовещались и выбрали один. Он перед вами. Взгляните на фигуру, и вы сразу вспомните наши старые задачи и поймете, что надо делать.

На первый взгляд в этой фигуре угадаешь окружность, звезду и пятиугольник. Но Трое Неизвестных обращают твоё внимание на две окружности и пять треугольников. Нашел? Поставь в кружочках числа от 1 до 15 так, чтобы сумма чисел на каждой из двух окружностей и в каждом из пяти треугольников была одинаковой и равнялась 30.

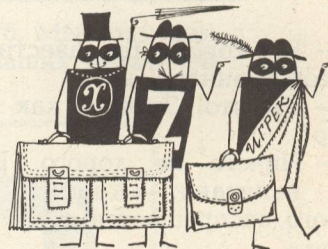
НА КОНКУРС ИКСА, ИГРЕКА, ЗЕТА

На шахматном поле

Перед нами шахматная доска. Но ни пешек, ни коней, ни слонов нет, вместо них шашки. Задача такая: шашки нужно расставить на черных полях так, чтобы ни одна из них не могла бить другую и чтобы шашек было наибольшее число. Причем запрещено занимать все черные поля.

Ответ на конкурсную задачу — в следующем номере, а свои фамилии победители увидят в Почетной клетчатой тетради. Ответы на остальные задачи в этом же номере — присылать свои решения не надо.

СОСЧИТАЙ-КА

Как записать число 1 000, пользуясь знаками арифметических действий и пятью девятками? или шестью тройками? или семью единицами? или восемью восьмерками? или тремя десятками?

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

В СТРАНЕ ШАХА-ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Кто сильнее?

Об этом спрашивают в своих письмах Сережа Полуянов из Перми, Толя Пономарев из Гомеля, Наташа Рудакова из Винницы и многие другие ребята. Чтобы помочь ребятам разобраться, Пешкин составил вот эту таблицу. Она показывает сравнительную силу фигур и пешек, соотношение сил в шахматном царстве.

Конь сильнее коня

Таблица получилась интересная, но... не очень точная. В шахматной борьбе значение любой фигуры зависит еще и от того, какую позицию она занимает, какую роль выполняет в общем плане игры. Бывает, что скромная пешка становится сильнее многих фигур и пешек. В этом и красота шахмат! Умелый шахматист тот, кто заставит фигуры и пешки проявить свою мощь в полной мере.

В чем сила фигуры? В том, что она держит под своим контролем определенный участок шахматной доски. Ферзь, скажем, потому сильнее слона, что действует по любым диагоналям и по горизонталям.

Но ведь бывает и так. Один из играющих «законопатит» своего ферзя где-либо в углу, и у бедняги вовсе не окажется подходящих ходов. И тогда ферзя не сравнить даже со слонем.

Поставьте коня на центральное поле e4. Посчитайте, сколько полей он контролирует. Видите, настоящий круговой обстрел.

А теперь поставьте этого же коня на поле h1. Всего лишь два поля под его контролем. Конь стал слабее... коня!

1-я диаграмма

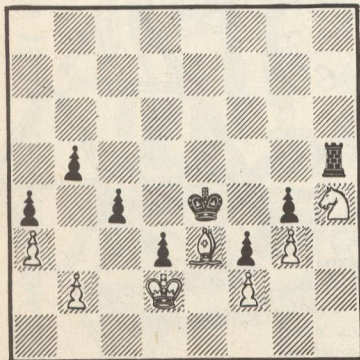
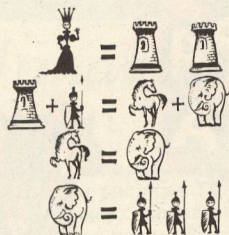

Таблица мер и весов

Так бывает и с другими фигурами. Значит, пользуясь таблицей Пешкина, обязательно учитывайте обстановку на доске. И еще помните, что, как правило, на центральных полях фигуры активнее, опаснее для противника.

Все зависит от позиции!

А теперь скажите, каково соотношение сил в положении, показанном на первой диаграмме.

Тут ладья и две пешки примерно равны по силе двум легким фигурам. Белые забаррикадировали все подступы к своему лагерю и, казалось бы, могут чувствовать себя спокойно.

Но это лишь первое впечатление. На самом деле положение белых безнадежно. Используя более активную позицию своих фигур и силу проходной пешки d3, черные организуют прорыв линии обороны белых.

Вот что произошло в этой партии:

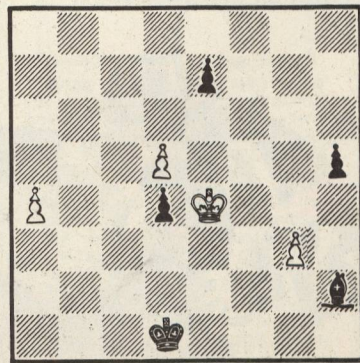
1... b5—b4! 2. a3 : b4 (иначе решает 2... c3 +) 2... Lh5 : h4! 3. g3 : h4 g4—g3! 4. f2 : g3 (грозило 4... g2) 4... c4—c3 + 1 5. b2 : c3 a4—a3, и пешка «а» стала неудержимой.

А как обстоят дела в позиции на второй диаграмме?

Здесь арифметическое соотношение сил благоприятно для черных. Как мы знаем, слон равен трем пешкам, значит, белые располагают тремя единицами, а черные — шестью. Конечно, ни у кого нет сомнений, что 6 больше, чем 3. Но, ловко используя свою проходную пешку a4 и скрытую возможность пата, белые могут избежать поражения. Они играют так: 1. d5—d6! e7 : d6 2. Кре4—d3 Ch2 : g3 3. a4—a5 d6—d5 4. a5—a6 Cg3—b8 5. a6—a7! Cb8 : a7, и белый король неожиданно оказывается запертым в центре доски.

Пешкин советует вам, ребята, внимательно разобрать это почетное окончание партии. Подумайте, почему белым надо первым ходом обязательно двигать пешку d5, что определило неожиданный результат и показало, что 6=3?

2-я диаграмма

Ответственный дежурный

Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Завещание ПИРАТА

Давным-давно когда-то
Дон Педро из Толедо,
Дон Педро, внук пирата,
Нашел записку деда.

В записке говорилось,
Что дедушка-пират
На острове Папинос
Зарыл огромный клад.

«Найти его не просто,—
Писал разбойник-дед,—
Папинос — голый остров
Почти что без примет.

Но в южной части все же
Растет одна сосна,
Сокровище поможет
Тебе найти она.

Сундук монет испанских
Зарыл я под сосной
В безоблачный прекрасный
Июня день второй.

В сундук насыпав денег,
Стал яму я копать,
Как раз в вершине тени
В семнадцать сорок пять».

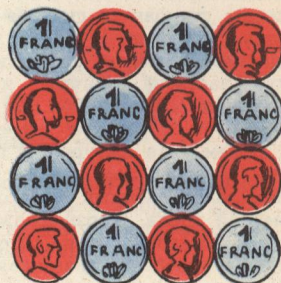
Помчался на Папинос
С большой лопатой внук.
А что потом случилось,
Нашел ли он сундук,
Что оказалось в яме,
И не соврал ли дед,—
На это все вы сами
Должны найти ответ.

МОНЕТ

Барон Мюнхаузен достал из кармана своего камзола маленький вышитый кошелек и высыпал на стол шестнадцать старинных французских монет. Затем он разложил

их так, как на первом рисунке.

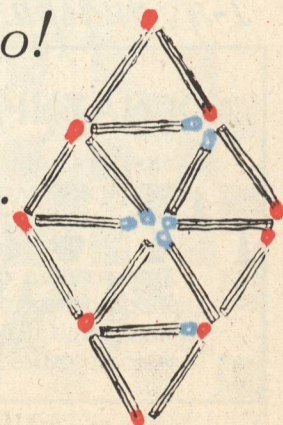
— Я отдам эти деньги тому,— сказал Мюнхаузен, обращаясь к гостям,— кто сможет, касаясь пальцами двух монет, расположить их так, как они нарисованы здесь. И он показал второй рисунок.

Попробуйте и вы сделать это.

*

Осторожно!
Играем со
спичками...

Из шестнадцати спичек сложите такую фигуру, как показано на рисунке. Она состоит из восьми равносторонних треугольников. А теперь уберите четыре спички так, чтобы осталось всего четыре равносторонних треугольника.

Шалаш

Учтите, что шалашей было столько, сколько раз можно прочитав слово «шалаш» на этом рисунке. Причем вы можете читать его как угодно: сверху вниз, снизу вверх, справа налево, слева направо, делая любые повороты в сторону внутри круга. Важно только, чтобы буквы всегда шли подряд.

Как-то раз мечтатель Ваня
У ручья гулял в тиши,
Вдруг он видит: на поляне
Зайцы строят шалаш.
В удивлении мечтатель
Рот разинул до ушей.
Не могли б сказать вы, кстати:
Сколько было шалашей?

ВЫСТРЕЛ У СТЕНЫ

КОНАН-ДОЙЛЬ. Фермер Джон Браун явился в полицейский участок и подал жалобу на своего соседа Гарри Скотта:

«Я,—говорилось в жалобе,—собирал грибы в лесу и подошел к стене, окружающей двор Скотта. Вдруг раздался выстрел. С меня сбило шляпу, но я успел повернуть голову и увидел, как из леса выскочил человек с ружьем. Он был в маске, но по фигуре я все-таки узнал Гарри Скотта. Я знаю, что он меня ненавидит. Но ведь я не перелезал его стену, я был с той стороны, где лес, а лес принадлежит всем».

— Что же сделал Шерлок Холмс?

— Он отправился к Скотту. У него действительно оказалось охотничье ружье-двустволка, заряженное всего одним патроном.

— Нашли ли еще какие-нибудь улики?

— Да. Около стены в одном месте Шерлок Холмс собрал горсточку дробинок.

— Соответствовал ли размер дробинок величине дырочек на шляпе Джона Брауна?

— Да, и Шерлок Холмс приложил дробинок к делу. К каким выводам, по вашему мнению, пришел великий сыщик во время расследования?

ЭКЗАМЕН ПРИНИМАЕТ КОНАН-ДОЙЛЬ

ЭКЗАМЕН ПРИНИМАЕТ КОНАН-ДОЙЛЬ

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ № 9

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Музыкальные имена
Имя дирижера—Митрофан.
Кто Я?
Моя профессия АРТИСТ.
А вот как вы должны были ее определить:

шпага — шпагат	— Т	А
кошма — кошмар	— Р	Р
вена — весна	— С	Т
рубка — трубка	— Т	И
плач — палач	— А	С
парк — парик	— И	Т

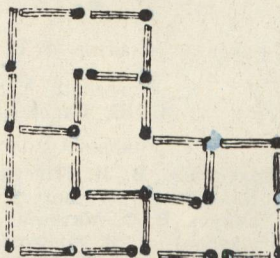
Осторожно! Играем со спичками

I. 1,4,5,6,7,8,2,3. 1,4,7,8,2,3,5,6.
1,8,2,3,5,6,4,7. 1,3,5,6,4,7,8,2.
1,3,5,7,8,2,6,4.— В таком порядке нужно перекладывать спички.

II. Нужно убрать десять спичек, чтобы осталось

III. У вас должна получиться такая фигура:

Клад Касья Бессмертного
На заданный Иванушкой вопрос сосна ответила «да». Это значило, что клад не мог быть под левой спрощенной сосной. Ведь сосна с кладом никогда не лжет, поэтому она и не могла ответить на вопрос Иванушки «да», если бы на самом деле клад находился под ней, а не под средней сосной. А если ответ не принадлежит сосне с сокровищем, значит, он заведомо ложный и клад находится под правой сосной.

СОДЕРЖАНИЕ

Ключ к номеру	1
Ответь за галстук. — Рассказ В. Тараса.	2
Рисунки С. Трофимова	11
«Связь-3» уходит на задание. — А. Кричевский	12
О Василе Мысине и его стихах. — Б. Слуцкий	12
Тропинка. Осень. Снег. Фонарик. Юность. — Стихи В. Мысика. Рисунки П. Вагина	14
Юра Красиков творит чудеса. — Фантастическая повесть В. Сарнова. Окончание. Рисунки Е. Медведева	26
В нашем ленинском кабинете. Да здравствует социалистическая революция! — Г. Гребенников	28
Кораблик	30
У нас в гостях «Фрэзи»	38
По дорогам Италии. — И. Уварова. Рисунки И. Галанина	44
Чтобы тело и душа были молоды! — С. Федоров	46
Жизнь Ленина. — Повесть М. Прилежаевой. Продолжение. Репродукции с рисунков О. Верейского выполнены П. Злоказовым	58
Смотрите не пропустите	62
Завтрашняя афиша. — Л. Голубкина. Фото П. Воброва	64
Радиостанция «Здравствуй»	71
Человек-горошина и Простак. — Сказка А. Шарова. Рисунки И. Галанина	72
Пирамиды. Крокодил и Петух. — Стихи Г. Сапгира	74
Научный телеграф	75
Клуб «Сорок сорок»	77
Встречи с Тремя Неизвестными. Рисунки В. Кыштымова	78
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович	
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров	

На обложке:

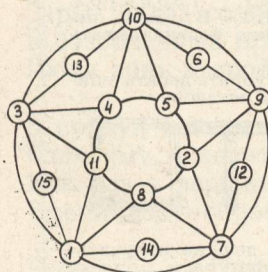
Театральное шествие. Рисунок И. Галанина

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАСКРЫВАЮТ СВОИ ТАЙНЫ

(ответы на задачи номера)

В сумме 30

Сосчитай-ка

Как записать число

1 000:

$$999 + 9 : 9 = 1\,000$$

$$333 \times 3 + 3 : 3 =$$

$$= 1\,000$$

$$1\,111 - 111 = 1\,000$$

$$888 + 88 + 8 +$$

$$+ 8 + 8 = 1\,000$$

$$10 \times 10 \times 10 = 1\,000$$

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор

С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

Т. В. Голубцова, В. И. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж.

Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. Назарова.

А 00187.

Подписано к печати 4/IX 1969 г.
Формат бумаги 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 120 000 экз.
Изд. № 1861. Заказ № 2194.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Храбрые портняжки

В школу обе эти девочки так же, как и ты, ходят в коричневых платьях с белым воротничком и черным передником. А для дома у них есть сарафаны и легкие пестрые блузки.

Сарафан отлично выглядит и на худенькой и на полной девочке. Сшить его можно из одноцветной ткани, украсить яркой, в тон блузке строчкой или цветным кантом, а большой карман сделает его еще наряднее.

В поход или на экскурсию хорошо отправиться в спортивной куртке и в брюках. И очень удобно в этом костюме играть осенью во дворе: никакой ветер тебя не достанет!

Посмотри на фотографию рядом. Девочка выглядит очень нарядной, а ведь пальто на ней совсем простое!

Его украшают большие карманы, блестящие металлические пуговицы. Пальто сшито из одноцветной ткани, из вельвета, но оно может быть и в клеточку и в полоску. А такая шапочка идет решительно всем девочкам — и стриженным и тем, кто носит косы.

Курточку, которую надел этот мальчик, удобно носить и с легкой рубашкой и с теплым свитером, особенно если у свитера высокий воротник. Такой костюм хорош и для улицы и для того, чтобы пойти в гости или в театр.

Вот платье для высокой девочки. В таком хорошо пойти на выставку, во Дворец пионеров, а вечером — на концерт или в театр. И совсем не обязательно шить его из дорогой шерстяной материи! Тут подойдет и штапельная, и хлопчатобумажная ткань, и ткань с лавсаном. Только смотри, чтобы цвет пояса подошел к цвету платья — как бы оно не стало слишком пестрым!

И. НАДГОРНАЯ

ПИЛОТКА-НЕВИДИМКА

Рассказ Саши ТКАЧЕВА

Начало читайте на второй странице обложки.

Через поляну пробежали четверо синих. Начали шарить в кустах. Откуда-то взялся пятый.

— Я видел его вот здесь, честное слово, видел! — взволнованно повторял он.

«Пропал», — подумал я и тут же вспомнил: «Пилотка! Стоит надеть ее снова — и я невидим!»

Конечно, я не смог удержаться. Я подошел к ним совсем близко. Я стоял совсем рядом с тем, кто говорил, что видел меня. Я слышал его прерывистое дыхание. И я щелкнул его слегка по затылку. Разумеется, он накинул на соседа. Тот не остался в долгу. Пона они все вместе выяснили, кто начал первым и почему, я перешел поляну и долго пробирался сквозь заросли. Не раз встречались мне синие. Я уступал им дорогу и шел дальше. Однажды даже подставил ножку.

Шел я долго, наконец выбрался на поляну. Здесь-то и расположились ребята из отряда «Звездочка». Где-то тут они, должно быть, и прячут знамя, которое мы должны отыскать.

— Серпухов, — услышал я зычный голос командира «Звездочки». — Серпухов, возьми знамя и следуй за Вовкой. Спрячь его там, где мы говорили, ясно? Сереежа Серпухов и Вовка кинулись в кусты.

«Удача! — подумал я. — Невиданная удача!» Я шел за ними, даже не пригибаясь. Но пока шел, подумал вдруг о том, что это будет, пожалуй, нечестная победа. Что хитрого в том, чтобы добыть знамя с помощью пилотки-невидимки? Она пригодится мне в других делах. И я снял свою пилотку и сунул ее за пояс. Я решил действовать без нее.

Да, мне удалось добыть знамя «Звездочки». Но это уже вовсе другая история, вовсе не волшебная...